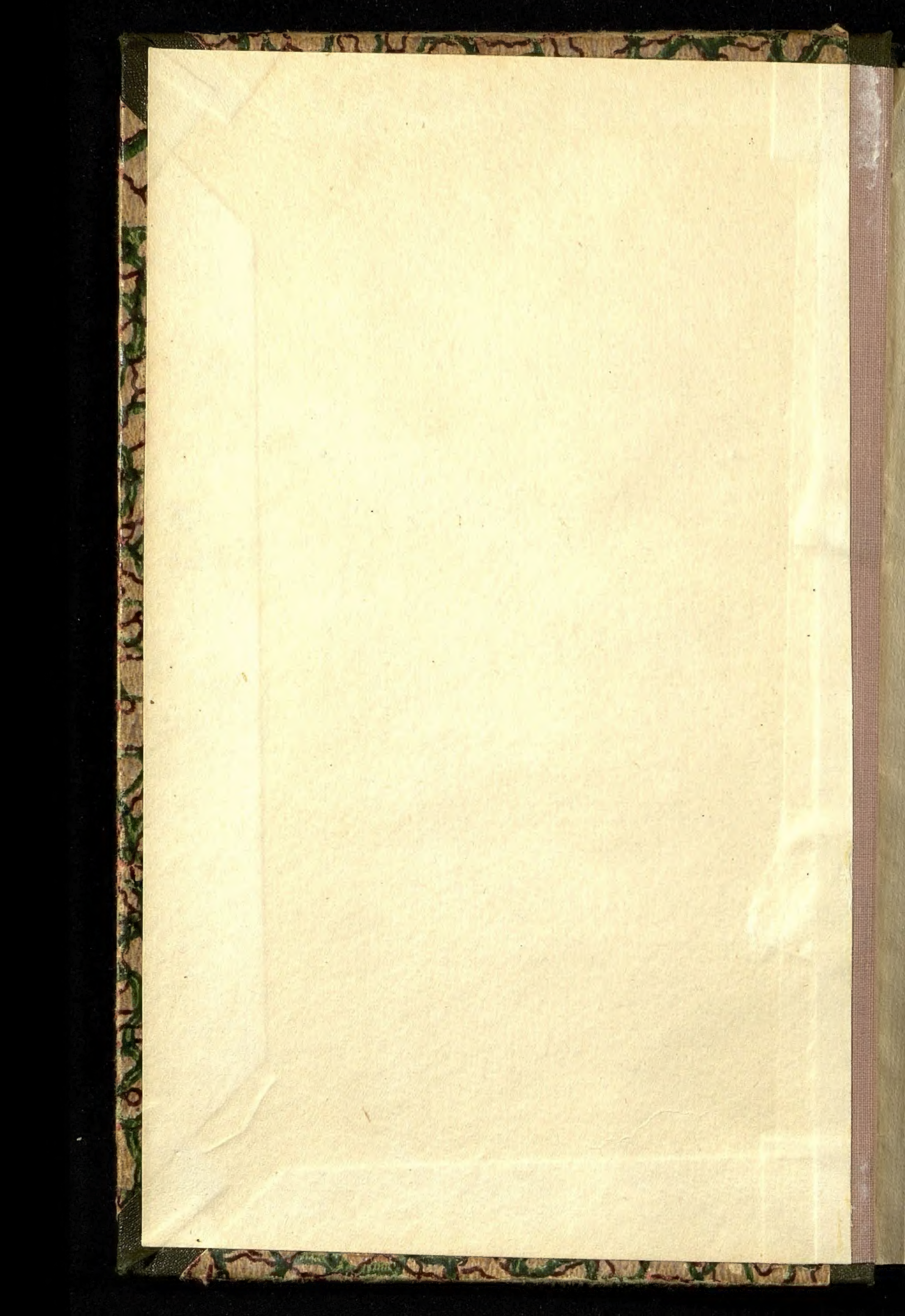

В. Чернышевъ.

ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА РУССКАГО ПРОИЗНОШЕНІЯ.

ЗВУКИ. ФОРМЫ. СОЧЕТАНІЯ СЛОВЪ.

ОПЫТЪ РУКОВОДСТВА ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ, ЧТЕЦОВЪ И АРТИСТОВЪ.

Изданіе 3-е, пересмотрѣнное.

Цѣна 80 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Второе изданіе книги В. Чернышева:

„ПРАВИЛЬНОСТЬ И ЧИСТОТА

РУССКОЙ РѢЧИ“,

вслѣдствіе значительно увеличеннаго объема, выходитъ въ 3-хъ отдѣльныхъ выпускахъ. Напечатаны:

Выпускъ 1-й — *Фонетика.* Ц. 1 р.

Выпускъ 2-й — *Части рѣчи.* Ц. 2 р. 50 к.

Въ 1916 году предполагается издать выпускъ 3-й — *Синтаксисъ.*

Каждый выпускъ продается отдѣльно.

Выписывающіе выпуски этой книги отъ автора (Петроградъ, Васильевскій Островъ, 6 линія, д. 29, кв. 38) за пересылку не платятъ.

Со стороны воен. ценз. не встрѣчается препятствій къ напечатанію.
Петроградъ, 17 авг. 1915.

В. Чернышевъ.

ЗАКОНЫ И ПРАВИЛА

РУССКАГО ПРОИЗНОШЕНІЯ.

ЗВУКИ. ФОРМЫ. СОЧЕТАНІЯ СЛОВЪ.

ОПЫТЪ РУКОВОДСТВА ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ, ЧТЕЦОВЪ И АРТИСТОВЪ.

Изданіе 3-е, пересмотрѣнное.

Цѣна 80 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Государств. публичная
историческая
1142636

Предисловіе къ первому изданію.

При многихъ руководствахъ къ русскому правописанію — орѳографіи, наша учебная литература не имѣетъ никакой книжки о правильномъ русскомъ произношеніи — орѳоэпіи. Нужда въ такой книжкѣ чувствуется въ разныхъ отношеніяхъ. Напр., въ лучшихъ руководствахъ, посвященныхъ выразительному чтенію, каковы книги Коровякова, Озаровскаго, есть главы, въ которыхъ произведена попытка изложить правила русскаго произношенія. Но находящіяся тамъ свѣдѣнія не отличаются ни полнотой, ни точностью. Авторы обѣихъ книгъ воспользовались только статьей покойнаго академика Я. К. Грота о звукахъ русскаго языка въ «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія». Покойный ученый не имѣлъ въ виду въ названномъ сочиненіи изслѣдовать вопросъ о нашемъ произношеніи во всѣхъ подробностяхъ и касался его лишь настолько, насколько оно относилось къ главному предмету его разсужденія, къ правописанію.

Правила русскаго произношенія находятся какъ въ лучшихъ грамматикахъ, такъ и въ нѣкоторыхъ спеціальныхъ трудахъ извѣстныхъ русскихъ лингвистовъ.

Въ настоящей книжкѣ мы излагаемъ главные результаты этихъ научныхъ работъ въ возможно упрощенномъ видѣ.

Скажемъ нѣсколько словъ о значеніи орѳоэпіи.

Знаніе законовъ и особенностей русскаго произношенія важно прежде всего само по себѣ, какъ необходимая часть свѣдѣній по грамматикѣ родного языка. Для образованныхъ людей обязательно правильное пониманіе общихъ вопросовъ русскаго произношенія и знакомство съ его частностями. Недостаточно знать одну сторону грамматики — правописаніе, которое является лишь мертвымъ языкомъ книгъ. Нужно знать и нужно научиться наблюдать важнѣйшія явленія живой рѣчи. Это должно лежать въ основѣ изученія родного языка.

Знаніе правилъ русскаго произношенія необходимо и для практическихъ цѣлей. Этими правилами нужно руководствоваться уже при самомъ первоначальномъ изученіи русскаго языка. Уроки чтенія не могутъ считаться веденными вполнѣ удовлетворительно, если на нихъ не соблюдаются правила произношенія. Объ этомъ нерѣдко забываютъ. Всѣ согласны въ томъ, что необходимо учиться правильно писать (писать по принятой орѳографіи), но гораздо рѣже обращаютъ вниманіе при обученіи на правильное, т. е. общепринятое произношеніе (согласное съ русскою орѳоэпіею). Наши школьники, даже въ столицахъ, читаютъ нерѣдко не такъ, какъ говорятъ, а такъ, какъ написано: кого, чего, Петръ, пошелъ, ея сестра, что, ходятъ и т. п., вмѣсто каво, чево, Пётр, пашол, её сестра, што, ходют и т. д. Выходитъ, будто читающіе разбираютъ не живую русскую рѣчь, но слова какого-то мертваго языка, формы котораго извѣстны имъ только изъ книгъ. Еще болѣе неумѣстно такое книжное произношеніе, когда его держатся въ выразительномъ чтеніи стиховъ и прозы. На спектакляхъ и литературныхъ вечерахъ, которые устраиваются учащимися или любителями, нерѣдко можно замѣтить, что участвующіе, руководясь въ произношеніи совершенно неосновательно правилами правописанія, дѣлаютъ грубыя погрѣшности противъ правилъ произношенія, подобно плохо выученнымъ школьникамъ говоря: что, ея и т. п.[1]).

Въ нашемъ языкѣ произношеніе по буквамъ особенно неумѣстно потому, что письмо и принятое произношеніе имѣютъ громадную разницу. Поэтому выговоръ словъ по написанію является слишкомъ замѣтнымъ, онъ терзаетъ нашъ слухъ.

Знаніе главнѣйшихъ правилъ русскаго произношенія нужно также для иностранцевъ, учащихся живому русскому языку. Иностранцу въ своемъ произношеніи естественно удерживать тѣ звуки и звуковые оттѣнки, которые свойственны его родному языку. Теорія русскаго произношенія можетъ научить его говорить такъ, какъ говорятъ русскіе люди, безъ такъ называемаго «акцента». Для нерусскихъ людей болѣе нужны правила произношенія и при чтеніи, потому что они, въ особенности учась русскому языку по книгамъ, будутъ вообще читать такъ, какъ написано, и, значитъ, во многихъ случаяхъ ошибаться противъ принятаго русскаго произношенія. Такимъ образомъ, знакомство съ основными правилами русскаго произношенія является особенно полезнымъ нашимъ инородцамъ, полякамъ, нѣмцамъ и представителямъ другихъ народностей, живущихъ въ Россіи. Правильное русское произношеніе въ нашей окраинной школѣ должно тщательно выясняться на урокахъ русскаго языка. Если польскій мальчикъ говоритъ сфой вмѣсто свой, а татарскій

---

1) Болѣе подробное развитіе нашихъ взглядовъ на значеніе и преподаваніе живого языка желающіе могутъ найти въ особой брошюрѣ: *В. Чернышевъ, Въ защиту живого слова.*

произноситъ жяра (жара), шютка (шутка), если гимназистъ говоритъ: ея, у нея, то имъ должно выяснить, что такихъ произношеній нѣтъ въ русскомъ языкѣ, что произношенія у нея, кого столько же «неграмотны», какъ написанія дрофъ, каво, чюдо.

И для русскихъ, обучающихся иностраннымъ языкамъ, также необходимо имѣть правильныя представленія о звукахъ русскаго языка, чтобы сравнительно съ ними уяснить себѣ особенности произношенія чужого языка. Напримѣръ, изучающему чужой языкъ, при основательномъ знаніи особенностей нашего, нетрудно понять значеніе буквъ *è* и *é* во французскомъ, или *ä* и *e* въ нѣмецкомъ, такъ какъ ему будетъ извѣстно, что и въ русскомъ языкѣ, въ живомъ произношеніи, есть два звука *е*, широкій и узкій (правда, при другихъ условіяхъ), но въ нашемъ письмѣ нѣтъ для нихъ отдѣльныхъ буквъ. Точно также русскій, учащійся французскому языку, не будетъ выговаривать на русскій ладъ, неправильно французскихъ звонкихъ, сохраняющихъ свое произношеніе и въ концѣ словъ: commode (=комодъ, гдѣ въ концѣ французское произношеніе требуетъ звука *д*, а русское — *т*), или не станетъ выговаривать мягко нѣмецкихъ согласныхъ передъ *i*: Tisch, какъ русское тишь.

Многоуважаемаго А. А. Шахматова я долженъ очень поблагодарить за просмотръ моего труда и многіе поправки, указанія и совѣты.

Предисловіе къ третьему изданію.

Въ настоящемъ третьемъ изданіи авторъ сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія и поправки въ той части текста, которая перенесена въ это изданіе изъ предыдущаго второго. Помѣщенная въ двухъ первыхъ изданіяхъ глава объ удареніи пропущена. Авторъ предполагаетъ напечатать ее потомъ во 2-мъ изданіи другой своей брошюры: «Русское удареніе». Вмѣсто пропущенной главы составлена новая: «Рѣчь въ цѣломъ», въ которой разсматривается произношеніе сочетаній со стороны ритма рѣчи и ея интонацій.

По поводу второго изданія этой книжки въ печати появились замѣчанія, на которыя я считаю необходимымъ дать нѣкоторыя объясненія. Извѣстный музыкальный критикъ и композиторъ, М. М. Ивановъ напечаталъ въ «Новомъ Времени» (№ 13350, вышедшій 13 мая 1913 г.) статью: «Наши рѣчь и произношеніе»; конецъ этой статьи посвященъ критикѣ моей книжки, на которую я и отвѣчаю.

Г. Ивановъ пишетъ, что, прочитавъ мои «Законы и правила русскаго произношенія», онъ «совершенно не понялъ прежде всего — кто установилъ эти законы и правила? Ужъ не наши ли педагоги?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ находится на первой печатной страницѣ моей книги, гдѣ говорится, что она составлена по лучшимъ русскимъ грамматикамъ и гдѣ начинается перечисленіе источниковъ, которыми я пользовался (указано до 40 научныхъ сочиненій). Педагогамъ и я не всѣмъ довѣряю, потому что между ними есть такіе преподаватели родного языка, объ одномъ

изъ которыхъ М. М. Ивановъ разсказываетъ въ началѣ своей статьи: «Когда-то мой учитель словесности И. Ѳ. Глѣбовъ, москвичъ и ученикъ Ѳ. И. Буслаева, который тоже былъ раньше въ нашей (третьей) московской гимназіи учителемъ русскаго языка, — ставилъ намъ «колъ», если мы произносили «што» вмѣсто «что», «скушно» вмѣсто «скучно»...». Я долженъ сказать, что педагогъ г. Глѣбовъ, хотя и былъ ученикомъ Буслаева, но не зналъ грамматики своего знаменитаго учителя, въ которой говорится: «Въ произношеніи буквы *ч*, *щ*, передъ *н*, иногда переходятъ въ *ш*; напр. говоримъ: *скушно*, *нарошно*, *башмашникъ*, *помошникъ*, а пишемъ: *скучно*, *нарочно*, *башмачникъ*, *помощникъ*... Вмѣсто *ч* произносимъ *ш* въ мѣстоименіи *что*, передъ *т*» Ѳ. Буслаевъ, Учебникъ русской грамматики, изд. 7, М. 1888 г., стр. 19. Не зналъ онъ и Греча, у котораго есть такое же правило (См. «Практическая русская грамматика», изд. 2-е, СПб. 1834, стр. 421). Не заглядывалъ онъ и въ грамматику Востокова, у котораго оно тоже есть («Русская грамматика Александра Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная», изд. 9-е, СПб. 1856, стр. 249). Ясно, что этотъ педагогъ отличался не знаніемъ предмета, а рѣшительностью характера, которой я не завидую, хотя М. М. Ивановъ ее и одобряетъ.

Изъ того моего замѣчанія, что на особенности мѣстнаго произношенія, съ лингвистической точки зрѣнія, нельзя смотрѣть, какъ на ошибки, почтенный критикъ дѣлаетъ «логическій выводъ», что, несмотря на всѣ мои дальнѣйшія поясненія, выходитъ одно: «говорите, какъ хотите, и вы совершенно будете правы». Но самый фактъ составленія и изданія книжки о произношеніи (какими бы недостатками она ни обладала), кажется, подсказываетъ другой логическій выводъ. При томъ на книжкѣ обозначено, для кого она составлялась. Этимъ и выражено мое мнѣніе о томъ, кто не можетъ говорить, «какъ угодно», а долженъ научиться говорить «правильно».

Въ заключеніе М. М. Ивановъ высказываетъ нѣсколько неодобрительныхъ сужденій по поводу приведенныхъ въ концѣ

моей книжки образцовъ научной транскрипціи русскаго произношенія. Прежде всего критикъ напрасно смѣшиваетъ эти транскрипціи съ правописаніемъ. Никому никогда изъ людей ученыхъ и въ голову не приходило замѣнять какое либо правописаніе «научной транскрипціей произношенія». Это было бы также странно, какъ, напримѣръ, введеніе во всѣхъ мелочныхъ лавкахъ аптекарскихъ вѣсовъ, чтобы взвѣшивать хлѣбъ, масло, муку и др. предметы съ самой величайшей точностью.

Я согласенъ съ г. Ивановымъ, что эти транскрипціи трудно разбирать, и чѣмъ онѣ точнѣе, тѣмъ непонятнѣе. Но развѣ всѣ разумѣютъ математическія формулы, развѣ всякому образованному человѣку понятны ноты? А кто же скажетъ, что онѣ безполезны, не нужны!

Не говоря о научномъ значеніи этихъ транскрипцій, онѣ очень нужны и для практики. Я сейчасъ имѣю въ рукахъ превосходный учебникъ русскаго языка, составленный для шведовъ извѣстнымъ и у насъ знатокомъ русскаго языка шведскимъ профессоромъ Лунделемъ. Въ этомъ учебникѣ русскіе тексты даны въ двухъ видахъ: на одной сторонѣ напечатано такъ, какъ принято въ книгахъ,—на другой, противоположной, тотъ же текстъ дается въ фонетической транскрипціи, усвоивъ которую, ученикъ, не понимая еще русскаго языка въ совершенствѣ, читаетъ по-русски совершенно правильно. Какъ было бы хорошо, если бы у насъ были такія же книги для изученія англійскаго или французскаго языка! А для пѣвцовъ что̀ можетъ дать фонетическая транскрипція! Вѣдь, съ помощью ея можно пѣть на какомъ угодно незнакомомъ языкѣ, весьма сносно произнося чужія слова.

Впрочемъ, я очень благодаренъ г. Иванову за сдѣланныя мнѣ замѣчанія и очень жалѣю, что онъ подѣлился со мною лишь небольшимъ числомъ своихъ возраженій противъ изложенныхъ у меня законовъ и правилъ.

Главныя возраженія другому моему критику, профессору А. И. Томсону, изложены въ слѣдующемъ «письмѣ въ редакцію», которое помѣщается здѣсь потому, что не было напечатано въ

свое время по причинамъ, отъ меня не зависѣвшимъ. Возраженія ему же о произношеніи русскаго *щ* были въ свое время напечатаны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» (1911 г., № 2).

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Въ февральской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» профессоръ Томсонъ даетъ очень нелестный отзывъ о составленной мною книжкѣ: «Законы и правила русскаго произношенія». Не признавая ни одного изъ замѣчаній г. Томсона совершенно справедливымъ и считая вопросъ о разногласіяхъ между нимъ и мною весьма важнымъ, такъ какъ дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о популяризаціи грамматическихъ знаній, которою у насъ, къ сожалѣнію, занимаются очень немногіе, я покорнѣйше прошу дать мѣсто въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ настоящему объясненію.

1) Напрасно профессоръ Томсонъ говоритъ, что я далъ своей книгѣ «громкое» заглавіе. Заглавіе вполнѣ отвѣчаетъ содержанію книжки, въ которой говорится о русскомъ произношеніи и излагаются его законы и правила. Профессоръ Томсонъ можетъ не признавать этихъ законовъ и правилъ, можетъ не считать ихъ «научными», но это, думаю, не даетъ ему права обвинять пишущаго эти строки въ чемъ-то въ родѣ обмана.

2) Г. Томсонъ говоритъ, что употребляемая мною для обозначенія произношенія транскрипція «неправильна и безобразна»(!). Сильно, но неосторожно выражается г. Томсонъ. Транскрипція эта только *не вполнѣ точна*, какъ и всякое изображеніе звуковъ языка, которое не выходитъ изъ предѣловъ принятой въ немъ азбуки. Научная транскрипція, съ буквами взятыми изъ нѣсколькихъ азбукъ, съ точками и дугами вверху и внизу буквъ, съ буквами перевернутыми сверху внизъ и справа налѣво, конечно, очень точна, но она не вразумительна обыкновеннымъ смертнымъ и ее понимаютъ только 2—3 десятка счастливцевъ, спеціально посвятившихъ себя изученію фонетики.

Даже математика, точнѣйшая изъ наукъ, вполнѣ допускаетъ обозначенія и вычисленія приблизительныя. И никто не говоритъ, напримѣръ, что длина окружности опредѣляется «неправильно и безобразно»; нѣтъ, говорятъ: «эти вычисленія не вполнѣ точны».

Замѣчу, что эта «неправильная и безобразная» транскрипція постоянно употребляется академикомъ Соболевскимъ, ученымъ, который въ знаніи русскаго языка не уступитъ профессору Томсону.

3) Профессоръ Томсонъ говоритъ, что я, какъ реформистъ, желаю, чтобы въ моей книжкѣ каждый звукъ изображался особою буквою.

Зачѣмъ это смѣшеніе разныхъ вещей и приписываніе взглядовъ, мнѣ несвойственныхъ? Вѣдь, въ данной книжкѣ я отнюдь не выступаю въ качествѣ реформиста. Это увидитъ всякій, кто ее просмотритъ. Вообще же я никогда не смѣшивалъ правописанія съ фонетической транскрипціей. Это два дѣла разныя. Наконецъ, какъ сторонникъ «упрощенія правописанія», я никогда не держался того мнѣнія, что въ основу реформы долженъ лечь фонетическій принципъ.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ къ Вамъ уваженіи.

В. Чернышевъ.

С.-Петербургъ.
15 апрѣля 1910 года.

Достоуважаемому А. А. Шахматову я долженъ принести искреннюю благодарность за большую помощь, оказанную мнѣ при обработкѣ дополнительной статьи настоящаго изданія о произношеніи сочетаній словъ.

Что называется русскимъ произношеніемъ.

§ 1. Русскій языкъ есть прежде всего живой языкъ русскаго народа. И малороссы, и бѣлоруссы, и великоруссы, акающіе и окающіе, всѣ говорятъ по-русски, какими бы мѣстными особенностями не отличалась ихъ рѣчь. Съ лингвистической точки зрѣнія на эти особенности нельзя смотрѣть какъ на ошибки, неумѣнье правильно говорить, какъ думаютъ иногда объ этомъ мало образованные люди: это именно только естественная особенность, присущая рѣчи человѣка изъ извѣстной области. Люди разныхъ мѣстъ отличаются по нарѣчіямъ точно также, какъ по лицу, по цвѣту волосъ и глазъ, по одеждѣ. Они получаютъ эти особенности отъ природы или пріобрѣтаютъ привычкою, живя въ извѣстномъ обществѣ. Люди, не получившіе образованія, говорятъ на своемъ мѣстномъ нарѣчіи, діалектѣ. Въ ихъ языкѣ соблюдаются, какъ и въ нашемъ, строгіе и точные грамматическіе правила и законы. Только необразованному человѣку ихъ рѣчь можетъ казаться неправильной или даже смѣшной и странной. Крестьяне, говорящіе *стока́нъ, карма́нъ, поро́мъ, рёдка* (рѣдька), *сусѣ́дъ, ча́пля, до́мы, мене́, рожа́ю* и т. п. не исказили, но сохранили древнѣйшее произношеніе этихъ словъ, утраченное въ языкѣ образованныхъ людей.

Всѣ образованные люди во всякой странѣ говорятъ на одномъ какомъ-либо нарѣчіи, которое сдѣлалось главнымъ, литературнымъ, на которомъ основана и котораго держится книжная рѣчь. Живымъ литературнымъ языкомъ является у всякаго народа болѣе совершенный, болѣе связанный съ письменностью діалектъ, который постепенно входитъ въ общее употребленіе между писателями, учеными и всѣми образованными людьми. Обыкновенно это нарѣчіе столичнаго города. Неумѣнье говорить на общепринятомъ литературномъ діалектѣ считается уже при-

знакомъ необразованности, все равно какъ неумѣнье писать правильно, какъ пишутъ въ книгахъ.

Итакъ, понятіе о «правильномъ» русскомъ произношеніи чисто условное. Собственно всѣ говорятъ правильно, т. е. по извѣстнымъ грамматическимъ законамъ, но настоящей русской рѣчью считаютъ ту, которая одинакова съ нарѣчіемъ, принятымъ всѣми образованными людьми. А въ рѣчи образованныхъ людей у насъ принято, приблизительно съ половины XVIII вѣка [1]), московское нарѣчіе, т. е. нарѣчіе, которымъ говорятъ коренные жители города Москвы. Это нарѣчіе еще тогдашніе замѣчательные писатели, Ломоносовъ, Сумароковъ, признали самымъ богатымъ, обработаннымъ и благозвучнымъ.

Москва издавна была центромъ русской государственной жизни, также какъ и центромъ русскаго просвѣщенія. Въ ней находились самые ученые и образованные люди; въ ней всего больше писалось разныхъ бумагъ, сочиненій и переводовъ; въ ней шла самая оживленная торговая и промышленная дѣятельность. Поэтому въ московскомъ говорѣ давно и во множествѣ выработались опредѣленные обороты рѣчи и сочетанія словъ для письма и произношенія. Въ немъ набралось множество словъ изъ живого языка, изъ книгъ, отъ чужихъ народовъ, для того чтобы писать и говорить о всевозможныхъ предметахъ, касающихся управленія, суда, науки, ремеслъ, торговли и т. п.

Такимъ образомъ само собою вышло, что московское нарѣчіе сдѣлалось самымъ богатымъ, главнымъ, наиболѣе обработаннымъ и вошло въ общее употребленіе между всѣми образованными людьми. Перенесеніе столицы въ Петербургъ не измѣнило дѣла, потому что въ новой столицѣ поселился прежде всего дворъ,

---

1) Со времени появленія научныхъ трудовъ по русскому языку Тредіаковскаго, Ломоносова, Сумарокова. «Россійская Грамматика» Ломоносова вышла въ 1757 году. Въ ней говорится: «Московское нарѣчіе не токмо для важности столичнаго го́рода, но и для своей отмѣнной красоты протчимъ справедливо предпочитается; а особливо выговоръ буквы О безъ ударенія какъ А много пріятнѣе».

высшіе чиновники и знать съ своею челядью, жившіе прежде въ Москвѣ и говорившіе по-московски, такъ что и въ Петербургѣ утвердилось московское нарѣчіе.

Итакъ, русскимъ произношеніемъ называется московское произношеніе, также какъ въ основѣ современнаго русскаго литературнаго языка лежитъ московское нарѣчіе. Т. е. это нарѣчіе даетъ образцы для составленія грамматическихъ правилъ, для выбора и соединенія словъ въ рѣчи письменной и устной. Ученые и писатели съ восторгомъ выражаются о богатствѣ, мѣткости, красотѣ и правильности языка, которымъ говорятъ въ Москвѣ. Языкъ коренныхъ жителей Москвы считается образцомъ русской рѣчи и первымъ источникомъ для ея изученія. Пушкинъ пишетъ: «Альфіери[1]) изучалъ итальянскій языкъ на флорентинскомъ базарѣ. Не худо намъ иногда прислушиваться къ московскимъ просвирнямъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Всѣ другія русскія нарѣчія по отличающему ихъ произношенію, по особымъ словамъ и оборотамъ рѣчи называются мѣстными, провинціальными. Образованные люди во всѣхъ мѣстахъ Россіи говорятъ по-московски. На сценѣ, на каѳедрѣ, въ публичномъ чтеніи, въ произнесеніи рѣчи считается особенно неблагозвучнымъ въ устахъ образованнаго человѣка какой бы то ни было мѣстный говоръ.

Школа, сцена и весь образованный классъ, въ лицѣ своихъ болѣе просвѣщенныхъ представителей, не только насаждаютъ и распространяютъ общепринятое литературное (московское) нарѣчіе, но и охраняютъ его чистоту и единство. Литературное произношеніе есть наше общее достояніе, и достояніе высокой цѣнности и полезности; пользованіе имъ приноситъ намъ неисчислимыя удобства и выгоды. Съ этой точки зрѣнія всѣ и должны охранять его, какъ предметъ общаго пользованія. Всякое нарушеніе единства литературнаго языка, всякая порча его, вмѣстѣ

---

1) Знаменитый итальянскій драматургъ (1749—1803).

съ пониженіемъ его цѣнности, вносятъ также извѣстныя неудобства въ общее употребленіе этого драгоцѣннаго средства для общенія образованныхъ русскихъ людей [1]).

Звуки русскаго языка.

Гласные звуки.

§ 2. По способу образованія гласные звуки дѣлятся на три разряда: 1) *гласные задняго ряда*, при образованіи которыхъ задняя часть спинки языка приподнимается къ заднему мягкому нёбу: *а, у, о;* 2) *гласный средняго ряда*, при образованіи котораго средняя часть спинки языка приподнимается приблизительно къ тому мѣсту, гдѣ переднее твердое нёбо отдѣляется отъ мягкаго задняго неба: *ы;* 3) *гласные передняго ряда*, образующіеся тогда,

1) Распространившись по всей Россіи черезъ школу, управленіе, сцену, переселеніе образованнаго класса изъ столицъ въ окраины, а также и черезъ другіе способы вліянія и сношенія, московское произношеніе, конечно, не можетъ вездѣ сохраниться въ совершенной чистотѣ. Въ Кіевѣ, Харьковѣ образованные люди вносятъ въ литературное произношеніе нѣкоторыя малорусскія черты; образованные жители Одессы, говоря по-московски, кромѣ другихъ особенностей, вносятъ въ свою рѣчь своеобразныя, непріятныя для насъ интонаціи; въ большихъ городахъ Сибири и сѣверной Россіи мы часто слышимъ смѣсь московскаго говора съ окающимъ сѣвернымъ; отъ интеллигенціи Кавказа, при другихъ особенностяхъ, нерѣдко приходится слышать употребленіе звука *h* вмѣсто московскаго *g*: но*h*и — нох, слу*h*и — слух (сравните наше: но*g*и — нок, слу*g*и — слук); въ самомъ Петроградѣ чистота московскаго произношенія нарушается вліяніемъ окружающихъ его сѣверныхъ говоровъ, изъ области которыхъ онъ преимущественно населяется, и большимъ вліяніемъ письменнаго, книжнаго языка, которому и въ другихъ городахъ, конечно, подчиняются тѣмъ больше, чѣмъ слабѣе утвердилась въ нихъ московская рѣчь. (Небольшую статью о томъ, «Какъ говорятъ въ Петербургѣ», мы помѣстили въ журналѣ «Голосъ и Рѣчь» 1913 г., № 1 и 2). Эти мѣстныя отклоненія отъ господствующаго нарѣчія вполнѣ естественны и даже въ извѣстной степени терпимы. Одно дѣло, если говорящій отступаетъ отъ литературнаго языка по «невольной», безсознательной привычкѣ и другое, если онъ не признаетъ несомнѣнныхъ правъ господствующаго литературнаго говора и хочетъ вмѣсто «общепринятаго» говорить «своимъ» языкомъ. Это значитъ — вносить сознательное, намѣренное разложеніе въ единый и общій живой литературный языкъ. Въ кругу близкихъ людей можно говорить какъ угодно, но тотъ, кто говоритъ публично, передъ всѣми, обязанъ употреблять «общепринятый» литературный языкъ во всей его чистотѣ и правильности.

когда языкъ передней частью спинки приподнимается къ переднему твердому нёбу: *и, э.*

	Заднiй рядъ	Среднiй рядъ	Переднiй рядъ
Гласные	а у о	ы	и э

Согласные звуки.

§ 3. Согласные звуки русскаго языка дѣлятся на *шумные* и *сонорные*. Первые образуются или однимъ шумомъ, производимымъ въ полости рта, какъ звуки *п, к, с,* или шумомъ при участiи голоса, какъ звуки *б, г, з*. Въ первомъ случаѣ согласные называются *глухими*, во второмъ — *звонкими*.

По органу образованiя шумные согласные раздѣляются на *заднеязычные, среднеязычные, переднеязычные* и *губные*.

Заднеязычные согласные, неправильно называемые «гортанными» (они образуются не въ гортани, а у задняго мягкаго нёба), образуются въ задней части нёба задней долей спинки языка. Къ этому разряду принадлежатъ согласные *г, к, х,* произносимые передъ гласными *а, о, у, ы* и въ концѣ словъ. Сюда же относится тотъ особый звукъ *г*, который мы слышимъ въ словѣ Бо*г*а и который обозначаютъ или латинской буквой *h* или точнѣе греческой γ.

Среднеязычные шумные согласные образуются у передняго твердаго нёба средней частью спинки языка. Это тѣ же звуки *г, к, х,* γ, но въ произношенiи передъ гласными *е, и;* также тотъ согласный звукъ, который мы слышимъ въ началѣ словъ яма, ель, ихъ, который нужно обозначить латинской буквой *j* или, приблизительно, нашей буквой *й:* jама, йама, jэль, йэль, jих, йих.

Переднеязычные шумные согласные образуются сближенiемъ или соприкосновенiемъ языка съ передней частью нёба *(передненёбные* какъ *ш, ж, с, з)* или съ передними верхними зубами *(зубные* согласные, какъ *д, т).*

Губные согласные это тѣ, которые образуются верхней и нижней губой *(б, п)* или нижней губой и передними зубами *(в, ф)*.

Сонорные согласные: *р, л, н, м.* Въ нихъ голосъ получаетъ преобладающее значеніе, и они всѣ являются *звонкими.*

Впрочемъ, въ концѣ словъ послѣ согласныхъ сонорные произносятся глухо (мысль, драхм, пѣснь), а въ народномъ языкѣ иногда совсѣмъ исчезаютъ (Пёт Петро́вич).

Русскій звукъ *р* образуется дрожаніемъ кончика языка. Изрѣдка мы слышимъ и другое произношеніе этого звука: *р* произносятъ почти какъ *г*, приближая заднюю часть спинки языка къ заднему нёбу. Это называется «картавить» или «грассировать». Недостатокъ этотъ встрѣчается болѣе въ образованномъ классѣ, чѣмъ въ народѣ.

Сонорные *м* и *н* называются еще носовыми, потому что при образованіи ихъ нёбная занавѣска опускается и воздушный токъ направляется не только въ полость рта, но и въ полость носа. Мы знаемъ еще въ русскомъ произношеніи и носовое *д*, которое нерѣдко слышится въ утвердительномъ *да*, произносимомъ не спѣша, съ раздумьемъ. Въ книгахъ обыкновенно мы находимъ такое *да* въ видѣ: *нда* или *н-да.*

§ 4. Кромѣ названныхъ здѣсь простыхъ согласныхъ звуковъ, въ русскомъ языкѣ есть еще сложные согласные:

глухой сложный *ч*, представляющій слитное сочетаніе звуковъ, *тъ* и *шъ* (послѣдите за положеніемъ языка при произнесеніи словъ *тесть* и *честь:* вы увидите, что второе слово начинается, какъ и первое, съ *т; ш* въ концѣ звука *ч* ясно слышится, если его нѣсколько протянуть: *т-ш-ш-ш); ему* соотвѣтствуетъ звонкій *дъжъ;*

глухой *ц*, представляющій слитное сочетаніе *т* и *с* (сравните одинаковое положеніе языка въ началѣ словъ *цынкъ* и *тынъ* и протяните *ц*, чтобы услышать въ концѣ *с*); ему соотвѣтствуетъ звонкій *дз;*

глухой *щ*, состоящій изъ соединенія звуковъ *шъ* и *шъ* или *шъ* и *ч (= шътъшъ);* ему соотвѣтствуетъ сочетаніе согласныхъ

звонкихъ *жьжь* (въ первомъ случаѣ), *жьдьжь* (во второмъ случаѣ). *Щ*, изображаемое какъ двойное мягкое *ш*, въ произношеніи является однимъ долгимъ согласнымъ, какъ *жж* въ *жж*огъ (ср. *щ*окъ).

Отдѣльные звуки въ сочетаніяхъ *ч* и *ц* не звучатъ такъ явственно, какъ *т* + *ш* или *т* + *с*. Это видно, напр., изъ произношеній: пы*тс*ыла́й (подсылай) и пы*ц*елу́й (поцѣлуй), въ которыхъ мы различаемъ на слухъ *тс* и *ц*.

Русская азбука имѣетъ особыя буквы только для сложныхъ глухихъ *ч*, *ц*, *щ*; звонкихъ сложныхъ она не передаетъ особыми буквами.

§ 5. Всѣ согласные звуки русскаго языка, кромѣ *ж*, *ш*, *ц* и *ч*, произносятся твердо и мягко. Въ письмѣ мягкія согласныя мы имѣемъ обыкновенно передъ буквами *е (ё)*, *ѣ*, *и (і)*, *ю*, *я*, *ь*. Напр., въ словѣ няня согласные *н* звучатъ мягко, а въ словѣ она твердо, въ словѣ дядя слышимъ два мягкихъ *д*, а въ словѣ дай — твердое *д*, въ словѣ сюда имѣемъ мягкое *с*, въ словѣ суда—твердое и т. д. При образованіи смягченныхъ согласныхъ нашъ языкъ приближается къ тому положенію, которое онъ занимаетъ при произнесеніи гласнаго *и*, т. е. передвигается къ нёбу (сравните *то* и *тё*, *да* и *дя*, *ла* и *ля*).

По особенностямъ русской азбуки намъ кажется, что въ слогахъ *ня* и *на*, *дя* и *да*, *сю* и *су* и т. п. разница не въ согласныхъ звукахъ, обозначенныхъ одинаково, но въ гласныхъ, обозначенныхъ различно. Въ дѣйствительности, въ слогахъ *ня*, *дя*, *сю* и т. п. буквы *я* и *ю* обозначаютъ звуки *а* и *у* и мягкость предшествующей согласной. Если мы мягкость согласной обозначимъ буквой *ь*, какъ это у насъ принято въ другихъ случаяхъ (напр., въ словахъ *день*, *весь*), то мы можемъ передать произношеніе словъ: няня, дядя, сюда и т. п. написаніями: *ньаньа*, *дьадьа*, *сьуда* и т. д. Эти написанія показываютъ, что въ подобныхъ словахъ мы имѣемъ мягкій согласный звукъ, за которымъ слѣдуютъ звуки *а*, *у*. О согласныхъ, имѣющихъ одно произношеніе, смотрите § 8.

ТАБЛИЦА СОГЛАСНЫХЪ ЗВУКОВЪ РУССКАГО ЯЗЫКА.

		Заднеязычные		Среднеязычные		Переднеязычные			Губные	
Шумные согласные	Глухіе	*к* въ словѣ рука	*х* въ словѣ дух	*к* въ словѣ рукй	*х* въ словѣ духй	т	ш	с	п	ф
	Звонкіе	*г* въ словѣ нога	*г*[1]) [=*h*[1]) или γ[1])] въ словѣ Бога	*г* въ словѣ ногй	*j*[1]) или *й* въ словахъ ja (я), мойи (мои)	д	ж	з	б	в

	Плавные		Носовые	
Сонорные согласные	р	л	н	м

Сложные согласные	Глухіе	ч (= тьшь)	ц (= тс)	щ (= шьшь, шьтьшь)
	Звонкіе	дьжь[1])	дз[1])	жьжь[1]), жьдьжь[1])

1) Для этихъ звуковъ русская азбука не имѣетъ соотвѣтствующихъ буквъ. См. §§ 3, 4 и 7.

§ 6. Русская азбука.

Буквы	Произношеніе	Буквы	Произношеніе
а	а (самá), приблизительно ы (сыпагí)	т	т (тíха, мóлыт), д (мыладьбá)
б	б (бабы́, бил), п (боп)	у	у (сушу́)
в	в (вил, дравá), ф (дроф)	ф	ф (фи́лин, фунт), в (калѝвбылпабеждён)
г	г (нагá, нóги), к (нок), һ [1] (Боһа), х (Бох)	х	х (хил, ухá), һ [1] (моһзéлин)
д	д (день, сады́), т (сат)	ц	произносится какъ слитное ослабленное тс [4]
е	е йэ [2] (йэму́), ье [3] (атец, дверь), и (сиредá), ьо [3] (двёрка), йо (йолка)	ч	произносится какъ слитное ослабленное тш [4]
ж	ж (дажьжя́, нажы́), ш (нош)	ш	ш (ноша), ж (лижбутьусéрдин)
з	з (зимá, вазы́), с (вос)	щ	шьшь или шьч [4] (шьшюка, шьчюка)
и	и (игрá) йи (им), ы (цырк)	ъ	не произносится, но обозначаетъ твердое произношеніе согласной [5]
і	произносится какъ и; и (си́ній), ы (крéпкый)	ы	ы (ры́бы)
й	й (вайнá)	ь	не произносится, но обозначаетъ мягкое произношеніе согласныхъ [5]
к	к (как, кинь), г (гзимé), х (х каму́)	ѣ	произносится такъ же, какъ буква е (ср. мѣта и комета)
л	л (летéл)	э	э (э́тот)
м	м (ми́ма, сам)	ю	йу [2] (йулá), ьу [3] (бу́рьу)
н	н (нянь, нас)	я	йа [2] (йáсли), ьа [3] (ньáньа), е (тени́)
о	о (нос), а (вадá), приблизительно ы (выдавóс)	ѳ	произносится такъ же, какъ буква ф
п	п (пир, поп), б (поббóлин)		
р	р (ры́ба, жарь)		
с	с (нос, си́ла), з (збил)		

Примѣчаніе. Произношеніе согласныхъ зависитъ отъ положенія ихъ въ словѣ: передъ гласными одни и тѣ же согласные произносятся не совсѣмъ такъ, какъ въ концѣ словъ и передъ согласными.

---

1) О значеніи буквы һ см. §§ 3 и 7. 2) Точнѣе вмѣсто й — j. См. §§ 3 и 7. 3) Здѣсь буквою ь нами условно обозначено, что передъ гласной буквой должна стоять мягкая согласная. 4) Въ сочетаніяхъ передъ слѣдующимъ звонкимъ и эти сложные глухіе пріобрѣтаютъ звонкость. См. § 31. 5) Буквы ъ и ь означаютъ также раздѣленіе звуковъ: *сѣлъ* и *съѣлъ*, *судьи* и *суди* и т. п.

Отношеніе между звуками русскаго языка и буквами русской азбуки.

§ 7. Звуки современнаго русскаго языка и буквы сохранившейся отъ старыхъ временъ русской азбуки не вполнѣ соотвѣтствуютъ другъ другу. Съ тѣхъ поръ, какъ началась русская письменность, нѣкоторые звуки, бывшіе въ тогдашнемъ русскомъ языкѣ, исчезли, а нѣкоторые развились вновь. Поэтому въ нашей азбукѣ есть буквы излишнія, для которыхъ нѣтъ звуковъ, и есть звуки, которые слышатся въ произношеніи, но не изображаются на письмѣ.

I. Лишнихъ буквъ въ нашей азбукѣ 5: *ѣ*, *і* (или *и*), *ѳ*, *ъ*, *ь*.

Буквы *ѣ*, *і*, *ѳ* въ произношеніи ничѣмъ не отличаются отъ *е*, *и*, *ф*. Мы, вѣдь, произносимъ одинаково *ѣ* и *е*, *и* и *і*, *ф* и *ѳ* во всякихъ словахъ; напр., ѣли и ели, вѣрь и дверь, вредъ и рѣдкій, левъ и лѣвый, лѣнь и олень, день и одѣнь, миръ и міръ, фонарь и Ѳома и т. д.

Для буквъ *ъ* и *ь* совсѣмъ нѣтъ соотвѣтствующихъ звуковъ: онѣ означаютъ лишь твердое и мягкое произношеніе согласныхъ: уго*лъ* и уго*ль*, пы*лъ* и пы*ль*, бы*лъ* и бы*ль*, цѣ*пъ* и цѣ*пь* и др.[1]).

Здѣсь твердый знакъ указываетъ, что согласныя *л* и *п* нужно произносить въ первыхъ словахъ твердо, а во вторыхъ—мягко. Если мягкость произношенія согласной означать буквой *ь*, то твердость можно не означать вовсе, и тогда *ъ* будетъ лишней буквой. Дѣйствительно, можно писать просто: уго*л* и уго*ль*, пы*л* и пы*ль*, выпи*т* и выпи*ть* и т. п. Но можно обойтись и безъ *ь*. Мягкость согласныхъ удобно обозначать не особой буквой, а какимъ-нибудь значкомъ, поставленнымъ при буквѣ, напр. запятою сверху согласной буквы, какъ это принято въ научныхъ сочиненіяхъ. Тогда данныя слова будутъ написаны такъ: угол и угол', пыл и пыл', цѣп и цѣп' и т. д.

Русская азбука также могла бы обходиться безъ буквъ, означающихъ сложные звуки: *е*, *ю*, *я*, *ц*, *ч*, *щ*. Вмѣсто нихъ можно бы было пользоваться соотвѣтствующими сочетаніями буквъ: вмѣсто *е*

---

1) Въ словахъ *мечъ*, *рожь*, *овощъ* и *овощь*, *плачъ* и *плачь* и т. п. ъ и ь означаютъ не произношеніе, а грамматическія формы словъ.

употреблять *йэ*, или *jэ*, вмѣсто *ю* — *йу*, или *jу*, вмѣсто *я* — *йа*, или *ja*, вмѣсто *ц* — *тс*, вмѣсто *ч* — *тш*, вмѣсто *щ* — *шш*, или *шч*[1]).

II. Въ русской азбукѣ недостаетъ буквы для изображенія особаго звука *г*, близкаго къ *х*, который мы слышимъ въ немногихъ словахъ: Бо*г*а, бо*г*атый, убо*г*ій, бо*г*атырь, *Г*осподь, бла*г*о, ко*г*да, то*г*да, ино*г*да, все*г*да, *г*дѣ, ни*г*дѣ.

Здѣсь совсѣмъ не то *г*, которое мы произносимъ въ словахъ гости, ноги и многихъ другихъ. Звукъ *г* въ словѣ Бо*г*а приближается къ *х;* въ концѣ слова онъ и переходитъ въ *х* (говоримъ: Бо*х*). Обыкновенный же русскій звукъ *г* приближается къ *к* (пишемъ: ногъ, сапогъ, другъ; произносимъ: но*к*, сапо*к*, дру*к*). Это особое *г*, которое мы слышимъ въ словѣ Бо*г*а, обозначается иногда латинской буквой *h;* обыкновенный же нашъ звукъ *г* передается буквой *g*.

Въ научныхъ сочиненіяхъ звукъ *г*, близкій къ *х*, передается, не вполнѣ точно, латинской буквой *h*, или также часто греческой буквой γ, которая обозначаетъ данный звукъ и въ современномъ греческомъ языкѣ. Второе обозначеніе совершенно точно.

Бѣлоруссы, малороссы и многіе южные великороссы произносятъ въ своей рѣчи *г*, близкое къ *х*, т. е. во всѣхъ словахъ произносятъ такое же *г*, которое у насъ слышится только въ словахъ: Бога, благо и немногихъ другихъ. Прислушавшись къ рѣчи южныхъ великороссовъ, мы часто замѣтимъ въ ихъ говорѣ, во-первыхъ, такой особый звукъ *г*, во-вторыхъ, переходъ его въ концѣ словъ въ *х*. Туляки, рязанцы, калужане и другіе жители мѣстъ южнѣе Москвы, употребляющіе въ своей рѣчи *г*, близкое къ *х* (*h*, γ), произносятъ обыкновенно: но*х*, сапо*х*, дру*х* и т. п.

Также въ русской азбукѣ нѣтъ буквы для выраженія того звука, который слышится въ началѣ словъ, подобныхъ: яма, ель, юность, ихъ или въ срединѣ словъ, какъ: мои.

Въ приведенныхъ примѣрахъ наше произношеніе можно бы обозначить въ началѣ и срединѣ словъ, при помощи буквы *й*, такимъ образомъ: йама, йэль, йуность, йихъ, мойи. Но здѣсь письмо будетъ не точно передавать произношеніе. Буква *й* обозначаетъ у насъ неслоговой гласный звукъ, который произносится

---

1) Въ научныхъ сочиненіяхъ такъ иногда и пишутъ, при чемъ слитное произношеніе согласныхъ означается дугой надъ ними: $\widehat{тс}$ (=*ц*), $\widehat{тш}$ (=*ч*), $\widehat{шш}$, $\widehat{штш}$ (=*щ*).

болѣе слабо и который мы слышимъ послѣ гласныхъ въ словахъ, подобныхъ: лей, мой, слѣпой, читай и т. п. Передъ гласными *а*, *э*, *у*, *и* мы слышимъ особый согласный, хотя и близкій къ *й*, но болѣе сильный и ясный. Этотъ согласный передается въ латинской азбукѣ буквою j (ётъ). Эта буква лучше бы передавала произношеніе словъ: jама, jэль, jуность, jихъ, моjи и т. п.

Въ числѣ гласныхъ буквъ русская азбука не можетъ передать двухъ различныхъ звуковъ *е*, которые слышатся въ нашемъ произношеніи: ѣл, мелкій съ широкимъ *е* и ель, мель съ узкимъ *е* (см. § 19).

Мы не можемъ также передать точно того глухого гласнаго звука, который слышится въ началѣ и концѣ, напр., слѣдующихъ словъ: *сыпаги́*, *ша́пык*, *де́ник*, *пирава́ть* и т. п., гдѣ произносимый звукъ лишь приблизительно передается буквами *ы* и *и* (см. §§ 25, 28).

§ 8. Мы уже говорили, что согласные русскіе звуки въ большинствѣ случаевъ произносятся то твердо, то мягко. Напр., *н* въ словѣ дня произносится мягко, а въ словѣ дна — твердо, *в* въ словѣ вили — мягко, а въ словѣ выли твердо, *л* въ двухъ приведенныхъ словахъ мягко, а въ словѣ вилы твердо и т. д.

Особенность представляютъ согласные *ж*, *ш*, *ц*, которые произносятся только твердо. Хотя мы и пишемъ по принятому правилу: жиръ, шипы, женскій, шерсть, свѣжѣе, душѣ, циркуль, церковь, цѣпь, но произносимъ всегда: жыр, шыпы́, жэ́нскый, шэрсть, свежэ́я, душэ́, цы́ркуль, цэ́ркыфь, цэпь и т. д.

О произношеніи двойныхъ *жж* и *шш* см. §§ 32, 33, 34.

Согласные *ч* и *щ* произносятся всегда мягко. Пишемъ: часъ, чудесъ, роща, щука, произносимъ: чяс, чюде́с, ро́щя, щю́ка и т. п.

§ 9. I. Вообще гласныя буквы русской азбуки хорошо выражаютъ соотвѣтствующія имъ звуки только подъ удареніемъ. Въ слогахъ неударяемыхъ наши согласныя буквы очень часто не соотвѣтствуютъ произносимымъ звукамъ. Сравнимъ: во́ды, водя́нка (= *вадя́нка*) и водяно́й (= *выдено́й*), ло́зы, лозня́къ (= *лазня́к*) и лозняки́ (= *лызнеки́*), не́бо, небе́сный (приближается къ:

н*и*бе́сный), небеса́ (н*и*беса́, гдѣ *е* послѣ *б* приближается къ *и*) и т. п.

Но и подъ удареніемъ соотвѣтствіе гласныхъ звуковъ и буквъ неполное. Этому мѣшаетъ:

1) Употребленіе двухъ буквъ *е* и *ѣ*, также *и*, *і*, для одного и того же звука: ѣли и ели, миръ и міръ и подобныя, гдѣ одинаковыя произношенія на письмѣ передаются различно.

2) Двойное значеніе буквы *е* (иногда и *ѣ*): *е* и *ё*. Поэтому мы однѣ и тѣ же буквы читаемъ различно: предм*е*тный и перем*е*тный (перем*ё*тная сума = непостоянный человѣкъ), прил*е*жный и над*е*жный, в*ѣ*сточка и зв*ѣ*здочка, м*ѣ*стъ и гн*ѣ*здъ,— въ первыхъ словахъ какъ *е*, во вторыхъ какъ *ё*. Или, наоборотъ, разныя написанія произносимъ одинаково: ш*е*лъ и ш*о*въ, теч*е*тъ и ч*о*ртъ, рж*е*тъ и обж*о*ра и т. д.

3) Зависимость *ы* или *и* отъ предшествующаго согласнаго звука.

4) Два вида звука *э* (*е*): *э* широкое (*э́то*), *э* узкое (э́ти).

II. Наши согласные звуки достаточно опредѣленно выражаются буквами въ положеніи передъ гласными. Передъ согласными съ ними часто происходятъ такія измѣненія, которыя не передаются на письмѣ (говоримъ: ры́*п*ка, пишемъ: рыбка) или даже не могутъ быть переданы нашей азбукой (напримѣръ, средняя степень смягченія согласнаго).

Главное несоотвѣтствіе буквы и звука передъ гласными получается 1) въ томъ, что изображеніе согласнаго не показываетъ, твердо или мягко онъ произносится, что опредѣляется слѣдующею гласною (см. § 5), 2) въ томъ, что въ извѣстныхъ окончаніяхъ (ого, его) *г* читается какъ *в*. Другія несоотвѣтствія см. въ §§ 4 и 7.

Произношеніе и правописаніе.

§ 10. Для знакомства съ теоріей русскаго произношенія необходимо уяснить его отношеніе къ русскому правописанію. Нужно прежде всего знать, насколько современная орѳографія выражаетъ нынѣшнее произношеніе. Свѣдѣнія эти даетъ исторія письменнаго русскаго языка. Изъ нея мы узнаемъ, что въ главныхъ своихъ чертахъ русская орѳографія сложилась въ древнее время, до московскаго періода русской исторіи. Москва — объединительница Руси не только въ смыслѣ политическомъ, но и по

отношенію къ живому общепринятому языку. Она возвела свое нарѣчіе на степень государственнаго и литературнаго языка; но орѳографію Москва получила готовую, установившуюся раньше образованія акающаго московскаго нарѣчія, которое поэтому и не отражается въ нашемъ письмѣ. Изслѣдованіе памятниковъ письменности, указывая, что московское аканье существовало уже въ XIV-мъ вѣкѣ, убѣждаетъ, что писцы того времени держатся опредѣленной, болѣе старой орѳографіи и не имѣютъ въ виду передавать московское аканье, которое прорывается, какъ ошибка, лишь въ написаніи нѣкоторыхъ словъ [1]).

Такъ какъ наше правописаніе съ того времени мало перемѣнилось, то можно сказать, что въ современномъ русскомъ письмѣ передается русскій языкъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ въ древнее время, до XIV столѣтія. Орѳографія оказалась стойкой, консервативной, а языкъ уходилъ впередъ, теряя старыя особенности и пріобрѣтая новыя.

Языкъ давно (въ XI вѣкѣ) [2]) потерялъ ъ и ь, какъ произносимые звуки, утратилъ различіе между *е* и *ѣ* (въ средне-русскихъ говорахъ въ XII—XIII вѣкахъ [3]), нѣкогда отдѣльными различаемыми на слухъ звуками, а орѳографія сохранила *ъ*, *ь*, *ѣ* до нашего времени. Языкъ усвоилъ аканье, измѣнилъ многое въ произношеніи гласныхъ и согласныхъ звуковъ, но эти измѣненія не вошли въ орѳографію, которая держится сѣдой старины. Вотъ почему получилась такая большая разница между общепринятыми русскимъ письмомъ и произношеніемъ, и вотъ почему современное русское письмо ни въ какомъ случаѣ нельзя считать источникомъ для ознакомленія съ русскимъ произношеніемъ.

§ 11. Попытки сблизить письмо съ произношеніемъ начинаются съ средины XVIII-го вѣка (въ 1748 году Тредьяковскій устанавливалъ правило: «пісать такъ надлежітъ, какъ звонъ (т. е. звукъ) требуетъ») и продолжаются вплоть до нашего времени, но пока онѣ не имѣли успѣха. Первый сторонникъ старой орѳографіи, Ломоносовъ, указалъ и ея дѣйствительно цѣнное достоинство сравнительно съ звуковымъ письмомъ: сохраненіе формы словъ и указаніе ихъ родства. «Въ правописаніи наблюдать надлежитъ», говоритъ онъ, «чтобъ не закрылись совсѣмъ слѣды производства и сложенія рѣченій» (Россійская Грамматика, § 112).

Дѣйствительно, принятыя въ нашей орѳографіи написанія иногда даютъ нѣсколько больше для смыслового или грамматическаго ура-

1) См. *А. И. Соболевскій*. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 3-е, М. 1903, стр. 75 и дальше. 2) *Тамъ же*, стр. 46. 3) *Тамъ же*, стр. 69.

зумѣнія текста, чѣмъ литературное произношеніе словъ. Такъ, послѣднее не различаетъ иногда падежей: масло и масла, колодцемъ и колодцамъ произносятся одинаково (ма́сла, кало́тцам). Сместн (н. н.) и смѣсти (пов. н.), лечу и лѣчу и подобныя болѣе выразительны въ письмѣ, чѣмъ въ произношеніи. Но такія написанія, помогая пониманію текста, съ другой стороны закрываютъ для читающихъ его произношеніе. Многосторонній по взглядамъ на языкъ Ломоносовъ требовалъ поэтому и обратнаго историческому преданію основанія въ правописаніи, чтобы оно «не удалялось много отъ чистаго выговору» (Россійская Грамматика, § 112).

Историческо-этимологическій характеръ нашего правописанія во всякомъ случаѣ является главной причиной несоотвѣтствія нынѣшняго письма съ нынѣшнимъ произношеніемъ и источникомъ затрудненій для послѣдняго.

§ 12. Разница между нашимъ произношеніемъ и письмомъ обнаруживается и по отношенію къ воспринятому тѣмъ и другимъ церковно-славянскому вліянію, которое въ письмѣ отразилось гораздо сильнѣе, чѣмъ въ живомъ языкѣ. Вліяніе это сказалось прежде всего въ консервативности русскаго письма, сохранившаго *ъ*, *ь*, *ѣ*, неударяемое *о* и др. особенности болѣе подъ вліяніемъ церковныхъ книгъ, чѣмъ по традиціи древняго русскаго языка. Ломоносовъ, первый основатель гражданской русской ореографіи, тоже поставилъ во главѣ ея не русскія, а церковныя книги.

Въ частности церковно-славянское правописаніе сообщило русскому многія особенности, которыя не согласны съ формами живого русскаго языка.

Именно оттуда мы получили затемняющія произношеніе написанія, какъ шелъ, жесткій, щетка, счетъ и подобныя; окончанія *ый*, *ій*[1]) (русскія *ой*, *ей*), *кій*, *гій*, *хій* (точнѣе: *ій* послѣ *к*, *г*, *х*) вмѣсто русскихъ *кой*, *гой*, *хой*; *аго*, *яго* (русскія *ово*, *ево*).

Изъ церковно-славянскихъ книгъ точно также наша ореографія усвоила форму *ея* для родительнаго падежа мѣстоименія *она*, которая отчасти проникла и въ языкъ русской поэзіи, а по недоразумѣнію слышится иногда и въ говорѣ современныхъ гра-

---

1) Случайно это правописаніе, давая косвенное указаніе на удареніе, послужило къ ороэпической выразительности нашего письма. Такъ написаніе *развитый* читаемъ: *ра́звйтый*, а *развитой* — *рызвито́й*.

мотеевъ. То же самое нужно сказать и объ окончаніяхъ *кій*, *гій*, *хій*.

Затѣмъ отъ церковно-славянской ороографіи мы получили рядъ словъ, которыя, имѣя въ письмѣ славянскую форму, не совпадаютъ съ нашимъ произношеніемъ. Таковы: змій (у поэтовъ вмѣсто русскаго змѣй), Іерусалимъ (русское Ерусалимъ) дождь, дождя́, дро́жди (русскія дожжъ (произносится: доцъ)[1]), дожжа́, дро́жжи (произносится: дожжя́, дро́жжи съ долгимъ мягкимъ *ж*), помо́щникъ (русское помо́шникъ = помо́чникъ по § 41), все́нощная (русское все́ношная = все́ночная по § 41), псалти́рь (русское псалты́рь), близъ (русское близь) и др.

§ 13. Наконецъ наша ороографія приняла нѣкоторыя условныя правила, не выходящія изъ свойствъ русскаго языка, но приложенныя къ нему извнѣ. Это правила объ употребленіи *і* передъ гласными, различеніе по родамъ окончаній *ые*, *ыя*, и словъ они, онѣ, одни, однѣ и нѣкоторыя другія.

Соблюденіе этихъ правилъ мѣшаетъ соотвѣтствію письма произношенію или даже даетъ ложныя ороэпическія понятія. Напримѣръ, поэты проводятъ ея въ риомы (семья — ея, ладья — ея и т. п.); нѣкоторые неосторожные педагоги требуютъ, чтобы учащіеся и въ устномъ разсказѣ употребляли мѣстоименія они, онѣ такъ, какъ нужно употреблять ихъ въ письмѣ, и т. п.

§ 14. Что касается взаимныхъ отношеній правописанія и произношенія, то для практическаго изученія послѣдняго гораздо болѣе важно знакомство съ тѣмъ, какое вліяніе оказало и оказываетъ письмо на произношеніе.

Нужно замѣтить, что многія подробности нашего письма узаконились очень недавнимъ обычаемъ, приблизительно съ половины прошлаго столѣтія: знаменитые представители новой русской литературы, Тургеневъ, Гончаровъ, Толстой, Достоевскій, Салтыковъ, держались въ первыхъ своихъ сочиненіяхъ болѣе старой, во многихъ случаяхъ менѣе удаленной отъ произношенія ороографіи; послѣдняя кодификація правилъ письма сдѣлана была академикомъ Гротомъ въ 1885 году. И все-таки вліяніе письма на произношеніе мы видимъ теперь не малое. Главнымъ образомъ наблюдать его можно въ

---

1) Почему получается риома *дожжъ — рожъ* (пословица: «Какъ въ маѣ *дождь*, такъ будетъ и *рожъ*»). Здѣсь принятое написаніе скрываетъ у насъ риому и русское произношеніе слова, которое звучитъ *доцъ*, а по народному и *дошъ*, риомующее съ *рошъ* безукоризненно.

нашихъ школахъ, которыя во многихъ случаяхъ съ большимъ усердіемъ насаждали и насаждаютъ грамотность исключительно въ видѣ ороографіи, обыкновенно Гротовской. Такъ, въ петроградскихъ учебныхъ заведеніяхъ распространены противныя правиламъ ороэпіи произношенія: что, чтóбы; канéчна, нарóчна; ся́, у нея́. Объ они, онѣ и подобныхъ мы замѣтили уже раньше. Въ формахъ: воротил*ся*, женил*ся* и др., произносимыхъ съ *ся* на концѣ, можно видѣть остатокъ старины, уцѣлѣвшій еще въ нѣкоторыхъ народныхъ говорахъ.

Письмо способствуетъ сохраненію исчезающихъ изъ произношенія гласныхъ и согласныхъ. Подъ вліяніемъ письма образованные люди теперь чаще говорятъ: пир*и*верни́, кыл*ы*калá, шес*ть*, рáдыс*ть*, невéс*т*ка, прá*зд*никъ, тогда какъ люди менѣе подверженные въ своемъ говорѣ книжному вліянію произносятъ тѣже слова: пирверни́, кылкалá, шесь, рáдысь, невéска, прáзникъ.

Письменный языкъ вообще пріостанавливаетъ движеніе устнаго къ новымъ формамъ. Для поэта XVIII вѣка еще возможно было допустить въ стихахъ произношенія вы́кракбался (В. Майковъ, Сочиненія, стр. 212), перряди́ть (тамъ же, 314). Даже Полонскій и Б. Алмазовъ допускаютъ произношенія первый бáршни, второй прогладáлись:

. . . Баршни оглядѣли
Всю его фигуру и едва сумѣли
Удержать свой хохотъ... («Кузнечекъ — музыкантъ», пѣснь III, изд. 1-е. Впослѣдствіи Полонскій исправилъ: Дамы оглядѣли...)

И валятъ въ столовую гости —
Всѣ страшно вспотѣли, устали
И всѣ прогладались до злости («Испугъ улана»).

Но вообще подобныя формы нельзя считать усвоенными русскимъ поэтическимъ языкомъ [1]).

Въ немногихъ случаяхъ письмо подчиняетъ себѣ произношеніе, требуя въ немъ отступленія отъ существующихъ нормъ. Такъ, поэты при обыкновенныхъ риомахъ прилагательныхъ на *кій*, *гій*, *хій* съ словами на *ой* допускаютъ изрѣдка и такіе случаи,

1) Другіе примѣры на подобное выпаденіе гласныхъ мы собрали въ книгѣ: «Правильность и чистота русской рѣчи», изд. 2-е, вып. 1, СПб. 1914, стр. 29—30.

гдѣ риѳма не на *ой*, а на *ки*, *ги*, *хи*, которыя уже приходится читать согласно съ орѳографіей, а не съ орѳоэпіей.

Напримѣръ, у Пушкина: клики — великій:

. . . . . . Плески, клики
Его привѣтствуютъ. Она
Пѣвцу присѣсть принуждена;
Поэтъ же скромный, хоть великій
Ея здоровье первый пьетъ («Евгеній Онѣгинъ»,
гл. V, строфа 33).

Майковъ риѳмуетъ лики — великій («Карамзинъ»), гибкій — улыбки («Князю Друцкому-Любецкому») ноги — убогій:

Въ ожиданьи конь убогій
Точно вкопанный стоитъ;
Упи врозь, дугою ноги... («Сѣнокосъ»).

Подобно этому, и въ глаголахъ на *сь* (произносится *съ*) поэты, при обычныхъ риѳмахъ на *съ* (разлилась — у насъ), допускаютъ изрѣдка и риѳмы на *сь*.

Такъ, у Пушкина находимъ риѳмы: изумясь — князь, князь — томясь, князь — не шевелясь («Русланъ и Людмила», пѣснь пятая), обвилась — князь («Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ»). У Некрасова, тоже какъ исключеніе, находимъ: возясь — грязь (Сочиненія, т. I, 8-е изд. 1902, стр. 458). И у Фета есть риѳма связь — стыдясь («О, этотъ сельскій день»). У Майкова также: таясь — князь («У гроба Грознаго»), крестясь — князь («Судъ предковъ»).

Вліяніемъ орѳографіи нужно объяснять и колебанія въ произношеніи такихъ словъ, какъ скучно, сердечный, которыя произносятся то орѳографически съ *ч*, то орѳоэпически съ *ш*: скýшна, сердéшный.

Поэтому Некрасовъ, употребляя по большей части орѳоэпическія риѳмы: сердечныя — грѣшные («Пчелы»), наконешникомъ — грѣшникомъ («Власъ»), пересмѣшники — огурешники, страшныя — кабашные («Коробейники») [1]), допускаетъ и орѳографическія. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Похороны» мы имѣемъ и тотъ и другой случай съ однимъ словомъ сердечный: 1) сердешнаго — нездѣшняго, 2) вѣчная — сердечная.

---

1) Такія риѳмы у него и писались обыкновенно по произношенію, какъ это видно изъ нашихъ примѣровъ, выписанныхъ изъ изданій, напечатанныхъ при жизни поэта.

Ptičьi božьjä nïznajet nïzabóty nïtrudá

Произношеніе гласныхъ.

Ослабленіе неударяемыхъ слоговъ.

§ 15. Сила произношенія русскихъ гласныхъ звуковъ зависитъ отъ ударенія. Учеными изслѣдованіями установлены слѣдующія правила произношенія гласныхъ:

1) *самый сильный и ясный гласный тотъ, который стоитъ подъ удареніемъ;*

2) *гласный, стоящій непосредственно передъ удареніемъ, слабѣе ударяемаго, но отчетливѣе и сильнѣе всѣхъ другихъ слоговъ;*

3) *гласный третій отъ ударяемаго въ началѣ слова есть болѣе слабый и неясный, точно также, какъ и гласный, непосредственно слѣдующій за ударяемымъ, который по силѣ произношенія равенъ гласному третьему отъ ударенія въ началѣ слова;*

4) *гласный четвертый отъ ударяемаго въ началѣ и гласный третій отъ ударяемаго въ концѣ нѣсколько сильнѣе сосѣднихъ.*

А. А. Потебня, открывшій законъ ослабленія неударяемыхъ слоговъ, очень наглядно передавалъ различную силу слоговъ при помощи цифръ 1, 2, 3. Ударяемый слогъ, какъ самый сильный, онъ обозначалъ цифрой 3; слогъ передъ удареніемъ, который слабѣе ударяемаго, но сильнѣе всѣхъ другихъ, обозначался цифрой 2; самые слабые слоги — непосредственно слѣдующій за удареніемъ и слогъ третій отъ ударенія съ начала — означались цифрой 1. Такимъ образомъ, сила слоговъ въ трехсложныхъ словахъ съ удареніемъ на концѣ передается формулой 1+2+3: хырашó, бирегá; если слово имѣетъ еще слогъ послѣ ударенія, то получается формула 1+2+3+1: хырашéнька, бирегáми; для двухсложныхъ словъ получается формула 2+3 при ударенін въ концѣ: селó, aкнó и 3+1 при удареніи въ началѣ: сёла, óкна. Слоги четвертый отъ ударенія съ начала и третій съ конца, какъ мало отличающіеся по своей силѣ отъ сосѣднихъ, Потебня обозначалъ тоже цифрой 1, такъ что для такихъ словъ, какъ пиринесú, вы́писи получались формулы: 1+1+2+3, 3+1+1.

Знаніе закона ослабленія неударяемыхъ слоговъ въ высшей степени важно для пониманія свойствъ живой русской рѣчи. Приведемъ поэтому тоническій разборъ небольшого отрывка по графическому пріему Потебни.

Птичка (3+1) Божія (3+1+1) не знаетъ (2+3+1) ни заботы (1+2+3+1), ни труда (1+2+3); хлопотливо (1+2+3+1)

4 | а ъа о о у ы э э и
3 | а а а у ы и и
2 | ъ ъ ъ у ы ь ь
1

не свиваетъ (1+2+3+1) долговѣчнаго (1+2+3+1+1) гнѣзда (2+3); въ долгу (3+1) ночь (3) на вѣткѣ (2+3+1) дремлетъ (3+1); солнце (3+1) красное (3+1+1) взойдетъ (2+3) — птичка (3+1) гласу (3+1) Бога (3+1) внемлетъ (3+1), встрепенется (1+2+3+1) и поетъ (1+2+3).

§ 16. На ослабленіи неударяемыхъ гласныхъ основывается выпаденіе ихъ. Мы говоримъ су́тылка (сутолока), при́тылка (притолока) и́спыдвыль (исподоволь), па́пыртник (папоротникъ), тыщёнка, подъ вліяніемъ народнаго ты́щя (тысяченка) дирвене́нт (деревенѣетъ) и т. п.

Гласные подъ удареніемъ.

Произношеніе буквъ *е* и *ѣ*.

§ 17. Въ произношеніи гласныхъ подъ удареніемъ значительныя особенности замѣчаются относительно *е* и *ѣ*. Именно, русскій языкъ отчасти сохраняетъ еще и теперь слѣды древнихъ особыхъ звуковъ *е* и *ѣ*, различно произнося ихъ подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ звукомъ. Необразованный человѣкъ можетъ по неграмотности одинаково написать пелъ и велъ, пѣлъ и вѣлъ, но никакой русскій человѣкъ не произнесетъ одинаково въ этихъ словахъ гласныхъ буквъ. Первое онъ произнесетъ съ *е*, второе съ *ё* (*о* послѣ мягкой согласной): пел и вёл (вьол). Въ словахъ мѣ́сто, тѣ́ло, вѣ́ра, хотѣ́лъ и тому подобныхъ и въ словахъ мёдъ, тёплый, пёкъ и т. п. мы узнаемъ буквы *ѣ* и *е* по ихъ произношенію. Но въ словахъ пѣли, мѣдь, клѣть и т. п., гдѣ буква *ѣ* стоитъ передъ мягкой согласной, мы не узнаемъ ея по выговору, потому что и слова отвесть, дверь, плеть произносятся съ такимъ же гласнымъ, какъ и предыдущія, хотя они пишутся съ другой буквой, *е*. *Ѣ* и *е* обнаружатся, когда мы измѣнимъ данныя слова такъ, чтобы слѣдующій согласный былъ твердый. Тогда получимъ: пел, ме́дный, кле́тка и атвёл, двёрка, плётка.

Такимъ образомъ въ русскомъ чтеніи соблюдаются правила:

1) Ударяемую букву *ѣ* передъ твердой согласной и въ концѣ словъ мы читаемъ всегда какъ *е* (не ё): ме́ра, гнеф, слет, желел, мне, тебе́, на дне́ и т. п.

Противъ этого правила существуетъ общеизвѣстное исключеніе, имѣющее, впрочемъ, удовлетворительное объясненіе. Слѣдующія слова, хотя и должны писаться черезъ *ѣ*, но читаются черезъ *ё:* гнёзда, звёзды (это слово произносится и черезъ *е:* звезды; сравните у Некрасова риѳмы мѣстъ—звѣздъ («Извозчикъ», «Балетъ»), у Полонскаго звѣзды — подъѣзды («На пути изъ гостей») и т. п.), вёдра (это слово пишется черезъ *е*, но въ немъ слѣдовало бы писать *ѣ*), пріобрёлъ, зёвъ, поддёвка. Звукъ *ё* въ произношеніи этихъ словъ заимствованъ изъ многочисленныхъ подобныхъ имъ по формѣ словъ, въ родѣ: стёкла, рёбра, сёстры, брёлъ, клёвъ и подобн. Такъ же произносятся и производныя отъ тѣхъ же корней: позёвывать, надёвывать, звёздный, гнёздышко и подобныя.

Слова сёдла и цвёлъ съ производными: осёдлать, осёдлый, расцвёлъ и др.), какъ доказываетъ историческая грамматика, правильно произносятся черезъ *ё*, но неправильно пишутся черезъ *ѣ*.

II. Ударяемую букву *е* передъ твердой согласной и въ концѣ словъ мы читаемъ всегда какъ *ё:* плёл, нёс, верёфка, вёрст, лён, тёмный, фсё, копьё, бельё, тваё и т. п.

Здѣсь также есть исключенія, тоже вполнѣ объяснимыя.

1) Мы не произносимъ *ё* на мѣстѣ *е* въ нѣкоторыхъ словахъ передъ буквами *ж*, *ш* и во всѣхъ словахъ передъ буквою *ц:* мятéжъ, смéжный, брéшетъ, головéшка (но: лёжа, застёжка, лепёшка, Алёшка и др. съ *ё*), отéцъ, конéцъ и т. п. Это произношеніе объясняется тѣмъ, что въ древнемъ русскомъ языкѣ звуки *ж*, *ш*, *ц* были мягки. Значитъ, въ подобныхъ словахъ мы сохраняемъ старое произношеніе.

Мы говоримъ *е* не *ё* передъ окончаніями прилагательныхъ *ный (нный)* и *скій:* почтéнный, полéзный, душéвный, плачéвный, любéзный, судéбный, учéбный, зéмскій, жéнскій и др. Здѣсь тоже сохраненіе древняго произношенія, въ которомъ согласный слѣдующій за *е* звучалъ мягко. Это и сейчасъ видно изъ произношеній: полезенъ, любезенъ и т. п.

Мы не произносимъ *е* за *ё* передъ твердымъ *р* въ срединѣ словъ: первый, серпъ, стерва, верба и под. И самыя слова эти нѣкоторые произносятъ еще съ мягкимъ *р:* пéрьвый, серьп и т. д.

Также мы не произносимъ *ё* вмѣсто *е* въ началѣ словъ въ приставкѣ *не:* нéнависть, нéслухъ, нéдоросль, нéхотя и подобн.

Мы совершенно правильно произносимъ черезъ *е*, не черезъ *ё* слова: безмéнъ, бредъ, брéзговать, блескъ, вéкша, вообщé (предл. пад., какъ вкýпѣ, вмѣ́стѣ), клестъ, леска, мéлкій, нéгдѣ (нѣтъ мѣста), нéкогда (=нѣтъ времени), нéкого, нéкому и т. д.; почлéгъ, пестъ, плескъ, трескъ. Изъ древнихъ памятниковъ и изъ другихъ славянскихъ языковъ извѣстно, что въ этихъ словахъ пишется *е* вмѣсто *ѣ* неправильно, по установившемуся обычаю.

2) Мы произносимъ *е* не *ё* въ нѣкоторыхъ словахъ, вошедшихъ въ нашъ разговорный языкъ изъ книгъ или изъ церковно-славян-

скаго языка. Таковы слова: блаже́нъ, вредъ, верте́пъ, все́нощная, же́ртва, житіе́, ковче́гъ, короле́ва, кре́стъ, ле́въ (но собственное имя произносятъ и съ *ё:* Лёф), Мане́фа, Оре́стъ (но въ болѣе употребительныхъ именахъ произносимъ *ё:* Пётръ, Ѳёкла, Матрёна и др.), не́бо, небе́съ, предме́тъ, тре́ба, тре́звый, членъ, ше́ствовать, шлемъ и т. п. Здѣсь мы произносимъ *е* на мѣстѣ старославянскихъ *е* и *ѣ*.

Крестьяне нѣкоторые и изъ этихъ словъ произносятъ по-русски, съ *ё:* крёстъ или хрёстъ, пёрстъ, нёбо, тщётно, пещёра и др.

Вполнѣ понятно сохраненіе *е* въ словахъ иностранныхъ, которыя вообще произносятся по-русски такъ, какъ въ томъ языкѣ, изъ котораго взяты. Поэтому никто не скажетъ черезъ *ё* словъ: трапе́за, фе́рма, сце́на, каде́тъ, университе́тъ, плане́та, коме́та, профе́ссоръ, апте́ка и т. п.

3) Есть много случаевъ, когда мы произносимъ *е* какъ *ё* и передъ мягкой согласной: зовёте, идёте, берёзѣ, о мёдѣ и т. п.

При спряженіи и склоненіи словъ *ё* заимствуется изъ другихъ падежей и лицъ, гдѣ оно стоитъ правильно передъ твердой согласной. Мы говоримъ *ё* въ идёте, берёзѣ, потому что произносимъ черезъ *ё:* идётъ, идёмъ, берёза, берёзу и т. п. Также говоримъ: тётя, рублёвикъ и др., заимствуя *ё* изъ словъ тётка, рублёвый и подобн.

Передъ слогами *ги, ки, хи*, въ которыхъ согласные были въ древности тверды, мы обыкновенно имѣемъ *о*, а не *е:* обжо́ги, изжо́ги (р. п.), кровоподтёки, що́ки (откуда пощо́чина), лепёхи, тетёхи, жо́хи и под.; однако: слега — сле́ги.

Вліяніе разныхъ условій приводитъ къ колебаніямъ въ произношеніи одного и того же слова. Говорятъ: желть и жолть, желчь и жолчь, хребетъ и хребётъ, сле́зно и слёзно, употребляя то русскую, то славянскую форму; въ куле́чекъ и кулёчекъ, мѣше́чекъ и мѣшо́чекъ, пѣше́чкомъ и пѣшо́чкомъ иные сохраняютъ древнее *е* передъ мягкой согласной, другіе усвоили новообразованіе подъ вліяніемъ словъ кулёкъ, мѣшокъ и под.; сплетни и сплётни (южно-великорусское; въ образованномъ языкѣ слышится рѣдко), объясняются отвердѣніемъ или смягченіемъ *т*.

§ 18. Въ стихахъ иногда допускается искусственное произношеніе *е* какъ *ѣ* (не *ё*). Старые поэты, изрѣдка и новые, риѳмуютъ часто слова съ буквой *ѣ* подъ удареніемъ съ словами, имѣющими *е*, напр. плѣнъ и временъ у А. Толстого въ стихотвореніи «Князь Михаило Репнинъ», также иногда риѳмуются слова на *е* и *ё*. Тогда, ради сохраненія риѳмы, можно читать *ё* какъ *е*, какъ, очевидно, читали наши писатели приблизительно до первой половины XIX вѣка. Впрочемъ, для нашего слуха довольно непріятно неестественное произношеніе словъ для сохраненія риѳмы въ примѣрахъ подобныхъ слѣдующимъ: У Крылова:

И вотъ къ себѣ зоветъ
Медвѣдя онъ съ лисою на совѣтъ («Пестрыя овцы»).
Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ («Лебедь, щука и ракъ»).

У Жуковскаго: Ихъ сторожитъ огромный песъ.
У нихъ есть вождь — овенъ прекрасный
И дѣва — чудо изъ чудесъ («Двѣ загадки»).

У Пушкина: Вдругъ, истощась и присмирѣвъ,
О Терекъ, ты прервалъ свой ревъ («Обвалъ»).
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взглядомъ:
И онъ послушно въ путь потекъ... («Анчаръ»).
Любилъ онъ игры нашихъ дѣвъ,
Когда весной въ тѣни деревъ
Онѣ кружились на свободѣ («Гробъ юноши»).

Чередованіе широкаго (ненапряженнаго) и узкаго (напряженнаго) *е* передъ твердыми и мягкими согласными.

§ 19. Русскій гласный звукъ *е* произносится болѣе открыто, широко (т. е. съ бóльшимъ растворомъ рта), если за гласнымъ слѣдуетъ твердый согласный; если же слѣдующій согласный мягкій, то гласный произносится болѣе закрыто, узко (т.-е. съ мéньшимъ растворомъ рта). Сравнимъ произношеніе звука *е* въ словахъ: э́та и э́ти, чéсный (честный) и честь, шестъ и шесть, пѣл и пѣли, ѣл и ѣли и т. п. Наблюдая произношеніе этихъ словъ, мы убѣдимся, что во всѣхъ первыхъ случаяхъ, гдѣ звукъ *е* стоитъ передъ твердой согласной, онъ выговаривается съ бóльшимъ растворомъ рта и меньшимъ напряженіемъ языка, а во всѣхъ вторыхъ случаяхъ, гдѣ *е* находится передъ мягкой согласной, при произношеніи его ротъ раскрывается меньше, а языкъ напрягается болѣе.

е широкое	эта	чесный	шест	пѣл	ѣл
е узкое	эти	честь	шесть	пѣли	ѣли

Въ другихъ языкахъ для широкаго звука *е*, приближающагося къ *а*, и узкаго, который приближается къ *и*, имѣются особыя буквы.

Такъ, первый во французскомъ языкѣ обозначается буквою *è* съ тяжелымъ удареніемъ (accent grave), второй буквою *é* съ острымъ удареніемъ (accent aigu). Французское слово père (отецъ) имѣетъ

такое же широкое е, какъ словно перлъ, а въ русскомъ словѣ теперь слышится узкое е, которое по-французски нужно бы было передать буквою *é*. Такое узкое е мы слышимъ, напр., во французскомъ bonté (доброта) и въ нашемъ метéль (мятель).

Въ нѣмецкомъ языкѣ для обозначенія широкаго звука *е* существуетъ буква *ä (Ae)*, узкое же *е* обозначается обыкновеннымъ *е*. Въ нѣмецкомъ словѣ Aehre (колосъ) въ началѣ такое же широкое *е*, приближающееся къ *а*, какъ въ нашемъ вéра (пишется вѣра), а въ словѣ Ehre (честь) первое *е* узкое, какъ въ нашемъ вéрю (пишется: вѣрю).

Сравнимъ еще произношенія: la mère (мать) и умéршiй, chère (дорогая) и шестъ, sèche (сухая) и ѣш, la ménagère (хозяйка) и жéртва, pavé (мостовая) и павéрю (повѣрю), amené (приведенный) и нéмиц (нѣмецъ) и т. п., Wärme (теплота) и вéра (вѣра), Kälte (холодъ) и Маркéл, mächtig (сильный) и памéха (помѣха), leben (жить) и лéбить (лебедь), Weg (дорога) и верь (вѣрь) и т. п.

Звукъ *о (ё)* на мѣстѣ *а (я)*.

§ 20. Въ немногихъ случаяхъ наше произношеніе допускаетъ измѣненіе подъ удареніемъ гласной *а* въ *о* и *ё*.

Это, во-первыхъ, выговоръ глагола платишь, платитъ и проч. съ его производными: заплатишь, уплатишь и др. Въ этихъ словахъ пишется *а*, но произносится очень часто *о:* плóтиш, заплóтит, уплóчин и т. д. Такое произношеніе есть сохранившаяся въ литературномъ выговорѣ особенность южныхъ акающихъ говоровъ. Въ этихъ говорахъ мы нерѣдко слышимъ подобное ударяемое *о* на мѣстѣ *а;* говорятъ: сóдиш, падóриш, забрóнит и т. д.

Затѣмъ, часто произносится *ё* вмѣсто *я* въ словахъ запрягъ, трясъ и производныхъ: запрёк, трёс, атпрёк, патрёсъ и др.

Поэтому Державинъ риѳмуетъ слова Россъ и потрясъ (= потрёсъ):

Веселися, славный Россъ:
Магомета ты потрёсъ!

Также произносится нерѣдко запрéчь вмѣсто запрячь. Поэтому у Пушкина находимъ риѳмы: печь — запрéчь:

Трещитъ затопленная печь.
Пріятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велѣть ли въ санки
Кобылку бурую запречь («Зимнее утро»).

Гласные неударяемые.

§ 21. Звукъ *у (ю)* не измѣняется въ своемъ качествѣ при всякомъ положеніи въ словѣ: *у*нёс, *у*шóл, р*у*кá, вр*у*чи́л, ш*у*мѣ́л, люблю́, с*ю*дá, ч*ю*днóй (чудной), вы́куп, нáгл*у*ха, лáп*у*, рáм*у*, ня́н*ю*, вóл*ю*, вы́нис*у* (вынесу), вы́пыл*ю* (выпалю и выполю), д*у*хавóй, л*ю*бавáлса, *у*нимáть и т. п.

§ 22. Звуки *а*, *ы*, *и* въ слогѣ передъ удареніемъ сохраняются. Произносятъ: с*а*мá, т*а*кóй, п*а*сý, п*а*ли́ и т. п.; с*ы*нóк, р*ы*бáк, п*ы*тáли и под.; п*и*шý, в*и*дáл, ч*и*тáй и т. д.

§ 23. *И* послѣ твердаго предыдущаго согласнаго въ предлогахъ или въ концѣ словъ произносится какъ *ы:* в*ы*збѣ́ (въ избѣ), с*ы*вáным (съ Иваномъ), ат*ы*грáлса, раз*ы*скáнія, хади́л*ы*я́ (ходилъ и я) шóл*ы*грáть (шолъ играть) и т. п.

Звуки *а (я)*, *ы*, *и* на мѣстѣ *о*, *а (я)*, *е*.

§ 24. *О* передъ удареніемъ замѣняется звукомъ *а:* в*а*дá (вода), п*а*шóл (пошолъ), *а*днý (одну), н*а*си́ (носи), *а*кнó (окно), п*а*нéс (понесъ) и т. д.

Звуки *о* и *а* въ началѣ, не передъ удареніемъ, и концѣ словъ совпадаютъ въ одномъ довольно слабомъ, но ясномъ звукѣ, близкомъ къ *а*. Говорятъ: *а*ддалá (отдала), *а*твернýл (отвернулъ), слóв*а* (слов*о* и слов*а*), мáсл*а* (масл*о* и масл*а*), мы́л*а* (мыл*о* есть, мыл*а* нѣтъ), лáп*а*, кáрт*а* и т. п. Также сохраняется конечное *а* послѣ мягкой согласной: ня́н*я*, вóл*я*, с пóл*я*, бальшá*я*, Гаспóдн*я* и проч.

Это главная особенность московскаго произношенія и говора образованныхъ русскихъ людей. Произношеніе словъ на *а* называется *аканьемъ*, или, по простонародному сѣверному названію, говоромъ *свысокá*. Жители на сѣверъ отъ Москвы, сохранившіе въ своей рѣчи неударяемое *о*, дразнятъ москвичей поговоркой: «С М*а*сквы, с *а*бóзу, с *а*в*а*шнóва ряду».

§ 25. Звуки *а*, *о*, *ы* въ слогѣ третьемъ отъ ударенія въ началѣ слова и въ слогѣ, слѣдующемъ за удареніемъ, совпадаютъ въ одномъ неясномъ звукѣ, близкомъ къ *ы*. Произносятъ, не различая буквъ *а*, *о*, *ы*, употребляющихся въ письмѣ, почти такъ:

з*ы*навѣска (занавѣска), ст*ы*рику́ (старику), с*ы*пагі́ (сапоги), б*ы*рана́ (борона), г*ы*варі́ (говори), п*ы*латно́ (полотно), б*ы*страта́, в*ы*ливать, пла́к*ы*л (плакал), наро́д*ы*м (народамъ и пародомъ), хло́п*ы*й (хлопай), пи́с*ы*рь (писарь), спо́р*ы*ф (споровъ), сло́в*ы*м (сло́вомъ), тёпл*ы*му (теплому), заро́д*ы*ш, до́бр*ы*м (добрымъ и о добромъ), при́б*ы*ль и т. п.

Въ научной транскрипціи, опредѣляющей и изображающей звуки языка совершенно точно, гласный звукъ, близкій къ слабому краткому *ы* (соотвѣтствующій буквамъ *а*, *о*, *ы* въ указанныхъ положеніяхъ), обозначается условно буквой *ъ* (гълава́, стърика́, пи́сърь, ша́пък и т. д.).—Произношеніе неопредѣленнаго звука, являющагося въ данномъ положеніи, можно усвоить, конечно, только изъ практики.

§ 26. Гласные *а*, *о*, *ы* въ слогахъ, болѣе удаленныхъ отъ ударенія, произносятся почти такъ же, какъ въ слогахъ третьемъ передъ удареніемъ и второмъ за удареніемъ, только нѣсколько яснѣе и сильнѣе. Произносятъ: в*ы*рытникі́ (воротники), с*ы*р*ы*к*ы*викі́ (сороковики), вы́пис*ы*ть (выписать), вы́слуш*ы*ла (выслушала), аписыв*ы*ю (описываю), Все́вылыд*ы*вичи (Всеволодовичи), вы́суш*ы*ли (высушили) и т. п.

Впрочемъ, въ концѣ словъ древній (письменный) звукъ *ы* слышится иногда довольно ясно: ры́б*ы*, го́р*ы*, го́выр*ы*, за́гывыр*ы*.

§ 27. Древніе (письменные) звуки *е* и *ѣ* и звукъ *а* послѣ *j* и мягкой согласной, который въ нашей азбукѣ обозначается буквою *я*, передъ удареніемъ замѣняются обыкновенно звукомъ, близкимъ къ *и*: сестра́ приближается къ с*и*стра́, плету́ — къ пл*и*ту́, веди́ — къ в*и*ди́, перо́ — къ п*и*ро́, беда́ — къ б*и*да́, вено́к — къ в*и*но́к, весы́ — къ в*и*сы́, пету́х — къ п*и*ту́х, тяни́ — къ т*и*ни́, яви́лся — къ *и*ви́лса, ядро́ — къ *и*дро́, пято́к — къ п*и*то́к и т. п.

Здѣсь слышится суженный, закрытый звукъ *е*, т.-е. *е*, приближающееся къ *и*, но не совпадающее съ нимъ, которое точнѣе нужно обозначить $е^{и}$: с$е^{и}$стра́, п$е^{и}$ро́, б$е^{и}$да́, в$е^{и}$сы́, т$е^{и}$ни́, $е^{и}$дро́ и т. п.

(Передъ твердымъ согласнымъ *е* не такъ много приближается къ *и*, какъ передъ мягкимъ: предѣ́лъ, и пр*и*дѣ́лъ, презрѣ́ніе и пр*и*зрѣ́ніе выговариваются съ *и*, такъ что ихъ нельзя отличить въ произношеніи).

Также произносится *а* послѣ *ж*, *ч*, *ш*, *щ*: же^и^рá (жара), че^и^сь (часы), ше^и^лун (шалупъ), ще^и^жу (щажу) и т. д.

Это вторая замѣчательная особенность московскаго говора въ произношеніи гласныхъ звуковъ. Московскій выговоръ доходитъ иногда до яснаго *и* въ подобныхъ словахъ, такъ что не различаетъ въ произношеніи, напр., слѣдующихъ различно написанныхъ словъ: на плиту и наплету, питухъ и пѣтухъ, винца и вѣнца, пивца и пѣвца, развилась и развелась и т. п.

§ 28. Звуки *е* (*ѣ*) и *а* послѣ мягкой согласной (изображается буквою *я*) въ слогѣ третьемъ отъ ударенія къ началу и второмъ къ концу слова слышатся какъ глухое, слабое *и*. Произносятъ, не различая названныхъ буквъ: с*и*редá (середа), п*и*релóм (переломъ), б*и*гатня́ (бѣготня), б*и*лизнá (бѣлизна), п*и*тачóк (пятачекъ), т*и*желó (тяжело), п*и*саря, в*и*навáт; идѝт*и* (идите), дваря́н*и* (дворяне), знá*и*ш (знаешь), пóл*им* (полемъ), алéн*ій* (оленей), вѝд*ил* (видѣлъ), вы́с*ик* (высѣкъ), вмóр*и* (въ морѣ), вмѣ́ст*и* (вмѣстѣ), сѣ́*ил* (сѣялъ), óтн*ил* (отнял), дѣ́т*им* (дѣтямъ), брóс*ил*, кóнч*ил* и т. п.

Такой же звукъ слышится и въ слогахъ, болѣе отдаленныхъ отъ ударенія, на мѣстѣ древнихъ *е*, *ѣ*, *и*, такъ же вмѣсто *а* послѣ мягкой согласной (*я*). Говорятъ: п*и*р*и*видена́ (переведена), д*и*ла-прыизвóтства (дѣлопроизводство), раскáзыва*и*т*и* (разсказываете), вы́тирп*ил* (вытерпѣлъ), сýкрыв*и*ца.

Въ научной фонетикѣ этотъ глухой слабый гласный, близкій къ *и*, обозначается условно буквой *ъ*: съредá, бъгатня́, вѝдъл и т. д. Произношенію этого звука должно учиться изъ живого языка.

§ 29. Конечное *е* въ существительныхъ и прилагательныхъ средняго рода звучитъ часто какъ *я*: идý фпóл*я*, сматрю́ па сѝні*я* мóр*я*, у мен*я́* бальшó*я* гóр*я* и подобн., такъ что именительный падежъ (пол*е*) и родительный (пол*я*) въ произношеніи не всегда различаются.

Но нерѣдко конечное *е* такихъ словъ произносится какъ *и*.

Языкъ поэтовъ часто допускаетъ риѳмы, указывающія на свободное употребленіе и перваго и послѣдняго произношенія. У Пушкина видимъ риѳмы: поко*ѣ*—боево*е* («Русланъ и Людмила»), вскор*ѣ*—мор*е*, поко*ѣ* — золото*е* («Вадимъ»):

Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое...
Кремень звучитъ, и пламя вскорѣ
Далеко освѣтило море...
Глядитъ окрестъ — брега въ покоѣ,
На полусвѣтлый небосклонъ
Восходитъ утро золотое...

Лермонтовъ риѳмуетъ: на просторѣ—въ море, горе — въ синемъ морѣ («Сказка для дѣтей»), поле — на волѣ («Бородино») и подобн.

Съ другой стороны встрѣчаемъ риѳмы, подобныя: выраженья— стеченье (Пушкинъ, «Къ моей чернильницѣ»), смущенье — изступленья («Русланъ и Людмила», пѣснь III):

Кто выразитъ его смущенье,
И ревъ, и трепетъ изступленья?

Также: поколѣнье — сомнѣнья (Лермонтовъ, «Дума»), вдохновенья — раздраженье («Не вѣрь себѣ»), существованье — вниманья («Памяти Одоевскаго»), столѣтья — междометье (А. Толстой, «Полное собраніе сочиненій», т. II. СПб. 1902, стр. 124), краснѣе — конѣ я (тамъ же, стр. 321).

Согласные.

Потеря и пріобрѣтеніе согласными звонкости.

§ 30. Звуки сонорные *л*, *м*, *н*, *р* не измѣняются при произношеніи въ другіе звуки.

§ 31. Произношеніе согласныхъ глухихъ: *к*, *п*, *с* и т. д. и звонкихъ *г*, *б*, *з* и т. д. зависитъ отъ положенія ихъ въ словѣ.

1) И глухіе, и звонкіе согласные сохраняютъ свое произношеніе передъ гласными: *к*ошка, *п*а*п*а, *с*ама, *т*ы, *ф*унт, ти*х*а, *г*оры, *б*а*б*а, *з*има, *д*ень, *в*ы, *ж*ара и т. п.

2) Въ концѣ слова звонкіе согласные переходятъ въ соотвѣтствующіе имъ глухіе, *б*—въ *п*, *д*—въ *т* и т. д. Мы произносимъ: но*к* (ногъ), дру*к* (другъ), зу*п* (зубъ), ни*с* (низъ), маро*с* (морозъ), са*т* (садъ), кро*ф* (кровь), Бо*х* (Бо*г*ъ) (см. § 7), но*ш* (но*ж*ъ) и т. п.

Такъ какъ конечные звонкіе обращаются въ глухіе, то въ риѳмахъ у поэтовъ мы обыкновенно находимъ такія созвучія, какъ разъ и васъ — у Пушкина въ «Прощаніи съ Тригорскимъ» или у него же въ «Евгеніи Онѣгинѣ»: другъ и звукъ (2, XXXIX), ледъ и упадетъ (4, XLIII), тожъ и проведешь (тамъ же), тетрадь и описать (5, XL), авось и врозь (7, XXVI), постигъ и уче-

никъ (8, XXXVIII), въ «Припискахъ къ поэмѣ» (Кавказскому плѣннику) грубъ и глупъ (I) и т. п. Это риѳмы вполнѣ литературныя и безупречныя. Онѣ могутъ казаться неудачными на первый взглядъ для нашего глаза, но риѳма составляется не для зрѣнія, а для слуха.

Въ стихахъ допускаютъ изрѣдка въ риѳмахъ не литературное, а областное произношеніе конечнаго согласнаго *г* какъ *х:* дру*х*, но*х*, ми*х* и т. д. Мы уже знаемъ, что это южновеликорусское произношеніе (см. § 7). Оно и встрѣчается обыкновенно у поэтовъ, которые родились и выросли въ тѣхъ южныхъ губерніяхъ, въ которыхъ произносятъ всякое *г* передъ гласной по-малорусски—какъ мы произносимъ *г* въ словѣ *Бога*—и конечное *г* обращаютъ въ *х*. Такъ, напр., у Фета, уроженца Орловской губерніи, мы находимъ риѳмы, подобныя полувздохъ — ногъ («Еще одно забывчивое слово»), духъ—югъ («Тополь»), мигъ и роковыхъ, земныхъ и мигъ, даже дорога—Бога («Смерть»):

Излишнія средь жалкихъ нуждъ земныхъ, —
Незыблемой мечты іероглифы,
Вы говорите: «Вѣчность — мы, ты — мигъ»... (А. Фетъ,
«Среди звѣздъ»).

Такія же риѳмы находятся и у другого южанина, гр. А. К. Толстого: продрогъ—Богъ («Богатырь»), богъ—рогъ, богъ—ногъ («Крымскіе очерки», 1-ый и 12-ый); есть онѣ, въ небольшомъ числѣ, и у Пушкина, хорошо знавшаго разнообразныя русскія произношенія словъ и много заимствовавшаго отъ другихъ поэтовъ; напр., духъ и другъ въ стихотвореніи: «Къ Батюшкову». Даже у сѣверянина Некрасова находимъ риѳму: глухъ — слугъ («Родина»), которая объясняется, вѣроятно, книжнымъ вліяніемъ.

Риѳма: Богъ (произносится: Бох) и могъ (произносится въ литературномъ языкѣ: мок, но въ южно-великорусскомъ нарѣчіи: мох) оправдывается тоже лишь областнымъ произношеніемъ. Она встрѣчается у Державина:

Кого никто постичь не могъ,
Кто все Собою наполняетъ,
Объемлетъ, зиждетъ, сохраняетъ,
Кого мы называемъ Богъ («Богъ»);

у Пушкина: Отъ ревности печальный Богъ
Спокойно подремать не могъ («Амуръ и Гименей»);

у Крылова: Я — царь, но я не Богъ:
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить,
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ.
(«Кукушка и орелъ»)[1].

---

1) У Крылова такія риѳмы есть и еще: богъ — ногъ («Оракулъ»), Богъ — берёгъ («Добрая лисица») и даже: дорогу — Богу («Муха и дорожные»). Возникаетъ вопросъ: Какъ же онъ говорилъ?

У Жемчужникова встрѣчаемъ чисто малороссійскую риѳму: возлѣ — морозъ ли, съ произношеніемъ на концѣ звонкаго *з*.

И озарятъ весь видъ вдали и возлѣ;
Осенніе ль дожди опять польютъ;
Поля и садъ посеребритъ морозъ ли...

(Жемчужниковъ, «Сельскія впечатлѣнія и картинки», 8:
«По поводу дождя и снѣга»).

3) При стеченіи согласныхъ звонкихъ и глухихъ происходитъ такъ называемая *ассимиляція* (уподобленіе) звуковъ. Именно, согласный предыдущій уподобляется послѣдующему, такъ что при послѣдующемъ глухомъ мы слышимъ въ произношеніи всегда два глухихъ, при послѣдующемъ звонкомъ мы слышимъ въ произношеніи два звонкихъ.

Въ письмѣ глухой + звонкій = въ произношеніи звонкій + звонкій.

Въ письмѣ звонкій + глухой = въ произношеніи глухой + глухой.

Пишемъ (глухой + звонкій):	*Произносимъ* (звонкій + звонкій):
*к*ъ землѣ	*г*землé
окрѣ*п*ъ бы	акрé*б*бы
*с*билъ	*з*бил
о*т*ъ двери	а*д*двéри
кали*ф*ъ былъ побѣжденъ	калѝ*в*былпабеждëн
мо*х*ъ зеленъ	мò*h*зéлин
ли*ш*ь будь усерденъ	ли*ж*бỳтьусéрдин
оте*ц*ъ боленъ	атè*д͡з*бóлин
до*ч*ь больна	дò*д͡ж*бальнá
помо*щ*ь будетъ	пòмы*жж*бýдит.

Пишемъ (звонкій + глухой):	*Произносимъ* (глухой + глухой):
уле*г*ся	улë*к*са
о*б*хватъ	а*п*хвáт
ра*з*сыпался	ра*с*сы́пылса
по*д*полье	па*т*пóлья
*в*ъ концѣ	*ф*канцé
но*ж*ка	нó*ш*ка.

Такимъ образомъ, въ русскомъ произношеніи существуютъ только два однородныя сочетанія согласныхъ: звонкій + звонкій и глухой + глухой. Иначе намъ трудно и выговорить какое-нибудь слово.

Только передъ звонкимъ *в* сохраняется глухой согласный. Пишемъ: о*т*ъ васъ, *с*ъ вами и произносимъ: а*тв*áс, *с*вáми и т. п.

Сонорные согласные *р*, *л*, *н*, *м* также не измѣняютъ предыдущаго согласнаго; произносимъ: *с*ры́бый (съ рыбой), и*з*ры́бы (изъ рыбы), *с*лами́лъ (сломилъ), и*з*лами́л (изломилъ), *с*ня́ли, и*з*нáс (изъ насъ), пы*д*масквóй (подъ Москвой), а*т*масквы́ (отъ Москвы) и т. д.

И въ корняхъ словъ звонкій *в* и сонорные не измѣнили предыдущихъ глухихъ согласныхъ: *т*вёрд, *к*вас, *с*винья, *ш*вырять, *х*вала, *к*ража, *т*рус, *с*тремя, *т*ля, *п*лох, *с*наха, *к*нига, *т*ьма и т. п.

Произношеніе нѣкоторыхъ сочетаній согласныхъ.

§ 32. Буква *щ* произносится обыкновенно какъ долгое мягкое *ш*: шьшю́ка (щука), рóшьшя (роща), шьшипцы́ и т. п. Нѣкоторые произносятъ также эту букву какъ сочетаніе звуковъ *шьч*: шьчю́ка, рóшьчя, шьчипцы́ и т. д. [1]).

§ 33. Сочетанія буквъ *сш*, *зш* произносятся какъ твердое протяжное *ш*: рашшы́п (расшибъ), шшы́ли (сшили), шшу́мым (съ шумомъ), ишшу́бы (изъ шубы) и т. п.

§ 34. Орѳографическія сочетанія *жж* и *зж* звучатъ обыкновенно какъ долгое мягкое *ж* или изрѣдка какъ сочетаніе *жьдьжь*: вóжьжи, вóжьдьжи (вóжжи), уежьжя́ю (уѣзжаю), пóжьжи (позже), мыжьжечóк (мозжечокъ) и т. п.

Но когда въ письменныхъ сочетаніяхъ *зж*, *сж* буквы *з* или *с* принадлежатъ предлогу, а *ж* — корню, то въ произношеніи слышится твердое протяжное *ж*: ижжóга (изжога), бежжы́зни (безъ жизни), жжэнóй (съ женой) и т. под.

§ 35. Пишемъ: поручикъ, прочій, впрочемъ, причина; говоримъ: пару́тчик; многіе произносятъ: прóтчій, фпрóтчим, притчи́на.

Также пишемъ: лучше, лучшій, произносимъ часто: лу́тчи, лу́тчій. Поэтому у А. Луговаго въ стихотвореніи «Страшный всад-

1) Ср. замѣтку: В. Чернышевъ. О произношеніи русскаго *щ* (Русскій Филологическій Вѣстникъ 1911 г., № 2).

никъ» находимъ риѳмы: лучшей (=лутчей, близко къ лучей)—могучей:

Властелину
Царства на землѣ любого не найти попоны лучшей
Для коня, чѣмъ та, что выбралъ царь звѣриный, левъ
могучій.

§ 36. Группы согласныхъ: *сч*, *зч*, *сщ*, *зщ* звучатъ какъ *щ*, т. е. какъ *шъш* или *шъч:* щем (съ чѣмъ), щáстья (счастье), щитáть (считать), бещéсти (безъ чести), разнóщик [1]) (разносчикъ), бещóтки (безъ щотки) и т. п.

§ 37. Окончаніе глаголовъ *шься* прежде произносилось *сса:* сéрдисса, вертúсса, старáпсса, занимáпсса и т. д. Теперь книжное окончаніе *шса* (твердое *с* изъ живой рѣчи) замѣтно вытѣсняетъ старое произношеніе [2]) и, кажется, господствуетъ въ языкѣ книжныхъ людей.

§ 38. Сочетаніе *кк* обращается въ *хк*. Это такъ называемая *диссимиля́ція*, т.-е. расподобленіе согласныхъ. Говорятъ: *хкá*му (къ кому), *хкá*мню (къ камню), мя́*хк*ый (пишемъ мягкій вмѣсто болѣе правильнаго мя*к*кій отъ мякоть) и т. п. Однако: ло́*кт*и, тá*к-т*а, ля́*кт*и.

§ 39. *К* передъ *т* и передъ *ч* обращается въ *х*. Произносимъ: *хто* (кто), *хт*ебѣ́ (къ тебѣ), *хт*авáрищу (къ товарищу), *хч*ему́ (къ чему), мя́*хч*и (пишемъ: мягче вмѣсто мя*к*че) и т. п.

Въ нѣкоторыхъ словахъ мы произносимъ передъ *т* звукъ *х*, полученный изъ *г:* нó*хт*и, кó*хт*и, дé*хт*ю. Интересна Пушкинская риѳма локти—когти, очевидно на *хти:* Крѣпко связаны ей локти; Попадется звѣрю въ когти. Сказка о мертвой царевнѣ.

Примѣчаніе. Произношенія, указанныя въ §§ 39 и 40, подверглись теперь сильному книжному вліянію и грамотеямъ нашего времени кажутся некрасивыми. Въ доказательство того, что они не портятъ русской рѣчи, сошлюсь на прекрасное произношеніе покойной В. Ѳ. Коммиссаржевской, отъ которой я слышалъ ясное и послѣдовательное *хто*.

---

1) Это слово, можетъ быть, образовано изъ разносщикъ.

2) Въ XVIII вѣкѣ живое произношеніе этихъ глаголовъ (сéрдисса и под.) было еще такъ распространено, что проникало и въ письмо. Напримѣръ, у Фонвизина находимъ: А тамъ и женисся. Недоросль, изд. 1817 г., стр. 73. Здѣсь вообще окончаніе *шься* передается *ся:* останесся (74), попадесся (80) и др.

§ 40. Въ мѣстоименіи что сочетаніе *чт* обратилось въ *шт*. Въ Москвѣ говорятъ: што, штобы. Такое произношеніе грамматика считаетъ обязательнымъ для всѣхъ правильно говорящихъ по-русски. Произношеніе что, чтобы, основанное на письмѣ, которое иногда мы слышимъ въ разговорѣ, нужно считать ошибкой противъ правилъ выговора. Это все равно, что говорить злóго, худóго съ письменными окончаніями *го*.

§ 41. Созвучіе *чн* во многихъ словахъ упрощается въ *шн*: канé*шн*а (конечно), скý*шн*а (скучно), малó*шн*ый (молочный), прá*чишн*ыя (прачечная), бýлы*шн*ыя (булочная), калá*шн*ик (калачник), патсвѣ́*шн*ик (подсвѣчник), клю́*шн*ица (ключница) и т. п.

Но во множествѣ случаевъ, напр., въ глагольныхъ формахъ, въ словахъ книжныхъ, сочетаніе *чн* сохраняется: ка*чн*ý, на*чн*ý, млé*чн*ый (путь), атлѝ*чн*а, тó*чн*ый, звý*чн*ый, истó*чн*ик и мн. др.

Нѣмыя согласныя.

Въ концѣ словъ и въ срединѣ при стеченіи согласныхъ иногда происходитъ ихъ выпаденіе.

§ 42. Опускается иногда *т* въ окончаніи *сть (здь)*, *стье*, *стья*; нѣкоторые говорятъ: шесь (ше*сть*), есь (е*сть* и ѣ*сть*), рáдысь (радо*сть*), стáрысь (старо*сть*), мóлыдысь (молодость), щáсья, (сча*стье*), памéсья (помѣ*стье*), гóсья (го*стья*) и т. п. Но многіе сохраняютъ такое *т*: это, пожалуй, лучшее произношеніе.

Нѣмое *т* есть у Крылова, риѳмующаго, напр., полѣсьѣ и помѣстье:

И паномъ заживу у насъ во всемъ полѣсьѣ.
Вѣдь, пастуху стада, что барину помѣстье.
(«Дикія козы»).

§ 43. Въ окончаніяхъ *бль* и *вль* нерѣдко опускается *л*; произносятъ: карá*пь* (тя̀п да ля̀п и вы́шыл карáпь), ру*пь*, журá*фь*, Ирасл*áфь* (Ярославль) и т. п. Но многіе сохраняютъ окончанія *бль* и *вль*.

§ 44. Изъ сочетаній *стн*, *стл*, *стк (здк)* выпадаетъ *т*. Мы говоримъ: свѝ*сн*ул (сви*стн*улъ), хле*сн*ýл (хле*стн*улъ), лé*сн*ица

(лѣ*стн*ица), по́*сн*ый (по*стн*ый), че́*сн*ый (че*стн*ый), гру́*сн*ый (гру*стн*ый), преле́*сн*ый (преле*стн*ый) и т. д.

(Въ исключительныхъ случаяхъ подобныя произношенія оказываютъ вліяніе и на образованіе словъ, напр., изъ лесница имѣемъ лесника).

Сравнимъ у Крылова рифмы: прелестно и тѣсно («Разборчивая невѣста»), честно и тѣсно («Мальчикъ и червякъ»), весна и грустна («Дикія козы»), у Пушкина: поднебесной и прелестный:

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный...

Мы произносимъ одинаково: пасла́ть слугу и пасла́ть (постлать) пастель; мы часто говоримъ хвасли́ф (хва*стл*ивъ); *скл*я́нка (*стк*лянка), неве́*ск*а (невѣ*стк*а), паве́*ск*а (повѣ*стк*а), извё*ск*а (изве*стк*а), ма*ск*и́ (мостки) и т. п.; баро́*ск*а (боро*здк*а), пае́*ск*а (поѣ*здк*а), грамо́*ск*ый или гро́мы*ск*ый (громо*здк*ій) и под.

§ 45. Изъ сочетанія *здн* выпадаетъ *д;* произносятъ: бизвазме́*зн*ый (безвозме*здн*ый), безме́*зн*ый (безме*здн*ый), уе́*зн*ый (уѣ*здн*ый), выез*н*о́й (вы*ѣздн*ой), бе́*зн*а (бе*здн*а), по́*зн*а (по*здн*о) и т. п.

Сравнимъ у Крылова:

Отвѣта требуетъ онъ гро*зн*о.
Улика на лицо, и запираться по*здн*о («Напраслина»).

§ 46. Передъ окончаніемъ *скій*, *ство* двойное *с* въ произношеніи замѣняется одиночнымъ: ру́*с*кый (ру*сс*кій), пру́*с*кый (пру*сс*кій), францу́*с*кый (францу*зс*кій), иску́*с*тва (иску*сс*тво), иску́ствинный (иску*сс*твенный) и подобн.

И передъ другими группами согласныхъ двойное *с* у многихъ обращается въ произношеніи въ одно: ра*с*ка́с (ра*зс*казъ), бе*с*ты́жый (бе*зс*тыжій), ра*с*тро́йства (ра*зс*тройство), ва*с*та́нія (во*зс*таніе).

§ 47. Причастное окончаніе *нный* въ нашемъ письмѣ всегда сохраняетъ двойное *н*, но въ произношеніи двойное (долгое) *н* слышится лишь непосредственно за удареніемъ; если удареніе удалено отъ окончанія, то произносимъ съ однимъ *н*. Сравните: укреплённый, привезённый, разведённый, заключённый, аскарблённый, найдённый и по́слыный, вы́видиный, чи́тыный, ако́нчиный, разбро́сыный и т. п.

§ 48. Слова: солнце, сердце, чувство, здравствуй часто произносятся: сóнца, сéрца, чю́ства, здрáстуй. Въ другихъ случаяхъ *в (ф)* передъ *ство* сохраняется: вырафствó, кумафствó, былафствó и др.

Твердость и мягкость согласныхъ.

§ 49. Губные согласные *б*, *в*, *п*, *ф* и носовой *м* въ концѣ словъ въ литературномъ произношеніи сохраняютъ древнія твердость и мягкость: ра*п* (рабъ), гра*пь* (грабь), кро*ф* (кровъ), кро*фь* (кровь), сы*пь* (сыпь), пря*м* (прямъ), фпря*мь* (впрямь) и т. п. Риѳмы, указывающія на твердость губныхъ: любовь — словъ (Жуковскій, «Изъ Донъ-Кихота»), праотцовъ — любовь (Батюшковъ, «Переходъ черезъ Рейнъ»), вручивъ — вкривь (Пушкинъ, «Евгеній Онѣгинъ», гл. VII, 55), сновъ — любовь (Фетъ, «Когда мои мечты») и др. под. мы должны объяснять вліяніемъ областной рѣчи.

И у Крылова впрямъ не литературное, а діалектическое произношеніе, часто слышимое и въ Петроградѣ:

Отвѣдай сунуться къ друзьямъ:
Начнутъ совѣтовать и вкось тебѣ, и впрямъ...
(«Крестьянинъ въ бѣдѣ»).

§ 50. Въ русскомъ произношеніи наблюдается вообще мягкость согласнаго передъ слѣдующимъ мягкимъ, которая, впрочемъ, на письмѣ не обозначается. Пишемъ: во снѣ, на днѣ, злить, пѣсни, басня, передній, перстень и т. п.; произносимъ: ва*сь*нé, на*дь*нé, *зь*ли́ть, пé*сь*ни, бá*сь*ня, перé*дь*ній, пé*рь*стинь, *зь*дéлыть, кó*нь*чи, фтó*рь*ник, пó*рь*ча, *дь*ве, чé*ть*вира, *зь*бéгый, вé*ть*ви и т. п.—Однако приставки *под* и *от* обыкновенно не смягчаются, особенно передъ губными: па*д*би́л, а*т*вéт, пó*т*пись, а*т*пéй, пы*т*сидéл, а*т*сю́да, а*т*рицáть и др. (не вполнѣ послѣдовательно). Произношенія *с*он, *д*óнца, *з*ол и др. показываютъ, что въ подобныхъ случаяхъ мягкая согласная получается иногда изъ твердой.

§ 51. Твердые согласные *ж*, *ш* обыкновенно не смягчаются: здѣшній, прéжній и т. под. произносятся съ твердыми *ж*, *ш*.

§ 52. Губные звуки *б, п, в, ф* передъ мягкими сонорными и передъ мягкими *т, д, с, з* имѣютъ обыкновенно не полное смягченіе: редъ мягкими *т, д, с, з* имѣютъ обыкновенно не полное смягченіе: лечéбница, *п*леп (плѣнъ), изабрёл, лó*п*нит, *в*рёш, деш*э́в*ли, *в*землé, *ф*сéли (въ силѣ), а*п*тени́ (обтяни), абдёрни, а*п*сéил (обсѣялъ), *ф*се (всѣ) и т. п., гдѣ слышится согласная невполнѣ твердая, но и не мягкая. Но передъ мягкими губными и мягкими *г, к, х* губные смягчаются: а*бъ*верни́, *въ*вёл, люб*ъ*ви́, *въ*бить, ри́*фь*ми (риѳмѣ), *фь*печи́ (въ печи), дé*фь*ки (дѣвки), *фъ*хитрысти (въ хитрости), а*пь*ки́пул и т. п.

§ 53. Мало способными къ умягченію оказываются заднеязычные *г, к, х*: *г*ни, *к*нига, *х*мель мы произносимъ лишь съ очень небольшимъ смягченіемъ начальныхъ согласныхъ.

§ 54. Въ глагольныхъ образованіяхъ, какъ: затрó*г*ивать, оттá*к*ивать, отпи́*х*ивать и т. д., *г, к, х* часто произносятся твердо, какъ будто бы были написаны слоги *гы, кы, хы*.

§ 55. Передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ мы тоже слышимъ обыкновенно твердый. Говоримъ: а*т*цы́, ве*н*цы́, ба*р*цы́, правó*р*ный, прія́*т*ный и т. п. съ твердыми согласными, хотя произношенія а*т*éц, ве*н*éц, ба*р*éц, правó*р*ин, прія́*т*ин указываютъ на то, что и въ первыхъ словахъ должна бы быть мягкая согласная.

Здѣсь отвердѣніе произошло передъ твердыми зубными согласными. Передъ задненебными и губными сохраняется мягкость: Вá*нь*ка, Пé*ть*ка, ня́*нь*ка, су*дь*бá, прó*зь*ба, ба*рь*бá, ве*сь*мá, ва*зь*мý, пи*сь*мó и др.

§ 56. Звукъ *л* сохраняетъ свою мягкость передъ всякими твердыми согласными: стре*ль*бá, бе*ль*мó, скó*ль*ка, Ó*ль*га, сé*ль*скый, си́*ль*ный, ба*ль*шóй, пó*ль*за и т. п.

§ 57. Мы произносимъ мягкій звукъ *р* передъ твердыми *г, к, х* въ словахъ: верхъ, церковь, четвергъ (на письмѣ мягкость не обозначается), которыя выговариваемъ: вé*рь*х, цé*рь*кыфь, четвé*рь*к, читве*рь*гá.

§ 58. Мы произносимъ твердое *н* вмѣсто мягкаго въ родительномъ падежѣ множественнаго числа нѣкоторыхъ словъ женскаго рода: обѣдня, обѣде*нъ*; бáсня, бáсе*нъ*; сóтня, сóте*нъ*; колокóльня, колокóле*нъ*; конюшня, конюше*нъ* и т. д. Здѣсь *н* произносится всегда твердо, если удареніе находится не на послѣднемъ слогѣ. При удареніи на конечномъ слогѣ *н* мягко: деревé*нь*, боги́*нь*, ба*нь*, ня*нь*.

§ 59. Многіе произносятъ: *ви*мéнія (въ имѣніе), *вé*тым (въ этомъ), а*бé*тым (объ этомъ), *кé*тыму (къ этому) и т. п. Лучше говорить: *вы*мéнія, *вэ́*тым, а*бэ́*тым, *кэ́*тыму и т. д.

§ 60. Мы пишемъ: близъ, покамѣстъ, но говоримъ обыкновенно: блись, иногда произносимъ: пакáмисть, также произносимъ: наизýсть (прежде писали: наизустъ), атню́ть (отнюдь; въ старину писали: отнюдъ).

§ 61. Согласные губные и зубные передъ слѣдующей гласной, съ которой они не сливаются (*бью, съѣлъ* и т. п.), имѣютъ обыкновенно среднее произношеніе. Пишемъ съ *ъ*: объявилъ, отъѣхалъ, подъѣздъ, объёмъ, разъединить и съ *ь*: бью, пью, вью, судья, платье, плетью; произносимъ же передъ *ъ* и *ь* согласный среднiй между твердымъ и мягкимъ.

§ 62. Въ нѣкоторыхъ словахъ произношеніе колеблется: скрыпъ и скрипъ, грыбъ и грибъ, псалты́рь и псалти́рь, Давы́дъ и Дави́дъ, до́нышко и дёнышко, у́золъ и узелъ.

Особенности въ произношеніи нѣкоторыхъ формъ.

§ 63. Имена существительныя средняго рода на *о:* стекло́, акно́, село́ во множественномъ числѣ имѣютъ иногда въ произношеніи окончаніе *ы* вмѣсто *а:* стёкл*ы*, о́кн*ы*, сёл*ы* и т. п.

Поэтому у Пушкина, напр., находимъ риѳмы: моги́л*ы* — кры́л*ы* («Мечтатель»), желѣ́з*ы* — слёз*ы* («Кавказскій плѣнникъ», ч. II), жа́л*ы* — ма́л*ы* («Е. Н. Ушаковой»), омы́т*ы* — копы́т*ы* и т. п.:

Не ихъ ли кровію омыт*ы*
Твои булатныя копыт*ы*? («Опричникъ»).

Точно также написанія телята (им. пад. мн. ч. отъ «теленокъ»), поросята, ребята, ягнята и подобн. произносимъ: теля́т*ы*, пыра-ся́т*ы*, ребя́т*ы*, егня́т*ы*. Вотъ почему Крыловъ риѳмуетъ плоховаты — ягняты:

Бываютъ и орлы, какъ видно, плоховат*ы*.
Ну, только ль въ стадѣ, что̀ ягнят*ы*? («Вороненокъ»).

§ 64. Прилагательныя имена, имѣющія въ письмѣ окончанія: *гій, кій, хій*, произносятся съ окончаніями: *гый, кый, хый:* до́лгый (вмѣсто древняго дол*гой*), крѣ́п*кый* (вмѣсто крѣп*кой*), ти́*хый* (вмѣсто ти*хой*) и т. п. (Ср. § 25).

Это произношеніе указываютъ и риѳмы у поэтовъ, напримѣръ:

у Дмитріева: Простой цвѣточекъ ди*кой*
Нечаянно попалъ въ одинъ пучекъ съ гвозди*кой*...

у Крылова: И сталъ оселъ скотиной превели*кой*,
А сверхъ того ему такой данъ голосъ ди*кой*...

у Пушкина: Но правдой онъ привлекъ сердца,
Но нравы укротилъ наукой,
И былъ отъ буйнаго стрѣльца
Предъ нимъ отличенъ Долгорукой.

§ 65. Мѣстоименія, имѣющія въ письмѣ формы: его, кого, чего, моего и под. въ произношеніи звучатъ: евó, кавó, чевó, мыевó.

Родительный падежъ прилагательныхъ и другихъ частей рѣчи, имѣющихъ съ ними одинаковое склоненіе, пишется съ окончаніями *аго*, *яго*, *ого*, *его*, но произносится всегда съ окончаніями *ыва*, *ива*, *óва*, *éва*. Говорятъ: слеп*óва* (слѣпого), худ*óва* (худого), дóбр*ыва* (добраго), здѣшн*ива* (здѣшняго) и т. п.

Согласно съ произношеніемъ мы находимъ у Пушкина, напр., такія риѳмы: млад*ого*—сн*ова* («Старикъ»), лих*ого*—Хвост*ова* («Усы»), сл*ова*—люб*ого* («Пріятелямъ»), Петр*ова*—земн*ого* («Полтава», пѣснь III) и т. п.

И отъ берега крут*ого*
Оттолкнулъ его весломъ,
И мертвецъ внизъ поплылъ сн*ова*
За могилой и крестомъ («Утопленникъ»).

«... Я куму услужить гот*ова*».
А куму не сѣнца, хотѣлось бы мясн*ого*...
(Крыловъ, «Волкъ и лисица»).
«Ну, как*ово?*
Пополнилась ли я?» — «Почти-что нич*его*».
(Крыловъ, «Лягушка и волъ»).

Такъ какъ въ данныхъ окончаніяхъ слогъ *го* имѣетъ лишь орѳографическое значеніе, то у насъ не можетъ быть такихъ риѳмъ, какъ обжога — чужого, рога — сырого и под.; также по-русски невозможна риѳма: Бога — живого, которую мы видимъ въ переводѣ одного нѣмецкаго богослужебнаго гимна:

Восхвалите-жъ Бога
Во Христѣ живого!

§ 66. Неударяемыя окончанія прилагательныхъ винительнаго падежа женскаго рода единственнаго числа *ую*, *юю* замѣняются въ произношеніи окончаніями *ыю* (вмѣсто *ою*) и *ію* (вмѣсто *ею*): дóбр*ыю* сестрý, кáминн*ыю* стéну, сú*нію* крáску, здéшн*ію* жытильницу и т. п.

Поэтому у Некрасова (т. I, 8-е изд. 1902 г.) имѣются, напримѣръ, риѳмы: породою — длиннобородую (стр. 1), убогую —

дорогою (стр. 72), славою — величавую (207), гордую — твердою (231), милую — могилою (252), деревнею — древнюю (285), пашнею — домашнюю (341) и др.; у Полонскаго: пѣгую — телѣгою:

Мы дойдемъ, повѣстимъ твою *милую:*
Можетъ быть, и пріѣдетъ любя,
И поплачетъ она надъ *могилою,*
И разскажемъ мы ей про тебя («Похороны»).

Разбогатѣть ему хочется *пашнею.*
Правитъ мужикъ свою нужду *домашнюю...*
(«Притча о Ермолаѣ трудящемся»).

И продастъ онъ *пѣгую,*
Съ хомутомъ съ *телѣгою...* («Голодъ»).

§ 67. Окончаніе множественнаго числа прилагательныхъ и мѣстоименій звучитъ: *ыи, іи:* дóбр*ыи*, тóлст*ыи*, бальш*ы́и*, си́н*іи*, здéшн*іи*, катóр*ыи* и т. п. Принятыя въ письмѣ окончанія *ые, іе, ыя, ія,* въ соотвѣтствіи съ родомъ словъ, совершенно условны и не должны оказывать вліянія на произношеніе[1]).

§ 68. Мѣстоименія *ее*, обозначающее въ письмѣ винительный падежъ, и *ея*, обозначающее въ письмѣ родительный падежъ, произносятся одинаково: *её*. Пишемъ: я видѣлъ *ее* и *ея* сестру; произносимъ: я ви́дил *её* и *её* сестру́.

У поэтовъ находимъ часто такія риѳмы, которыя показываютъ, что написаніе *ея* необходимо читать *её;* напр.: *свое—ея* (Лермонтовъ, «Покаяніе»), для *нея—все* (Онъ же, «Гость»), *мое* — умъ *ея* (Онъ же, «1831 года, Іюля 11»), для *нея—мое:*

---

1) Такіе примѣры, какъ слѣдующій, надо отнести къ крайностямъ нашей орѳографіи: «Исполнители удачно распредѣлили роли. Г-жа Каменева съ воодушевленіемъ играла вождя женскаго движенія. Г. Смолинъ выглядѣлъ прекомичнымъ Менелаемъ, въ роли ея мужа Блепира. Комична и г-жа Нарчевская въ роли глашатая; — ея выходъ вызвалъ общій смѣхъ. Вакхична рабыня — г-жа Заруйская. Всѣ *остальные* и *остальныя* были вполнѣ на своемъ мѣстѣ». (Биржевыя Вѣдомости 13 ноября 1910 г., № 12021). Очевидно, что такія словоупотребленія возникаютъ вслѣдствіе смѣшенія правописанія съ произношеніемъ, о чемъ мы уже говорили на стр. 26—28 и др. Даже для образованныхъ жителей Петрограда правильное русское произношеніе такъ мало извѣстно, что у насъ возможно встрѣтить лицъ, которыя говорятъ: «учащ*іе*ся и учащ*ія*ся», очевидно считая этотъ ломаный языкъ совершеннѣйшимъ средствомъ выраженія своей мысли.

Я для *нея* (читайте: *неё*)
Сгубила счастіе *мое* (Пушкинъ, «Полтава», пѣснь II).

И думаетъ, что на *неё*
Родня и прежніе пріятели *ея* (читайте: *её*)
Всѣ заглядятся, какъ на диво (Крыловъ, «Ворона»).

Въ небесахъ звѣзда — и отъ *нея*,
Будто искра, заронилась дума
Тайно въ сердце грустное *мое* (А. Фетъ, «Ночь.
Не слышно городского шума»).

... Оса тихонько выползаетъ
Изъ-подъ травы, гдѣ у *нее*
Дыра въ подземное *жилье* (Полонскій,
«Ночь въ Лѣтнемъ саду»).

Вотъ ѣдетъ челнокъ... И внезапно
Охваченный пѣснью *ея*,
Пловецъ о рулѣ забываетъ
И только глядитъ на *нее*... (Майковъ, «Лорелея»).

У старыхъ поэтовъ находимъ нерѣдко риѳмы, которыя требуютъ книжнаго произношенія, т.-е. *ея*.

У Державина: Не страшился бъ я ввергаться
Въ волны яры для *нея*;
Но навѣки съ ней разстаться, —
Жизнь мнѣ дорога *моя*.
(«Препятствіе къ свиданію съ супругою»).

У Карамзина:

Смерть въ младости страшна! Осталась мать *моя*;
Но строгій, тяжкій плѣнъ былъ жребіемъ *ея*.
(«Гекторъ и Андромаха»).

Одинъ такой случай находимъ даже у Пушкина:

На крикъ испуганный *ея*
Ребятъ дворовая *семья*
Сбѣжалась шумно («Евгеній Онѣгинъ», гл. II, строфа XVI).

Новые поэты, какъ напр., гр. А. Толстой, Чюмина и др., допускаютъ подобныя риѳмы лишь по старому преданію или по недоразумѣнію.

§ 69. Разговорныя формы мѣстоименія 3-го лица женскаго рода родительнаго падежа *у ней, отъ ней* вмѣсто *у нея, отъ нея*, не помѣщаемыя въ нашихъ грамматикахъ, мы должны считать вполнѣ литературными, такъ какъ онѣ встрѣчаются у лучшихъ писателей, прозаиковъ и поэтовъ.

Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй,
Остался бъ хвостъ *у ней* (Крыловъ, «Лиса»).

Иной лишь трудъ и время губитъ,
Стараяся настичь ее (Фортуну) изъ силы всей:
Другой, какъ кажется, бѣжитъ совсѣмъ *отъ ней*...
(Крыловъ, «Тѣнь и человѣкъ»).

Тогда у старости отымемъ
Все, что отымется *у ней* (Пушкинъ, «Добрый совѣтъ»).

Нѣтъ, не агатъ въ глазахъ *у ней*,
Но всѣ сокровища Востока
Не стоятъ сладостныхъ лучей
Ея полуденнаго ока (Пушкинъ, «Отвѣтъ Ѳ. А. Туманскому»).

§ 70. Въ письмѣ мы различаемъ формы они, одни (однихъ, однимъ и т. д.), относя ихъ къ словамъ мужескаго и средняго рода, и онѣ, однѣ (однѣхъ, однѣмъ и т. д.), относя ихъ къ словамъ женскаго рода. Въ произношеніи не различаются роды словъ. Говорящіе произносятъ обыкновенно одну форму для всѣхъ родовъ: ани́ или анѣ́. Чаще слышится ани́.

Поэты, хотя во многихъ случаяхъ и слѣдуютъ въ риѳмахъ формамъ, принятымъ въ правописаніи, но также слѣдуютъ и принятому произношенію, ставя названныя формы независимо отъ рода. Такъ, напр., находимъ у Жуковскаго:

Розы были тамъ въ *сѣни*
Рощицы тѣнистой,
Оживляли долъ *они*
Красотой душистой («*Пѣсня.* Гдѣ фіалка, мой цвѣтокъ?»)

У Лермонтова:

Отецъ, отецъ, оставь угрозы,
Свою Тамару не *брани*,
Я плачу — видишь эти слезы...
Уже не первыя *они* («Демонъ»).

Такъ дѣвушки, купаяся въ *тѣни*,
Когда увидятъ юношу *они*,
Краснѣютъ всѣ, къ землѣ склоняютъ взоръ...
(«Утро на Кавказѣ»).

Ликуйте вы [друзья] *однѣ*
И чаши осушайте,
Любви въ безумномъ *снѣ*,
Какъ прежде, утопайте («Веселый часъ»).

Тогда съ младенчества порою
Сдружилась старость, и *они*

4*

Шли беззаботною стопою,
Въ дорогѣ жизни *сведены* (Огаревъ, «Моя лампада»).

Полуночные образы стонутъ,
Какъ больной въ утомительномъ *снѣ*,
И всплываютъ, и стонутъ, и тонутъ;
Но о чемъ это стонутъ *онѣ?* (А. Фетъ,
«Полуночные образы рѣютъ»).

Чудныя птицы посядутъ на *пни*,
Чудныя пѣсни споютъ ей *они!* (Некрасовъ, «Саша»).

У Пушкина:

Пускай старикъ крылатый
Летитъ на *почтовыхъ!*
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь *однихъ* («Къ Ив. Ив. Пущину»).

Здѣсь нужно еще считаться съ старыми грамматиками, которыя требовали для средняго рода формы *онѣ*, одинаковой съ женскимъ родомъ. Такъ, Ломоносовъ въ своей грамматикѣ говоритъ о мѣстоименіяхъ *они*, *онѣ:* «Различіе рода во множественномъ не весьма чувствительно, такъ что безъ разбору одинъ вмѣсто другаго употребляются; однако лутче въ среднемъ и женскомъ *онѣ;* а въ мужескомъ *они*» (§ 436). У Ломоносова есть и рифма, согласная съ этимъ правиломъ: имена одн*ѣ* — стран*ѣ* (Собраніе разныхъ сочиненій, кн. 1, М. 1757, стр. 55). Даже Бѣлинскій, грамматика котораго вышла въ 1837 г., еще устанавливаетъ для средняго рода *онѣ*, *однѣ.* Поэты, учившіеся по старымъ грамматикамъ, можетъ быть, соблюдаютъ Ломоносовское правило въ рифмахъ, подобныхъ слѣдующимъ:

Таясь, страданія *однѣ*
Дѣлить съ ней,
Въ одной темничной *глубинѣ*
Молить съ ней... (Жуковскій, «Узникъ») [1]).

Установленное въ орѳографіи правило различать по родамъ формы косвенныхъ падежей множ. числа обо́ихъ, обо́имъ (м. р.) и т. д. и обѣ́ихъ, обѣ́имъ (ж. р.) и т. д. также не основано на свойствѣ живого языка, вполнѣ допускающаго употребленіе данныхъ числительныхъ безъ различія рода; говорятъ: с або́их старо́н и т. п. Вообще въ разговорѣ мы не различаемъ данныя

1) Значительное собраніе примѣровъ на употребленіе формъ, которыя разсматриваются въ §§ 68, 69 и 70 мы дали въ изданіи «Пушкинъ и его современники», вып. VI, статья «Замѣтки о языкѣ Пушкина» (Произношеніе нѣкоторыхъ мѣстоименій).

формы такъ строго, какъ въ письмѣ, которое совершенно не допускаетъ ихъ смѣшенія.

§ 71. Въ глаголахъ второго спряженія 3-е лицо множественнаго числа вмѣсто окончаній *ат*, *ят*, если они стоятъ безъ ударенія, имѣетъ окончанія *ут*, *ют*. Пишемъ: ход*ятъ*, смотр*ятъ*, вид*ятъ*, держ*атъ*, суш*атъ* и т. п.; говоримъ: хо́д*ют*, смо́тр*ют*, ви́д*ют*, де́рж*ут*, су́ш*ут* и т. п.

Поэтому у Лермонтова, напр., находимъ риѳму: *холятъ* и *колютъ* («На серебряныя шпоры»), которая указываетъ, что первое слово, написанное съ окончаніемъ *ятъ*, нужно произносить на *ютъ*. У Фета есть риѳма: излѣчатъ — защебечутъ («Больной»). Некрасовъ риѳмуетъ: тѣшатся — чешутся («Дума»), напишутъ — слышатъ («Публика»).

Въ наше время кормятъ, *холятъ*,
Берегутъ спинную честь...
Прежде били — нынче *колютъ*...
Что-же выгоднѣй — Богъ вѣсть...
«Я знаю, небеса весны меня *излѣчатъ*»...
И ждалъ онъ: скоро ли весна пахнетъ въ окно,
И тамъ двѣ ласточки, прижавшись, *защебечутъ?*
Ночь храпятъ, наѣвшись до́-поту,
День придетъ — работой *тѣшутся*...
Эй! возьми меня въ работники,
Поработать руки *чешутся!*...
Хоть бы ты тутъ же обнялся
Съ этимъ случайнымъ врагомъ, —
Завтра жь въ газетахъ *напишутъ!*
Господи! что за скоты!
Какъ они знаютъ все, *слышутъ!*...

Нѣкоторые произносятъ одинаково или, по крайней мѣрѣ, не различаютъ ясно произношеніе 3-го лица единственнаго числа и 3-го лица множественнаго числа. Такимъ образомъ, является возможность такихъ риѳмъ, какъ отходитъ и бродятъ, таютъ и посылаетъ. Произношеніе это едва ли можно считать литературнымъ, а происходящія изъ него риѳмы мы отмѣтили только у одного современнаго поэта:

Готовъ ужъ мой челнокъ, готовъ и парусъ мой,
Волна житейская приходитъ и *отходитъ*.
И вѣра теплится въ душѣ моей живой,
И мысли смѣлыя не умолкая *бродятъ*.

(Скиталецъ. Стихотворенія. Кн. 1. СПб. 1906, стр. 4, стихотвореніе: «Спитъ море предо мной»).

Серебрятся облака,
Въ синемъ небѣ тихо *таютъ*,
И орелъ издалека
Свой привѣтъ мнѣ *посылаетъ*. (Тамъ же, стр. 19,
стих.: «Узникъ»).

§ 72. Окончанія *ся*, *сь* въ глаголахъ произносятся твердо: выратúлса, женúлса, выраччю́съ, женю́съ и т. п.

Поэтому у Пушкина находимъ риѳмы: *бьюсь* — *музъ* («Сонъ»):
Въ ночной тиши я съ риѳмою не *бьюсь*,
Не вижу ввѣкъ ни Ѳеба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ *музъ*.

Союзъ — *боюсь* («Русланъ и Людмила», пѣснь III):
Мнѣ драгоцѣненъ твой *союзъ*.
Мы посрамимъ коварство Финна,
Но мрачныхъ козней не *боюсь*...

На ней (дорогѣ) ни воробья не видѣлъ я *родясь*;
До мѣста жъ ходу цѣлый *часъ*... (Крыловъ, «Охотникъ»).

Лишь берегъ вонъ изъ *глазъ*,
Какъ буря *поднялась* (Крыловъ, «Пастухъ и море»).

Вездѣ молитва *началась*:
«Небесный Царь, услыши *насъ*»...
(Жуковскій, «Утренняя звѣзда»).

При этомъ *са* послѣ гласныхъ (лилися) вмѣсто *с* (лились) встрѣчается только у поэтовъ:

Изъ перерубленной старой березы
Градомъ лил*ися* прощальныя слезы (Некрасовъ, «Саша»).

Только намъ гулять не *довелося*
По полямъ, по нивамъ золотымъ:
Цѣлый день на фабрикахъ *колеса*
Мы вертимъ — вертимъ — вертимъ! (Некрасовъ,
«Плачъ дѣтей»).

Послѣ *т* окончаніе *ся*, сливаясь съ этимъ *т*, звучитъ какъ *тца*: выратú*тца* (воротиться), варóти*тца* (воротится), жени*тца* (жениться), жéни*тца* (женится); не нýжна сердú*тца*, а он сéрди*тца* и т. д. Такія риѳмы, какъ тапится — птица вполнѣ оправдываются нашимъ произношеніемъ.

Какъ въ чашѣ раковинъ, во мнѣ тогда тапится
Весь шумъ земныхъ глубинъ: я не простая птица...
(Щепкина, «Шантеклеръ», М. 1910, стр. 97).

Чужія слова въ русскомъ произношеніи.

§ 73. Русскій языкъ имѣетъ много словъ на *ія—ья, іе—ье:* Марія и Марья, терпѣніе и терпѣнье и т. п. Окончанія *ія, іе* свойственны славянскому языку, *ья, ье* — русскому. Поэтому въ словахъ книжныхъ, отвлеченныхъ, обозначающихъ предметы, къ которымъ мы относимся съ почтеніемъ, употребляются формы съ славянскими окончаніями: дѣепричаст*іе*, нарѣч*іе*, Пресвятая Дѣва Мар*ія*, Введен*іе* во храмъ, пророкъ Ил*ія*, жит*іе* Ѳеодосія Печерскаго и т. п.; въ названіяхъ обыкновенныхъ явленій и общеупотребительныхъ предметовъ предпочитаются русскія окончанія: Мар*ья* Петровна, Ил*ья* Муромецъ, наше жит*ьё*-быт*ьё* и т. п. Большая часть словъ можетъ имѣть и ту и другую форму: бож*іи* и бож*ьи*, шипѣн*ье* и шипѣн*іе*, пропитан*ье* и пропитан*іе*, наслажден*ье* и наслажден*іе*, молчан*ье* и молчан*іе* и мн. др. Есть книжныя слова, которыя имѣютъ только одно окончаніе, славянское: Лид*ія*, Итал*ія*, лин*ія*, геометр*ія*, провинц*ія*, епарх*ія*, предислов*іе*, удовольств*іе*, препятств*іе*, слѣдств*іе* и др. Нѣкоторыя слова, чисто русскія, имѣютъ одно русское окончаніе: жил*ьё*, тряп*ьё*, бѣл*ьё* и т. п.

Поэты позволяютъ себѣ сокращать и общепринятое окончаніе *іе* или *ія* въ *ье, ья.* Такъ, у Пушкина находимъ: исторья, у Давыдова: Георгья, у А. Толстого: междометье («Портретъ»), у Некрасова: предисловье, малодушье («Застѣнчивость»).

Нѣкоторыя слова съ измѣненіемъ окончанія измѣняютъ значеніе: воскресеніе (воскресеніе Христа изъ мертвыхъ) и воскресенье (день недѣли), жалованіе (награжденіе) и жалованье (плата работающему), братія (монахи) и братья (дѣти одного отца) и т. п.

Очень точныя показанія на заимствованіе изъ церковно-славянскаго языка даютъ нѣкоторые гласные и согласные звуки:

1) Въ славянскомъ языкѣ ударяемое *е* не обращается въ *ё;* въ русскомъ такое обращеніе передъ твердой согласной обязательно. Поэтому такія слова, какъ небо, крестъ и др. подобныя, своимъ произношеніямъ указываютъ на заимствованіе изъ славянскаго (См. стр. 31—32).

Если слово не заимствовано изъ славянскаго, но имѣетъ ударяемое *е*, то оно заимствовано изъ какого либо другого языка: Елена, игемонъ, трапеза, лента (изъ греческаго), экстернъ, лекція, директоръ (изъ латинскаго), портретъ, балетъ, корнетъ, резервъ, жилетъ, корсетъ, браслетъ (изъ французскаго), позументъ, паштетъ, шпалеры, ракета, аптека (изъ нѣмецкаго), пенсъ, крокетъ, бифштексъ, пледъ, скверъ (изъ англійскаго) и т. п. Ср. стр. 32).

Слова бытіе, житіе, сіе, воніетъ мы произносимъ обыкновенно съ *е*, но изрѣдка слышится и произношеніе съ *ё:* бытіё, житіё, сіё, воніётъ, указывающее на то, что эти славянскія слова приняли русскую звуковую окраску. На послѣднія произношенія указываютъ и такія риѳмы, какъ твое — бытіе (Фетъ), ее — бытіе (Надсонъ), исходъ — воніетъ (Розенгеймъ).

2) Въ нѣкоторыхъ словахъ славянскому начальному *е* соотвѣтствуетъ русское *о*. Такимъ образомъ, слова единъ, единородный, единообразіе, единорогъ, единовѣрецъ, Еленевъ (фамилія), Езерскій (фамилія) мы должны признать славянизмами; соотвѣтствующія имъ русскія слова будутъ: одинъ, однородный, однообразье, однорогій, одновѣрецъ, Оленинъ, Озеровъ. Мы должны обратить вниманіе на то, что здѣсь и дальше славянизмы иногда отличаются отъ русскихъ словъ и по значенію (единородный и однородный).

3) Слова юноша, юность, юный, югъ, юдоль, юродство, юродствовать въ памятникахъ древняго русскаго языка являются съ *у*, а не съ *ю:* уноша, уность, уный, угъ, удоль, уродство, уродствовать. Такъ какъ памятники церковно-славянскаго языка знаютъ эти слова только въ первой формѣ, то очевидно наше позднѣйшее употребленіе приняло приведенныя слова изъ славянскаго, книжнаго языка, а русская ихъ форма почти утратилась[1]). Славянизмами оказываются и слова союзъ,

1) Какъ остатокъ древности, нужно указать употребленіе слова уро́дствовать въ смыслѣ «безумствовать», уро́дъ, въ смыслѣ «чудакъ». Это мы можемъ указать въ говорѣ г. Зарайска Рязанской губ. (Также: уро́дничать). Въ извѣстныхъ намъ сѣверныхъ говорахъ, кажется, нѣтъ такого словоупотребленія.

пріютъ, пріютить. Русскія формы въ двухъ послѣднихъ словахъ едва ли извѣстны многимъ. Однако онѣ слышатся и теперь. Въ Петроградѣ мнѣ часто приходилось поправлять учениковъ, читавшихъ эти слова съ *у;* особенно часто слышался стихъ Жуковскаго: «Тѣхъ пріюти между вѣтвей», съ формою пріути. На произношеніе пріутъ вмѣсто пріютъ указываетъ и М. М. Ивановъ, который пишетъ: Вотъ третьяго дня въ оперѣ я слышалъ, какъ пѣвецъ произносилъ: «Привѣтъ тебѣ, пріутъ (вмѣсто пріютъ) священный» (Новое Время 13 мая 1913 г., № 13350, статья: «Наши рѣчь и произношеніе»).

4) Славянское *д* обращается въ *жд* (ходити—хождꙋ), русское *д* обращается въ *ж* (ходить — хожу); поэтому такія слова, какъ: одежда, чуждый, тождество, невѣжда, рождать есть славянизмы; соотвѣтствующія имъ русскія слова: одёжа, чужой, тожество, невѣжа, рожать.

5) Славянское *т* обращается въ *щ* (хотѣти—хощꙋ), русское *т* переходитъ въ *ч* (хотѣть — хочу); значитъ: освѣщеніе, священникъ, пища, клевещу, ропщу и под. слова не что иное, какъ славянизмы. Соотвѣтствующихъ имъ русскихъ словъ или совсѣмъ нѣтъ или они рѣдко употребляются (ропчу).

6) Въ отношеніи своихъ и чужихъ находятся и слова: среда и середа, жребій и жеребей, предъ[1]) и передъ, шлемъ и шеломъ, млечный и молочный, гласъ и голосъ, врагъ и и ворогъ. Въ данныхъ примѣрахъ сочетанія со слогомъ *ре* послѣ согласной (среда) указываютъ, что слово принадлежитъ славянскому языку. Значитъ, произношеніе среда, жребій и т. п. книжное, искусственное. Славянскому сочетанію: *согласный* + рє + ра + лє, ла соотвѣтствуетъ русское: *согласный* + *ере* + *оро* + *ело* + *оло* (середа, ворогъ, шеломъ, молоко). Произношенія послѣдняго рода будутъ болѣе простыя, народныя.

§ 74. Вошедшія въ русскій языкъ иностранныя слова въ образованномъ произношеніи частію удерживаютъ свою перво-

1) Въ старо-славянскомъ языкѣ всѣ такія слова имѣли не передаваемую въ въ русскомъ письмѣ букву ѣ: срѣда, жрѣбій, прѣдъ, млѣко, шлѣмъ и т. д.

начальную форму, частію приспособляются къ русскому произношенію. Поэтому мы не допускаемъ въ нихъ аканья. Сравните образованное произношеніе съ *о:* бока́л, вокза́л, кома́нда, коми́ссія, компа́нія, компле́кт, компо́т, компре́сс, лорне́т, мона́рх, нота́ріус, портре́т, поли́ція, поэ́тъ, розе́тка, рома́н, соси́ска и под. и простонародное московское съ аканьемъ и другими измѣненіями: бака́л, вакза́л, кама́нда, ками́сія, канпа́нія, канпле́кт, кампо́т, кампре́с, ларне́т, мана́рх, ната́ріус и т. д. Однако и образованные люди говорятъ: канди́терская, канфо́рка, салда́тъ и др., давно заимствованныя. Также сохраняемъ въ такихъ словахъ неударяемыя *е, я:* бенефи́с, бертоле́тка, вентиля́ція, ветерина́р, геоме́трія, георги́на, депута́т, кенгуру́, легіо́н, менуэ́т, рясофо́рный, ляпида́рный и др. Въ простонародномъ акающемъ говорѣ и такія слова принимаютъ *и* на мѣстѣ *е, я* и всѣ другія особенности русскаго произношенія.

Чуждыя нашему языку звуковыя сочетанія мы приняли въ немногихъ словахъ: гяуръ, Кяхта, кюммель, кэбъ, кэкъ-уокъ и др.

Вообще же тѣ звуки чужихъ языковъ и тѣ звуковыя особенности, которыхъ нѣтъ въ русскомъ, не могутъ перейти къ намъ вмѣстѣ съ чужими словами. Точная передача чужой звуковой формы возможна только для небольшой группы людей, въ совершенствѣ изучающихъ языки (ученыхъ, преподавателей иностранныхъ языковъ, дипломатовъ, переводчиковъ, немногихъ торговцевъ и другихъ людей, которые имѣютъ привычку и нужду часто говорить на томъ или другомъ чужомъ, хорошо усвоенномъ языкѣ). Нѣмецкому языку, напримѣръ, свойственны произношенія: Бисмаркъ, Тироль, съ твердыми *б* и *т* передъ *и;* мы произносимъ эти слова и всѣ имъ подобныя съ мягкими *б* и *т.*

Мы не произносимъ также носовыхъ гласныхъ въ тѣхъ французскихъ словахъ, въ которыхъ они имѣются. Говоримъ: финансы, авансомъ, согласно съ письменнымъ русскимъ изображеніемъ этихъ словъ.

Звонкій въ концѣ такихъ французскихъ словъ, какъ: комод, ломбард, парад, фасад и проч. не сохраняется въ образованной

рѣчи даже у лицъ, учившихся французскому языку. Говорятъ: пара*т*, фаса*т* и т. д.

Не знаетъ русская живая рѣчь и звука ü, и слова съ нимъ (французскія и нѣмецкія) передаетъ черезъ нѣсколько приближающееся къ нему *ю:* бюро, брошюра, кунстштюк.

Также говоримъ обыкновенно съ *е*, приближаясь къ русскому произношенію: тема, проблема, мер (а не тэма и проч.).

Не очень еще давно русскій литературный языкъ въ иностранныхъ словахъ часто сокращалъ долгія согласныя. Говорили: акорды, акуратный, алея, миліон, паралельный, професор, класическій, групировка, програма, коректор и т. п. Произношенія съ двойными (точнѣе: долгими) согласными приписывали «добросовѣстнымъ семинаристамъ». Теперь, кажется, книжныя произношенія, съ двойными согласными, преобладаютъ. Это объясняется вліяніемъ письма и тѣмъ, что многіе узнаютъ такія слова изъ книгъ, а не изъ живого говора.

Нѣкоторыя простонародныя произношенія.

§ 75. Въ заключеніе приведемъ нѣсколько произношеній и формъ, которыя въ наше время въ литературномъ языкѣ совершенно не допускаются, а многими считаются даже «вульгарными» [1]). Въ дѣйствительности, это не вошедшіе въ образованный языкъ провинціализмы или вытѣсненные изъ него архаизмы.

Къ числу послѣднихъ принадлежатъ формы: сумнѣваться, передражнивать, пущать, пужать, срамъ, воспа, вохра, вострый, карактеръ, околодокъ, эдакъ и нѣкоторыя другія. Слова эти въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтія встрѣчались еще у корифеевъ русской литературы. Такъ, у Карамзина знаемъ передражнивать, у Крылова пужать, карактеръ (такъ же и у Карамзина), у Пушкина встрѣчаемъ сумнѣваться, допущать, околодокъ, у Грибоѣдова извѣстно эдакъ (встрѣчается также у Некрасова и Фофанова), срамница, а вохра встрѣчаемъ даже у Некрасова, А. Толстого, Достоевскаго и Тургенева.

Укажемъ также устарѣлыя произношенія: воображаетъ (Державинъ), воружась (Крыловъ), воображенье (Лермонтовъ), вобще

1) Можно считать общимъ явленіемъ, что чѣмъ уже филологическое образованіе того или другого лица, тѣмъ болѣе оно проявляетъ нетерпимости къ особенностямъ рѣчи другихъ, преимущественно неученыхъ людей.

(Лермонтовъ), собща (Крыловъ, Языковъ, Гончаровъ, Добролюбовъ).

Въ числѣ устарѣлыхъ для современнаго литературнаго языка произношеній нужно указать формы мѣстоименій съ стяженіемъ гласныхъ: маво, тваво, сваво и проч., которыя допускались прежде.

Самъ будетъ угождать, къ свому привыкнетъ дому,
Чтобъ сердца вашего не уступить другому. Грибоѣдовъ,
«Молодые супруги», д. 1, явл. V.

Устарѣли также формы съ стянутыми гласными въ такихъ прилагательныхъ, какъ Андревна, Матвѣвна, Сергѣвна и проч.

Къ числу устарѣлыхъ и провинціальныхъ произношеній надо отнести также формы мѣстоименій въ род.—дат.—твор. и предложномъ падежѣ: всёй, тваёй, маёй, сваёй, съ ё.

Грубыми провинціализмами считаются также произношенія: дак што (вмѣсто так што), пандра́вилса, ты́ща и др. Также не терпимы и еще многія слова, которыя отличаются отъ литературнаго языка произношеніемъ, своимъ образованіемъ или измѣненіемъ. Таковы: зывсегда́, вчера́сь, но́ньчи, ка́жній, в э́фтым, из эстыва, сусе́т, рублёф, местоф, дело́ф, пшо́л, жгёт, бирегёт, испекёт, пало́ш, не трош и т. п.

Рѣчь въ цѣломъ.

§ 76. Живой русскій языкъ, какъ и другіе, въ произношеніи и воспріятіи есть нѣчто цѣльное. Тѣ элементы рѣчи, которые мы изучаемъ подъ названіемъ звуковъ, слоговъ и словъ, опредѣлились путемъ научнаго изслѣдованія рѣчи, а не вслѣдствіе непосредственнаго ея воспріятія. Необразованный человѣкъ не только не различаетъ звуковъ и слоговъ въ словахъ своей и чужой рѣчи, но во многихъ случаяхъ не сумѣетъ разложить рѣчь и на отдѣльныя слова. Впрочемъ, это и не всегда легко сдѣлать. Въ печатной книгѣ мы ясно видимъ каждое отдѣльное слово, но тамъ слова раздѣлены по правиламъ правописанія, а не по произношенію. Такія написанія, какъ: въ селѣ, съ горы и под., въ книгѣ представляютъ по два слова, но здѣсь предлоги въ и съ отдѣльно не выговариваются и со стороны произношенія никакъ не могутъ считаться отдѣльными словами. Итакъ, разсматривая живую рѣчь въ цѣломъ, мы прежде всего должны остановиться на вопросѣ, какъ она раздѣляется въ произношеніи.

Затѣмъ, русская живая рѣчь имѣетъ опредѣленныя *интонаціи*, т. е. различныя степени высоты произносимыхъ звуковъ въ словахъ и предложеніяхъ.

Наконецъ, нужно обратить вниманіе и на *темпъ рѣчи* (скорое или медленное ея произношеніе).

Для удобства изложенія о всѣхъ этихъ свойствахъ нашей рѣчи мы будемъ говорить отдѣльно, хотя въ живомъ языкѣ они иногда очень тѣсно связаны.

Дѣленіе рѣчи.

§ 77. Съ точки зрѣнія произношенія наша живая рѣчь, какъ и письменная, тоже можетъ быть разложена на слова, но самостоятельнымъ словомъ въ произношеніи можетъ считаться только такое, которое имѣетъ на себѣ удареніе. Слова неударяемыя (союзы, предлоги, частицы) относятся къ тѣмъ словамъ, съ которыми они поставлены.

Вотъ для примѣра раздѣленіе рѣчи на слова, основанное на произношеніи: На всякій | предметъ, | который | производился | не дома, | а пріобрѣтался | покупкою, | обломовцы | были | до крайности | скупы. | Они | съ радушіемъ | заколютъ | отличную | индѣйку | или | дюжину | цыплятъ | къ пріѣзду | гостя, | но лишней | изюминки | въ кушанье | не положатъ, | и поблѣднѣютъ, | когда | тотъ же | гость | самовольно | вздумаетъ | самъ | наливать | себѣ | въ рюмку | вина. | Впрочемъ, | такого | разврата | тамъ | почти | не случалось: | это | сдѣлаетъ | развѣ | сорванецъ | какой | нибудь, | погибшій | въ общемъ | мнѣніи | человѣкъ; | такого | гостя | и во дворъ | не пустятъ.

Въ подобномъ дѣленіи мы можемъ обратить вниманіе еще и на то, что нѣкоторыя слова имѣютъ болѣе слабое удареніе, какъ или, себѣ, нибудь и др. Ихъ тоже можно соединить съ тѣми, съ которыми они связаны. Тогда получится другое, менѣе дробное и болѣе естественное дѣленіе.

Но читая по первому и по послѣднему раздѣленію, мы будемъ чувствовать, что рѣчь стала странной и непріятной. Это происходитъ отъ нарушенія естественнаго темпа рѣчи, отъ искусственныхъ остановокъ, отъ потери обычной интонаціи. Вообще,

дѣленіе рѣчи на слова есть хотя и сообразная съ природой живой рѣчи, но все же искусственная операція, подобная раздѣленію словъ на звуки и слоги. Произносимая рѣчь собственно есть рядъ звуковыхъ сочетаній, не дѣлящійся на слова, и мы производимъ подобныя вышеприведенному раздѣленія лишь при нѣкоторыхъ пріемахъ изученія рѣчи, при чемъ въ преподаваніи часто допускается отдѣльное произношеніе неударяемыхъ словъ, что весьма искажаетъ нашъ языкъ [1]).

Замѣтимъ, что при медленномъ чтеніи и произношеніи мы обыкновенно отличаемъ отдѣльныя слова (ударяемыя), но здѣсь необходимо принимать во вниманіе большое вліяніе письменной формы и смысла рѣчи.

Вообще же наша рѣчь раздѣляется на части остановками, которыя обыкновенно называются *паузами*, но не всѣ паузы мы слышимъ и ощущаемъ. Мы знаемъ изъ физіологіи рѣчи, что слоги всегда отдѣлены одинъ отъ другого паузой, такъ какъ каждый слогъ произносится отдѣльнымъ выдыхательнымъ толчкомъ воздуха, но мы не чувствуемъ, говоря и слушая, слогового расчлененія рѣчи (тѣмъ болѣе не замѣчаемъ дѣленія на звуки). Намъ извѣстно, что въ произношеніи рѣчь дѣлится на *такты*, т. е. сочетанія слоговъ, раздѣленныхъ болѣе продолжительными, чѣмъ между слогами, паузами (при чемъ внутри каждаго такта слоги объединяются однимъ сильнымъ удареніемъ), но и границы между тактами мы не всегда находимъ.

Слушая людей хорошо говорящихъ, мы не можемъ не замѣтить, что ихъ рѣчь раздѣляется на фразы, т. е. небольшія сочетанія словъ, раздѣленныхъ ясными паузами, но связанныхъ по смыслу. Со стороны практической, въ чтеніи, произношеніи на сценѣ и на каѳедрѣ, нужно обладать именно этимъ умѣньемъ дѣ-

1) Напомнимъ объ иностранцахъ и инородцахъ, которые иногда выучиваются правильно произносить всѣ отдѣльныя слова, но читаютъ по-русски дурно вслѣдствіе слишкомъ усерднаго произношенія предлоговъ, союзовъ и другихъ не имѣющихъ ударенія словъ. Подобныя послѣдствія обученія ясно показываютъ, что пріемомъ дѣленія рѣчи на слова педагоги не должны пользоваться черезчуръ усердно.

лить рѣчь на фразы, надо хорошо или, по крайней мѣрѣ, правильно «фразировать». Фразировка у насъ часто опредѣляется, какъ ясное, отчетливое произношеніе словъ. Но отчеканивая, выдѣляя *каждое* слово, мы будемъ самымъ грубымъ образомъ нарушать естественность нашей рѣчи, которая въ каждой фразѣ имѣетъ только *одно* болѣе сильное слово, и въ каждомъ предложеніи (которое составляется изъ фразъ) опять только *одно* слово, которое ярче, выразительнѣе всѣхъ другихъ словъ этого предложенія. Въ нашей рѣчи слова не разставлены, какъ солдаты, одинаковые по росту, виду и положенію: въ ней есть степени, соотношенія, которыя нужно понимать, чувствовать и выражать.

Вообще же правильно «фразировать» значитъ: соблюдать естественную фонетическую и синтаксическую дѣлимость рѣчи. Въ «выразительномъ» произношеніи можно, такъ сказать, увеличить или уменьшить масштабъ живой рѣчи, но нельзя измѣнять ея природу.

Въ чтеніи законченной синтаксической частью, дѣлимой на фразы, будетъ сочетаніе словъ отъ точки до точки (а также до знаковъ вопросительнаго или восклицательнаго, когда они стоятъ на мѣстѣ точки). Эта часть должна быть правильно раздѣлена на фразы, сообразныя съ нормальнымъ произношеніемъ и смысломъ рѣчи. Члены каждой отдѣльной части надо произнести, какъ одно связное цѣлое, соблюдая правильныя, т. е. естественныя соотношенія касательно дѣлимости, продолжительности, высоты и силы звуковъ, т. е. удачно передавая надлежащій ритмъ, темпъ, интонацію и другія природныя свойства рѣчи[1]). При этомъ фонетическая сторона рѣчи должна удачно соединиться съ ея синтаксическимъ строемъ и смысломъ рѣчи, который рельефно выдвигается при хорошемъ произношеніи и стушевывается при дурномъ.

Затѣмъ, между правильно произнесенными фразами должны быть также соблюдены должныя отношенія по ритму, темпу и

1) При этомъ мы можемъ не сознавать, какія именно свойства рѣчи соблюдены или нарушены, но мы однако получимъ общее хорошее или дурное впечатлѣніе отъ рѣчи, которое и будетъ намъ указывать ея совершенство или недостатокъ.

интонаціи, чтобы соединеніе фразъ явилось, какъ естественное, гармоническое цѣлое.

Само собою разумѣется, что здѣсь не все легко опредѣлить теоретически: многое подсказывается вѣрнымъ отъ природы чутьемъ, особенно если оно изощрено внимательнымъ наблюденіемъ и вдумчивою практикою.

§ 78. Рѣчь стихотворная легко раздѣляется на фонетическія (такъ сказать, «произносительныя») части по соотвѣтствующему ей размѣру, который опредѣляется числомъ слоговъ и мѣстомъ ударенія. Напримѣръ, въ стихотвореніи Пушкина «Зимній вечеръ» мы имѣемъ двусложный размѣръ съ удареніемъ на 1-мъ слогѣ (Бу́ря | мгло́ю | нѐбо | кро́етъ | Ви́хри | снѣ́жны | е кру | тя́...), въ его же стихотвореніи «Козлову» видимъ тоже двусложный размѣръ, но съ удареніемъ на 2-мъ слогѣ (Пѣве́цъ | когда́ | передъ | тобо́й | Во мглѣ́ | сокры́л | ся мі́ръ | земно́й...) и т. п.

Хотя, сообразно размѣру, мы и не разрываемъ при чтеніи цѣлыхъ словъ на части, а также не ставимъ не существующихъ въ прозѣ удареній (какъ это дѣлаютъ плохо выученные школьники, читающіе: пере́дъ тобо́й... сокры́л | сямі́ръ...), но мы всегда чувствуемъ ритмъ, по которому построено то или другое стихотвореніе. И этого для насъ бываетъ вполнѣ достаточно, чтобы отличить стихи отъ прозы. Въ хорошей прозѣ присутствіе ритма считается недопустимымъ, и у писателей - классиковъ ритмъ встрѣчается весьма рѣдко. Замѣчательнѣйшему спеціалисту вопросовъ ритмики и лучшему знатоку текстовъ Пушкина, покойному академику Ѳ. Е. Коршу, былъ извѣстенъ только одинъ случай, гдѣ въ Пушкинской прозѣ встрѣчается стихотворный размѣръ. Это замѣтка «О народности въ литературѣ», въ которой находимъ: Есть образъ мыслей и чувствованій, *есть тьма обычаевъ, повѣрій и привычекъ*, принадлежащихъ исключительно какому нибудь народу. (Подчеркнутыя слова составляютъ шестистопный ямбъ съ лишнимъ слогомъ на концѣ). Конечно, ритмъ въ данномъ мѣстѣ у Пушкина явленіе случайное, невольное. Въ рѣдкихъ случаяхъ мы знаемъ намѣренное, искусственное введеніе

ритма въ плавную прозу (укажемъ на дактилическія окончанія у Карамзина, на извѣстные случаи употребленія стихотворной мѣры въ описаніи Днѣпра Гоголя), но это во всякомъ случаѣ исключеніе, отступленіе отъ нормы. Въ общемъ въ прозѣ нѣтъ стихотворнаго ритма и не должно быть. Если бы мы нашли гдѣ либо въ прозаическомъ сочиненіи какой нибудь отрывокъ съ яснымъ и опредѣленнымъ ритмомъ, то мы должны были бы смотрѣть на него, какъ на безсознательную или сознательную, но скрытую стихотворную вставку. Допустить *ритмъ въ прозѣ* — значитъ: совершенно отказаться отличать ее отъ стиховъ.

§ 79. Въ научныхъ сочиненіяхъ говорится однако о ритмѣ рѣчи вообще, и терминъ «ритмъ» относится не только къ стихамъ, но и къ прозѣ. Часто, напримѣръ, говорятъ о «ритмѣ изящной рѣчи» въ томъ смыслѣ, что талантливо выраженная или искусно обработанная рѣчь имѣетъ извѣстный порядокъ выбора и сочетанія своихъ тоническихъ частей и ухудшается или улучшается для слуха въ зависимости отъ измѣненія этого порядка. Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій говоритъ, что «ритмъ художественной рѣчи» можетъ наблюдать «каждый изъ насъ либо при произношеніи, либо, удобнѣе, при записи произнесенной или назначенной къ произнесенію рѣчи. Мы сплошь и рядомъ предпочитаемъ одинъ порядокъ словъ другому, иногда даже одно слово другому, руководствуясь не только соображеніями смысла, силы или благозвучія, но и ритма, т. е. чувствомъ, что при такомъ-то чередованіи словъ получается лучшая каденція, чѣмъ при другомъ. Въ этомъ чувствѣ мы иногда можемъ давать себѣ отчетъ; это бываетъ тогда, когда забракованная фраза даетъ слишкомъ правильное чередованіе ударяемыхъ и неударяемыхъ слоговъ, умѣстное въ стихахъ и, именно, поэтому неумѣстное въ прозѣ; но очень часто мы не въ состояніи мотивировать свой приговоръ, и довольствуемся тѣмъ, что объявляемъ такой-то ритмъ «неизящнымъ», а еще чаще избѣгаемъ неизящно ритмованной фразы инстинктивно, такъ что она даже не переступаетъ за порогъ нашего сознанія. Итакъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ насъ есть таинственный

регуляторъ, опредѣляющій ритмъ нашей художественной рѣчи, и при томъ такъ, что мы въ причинахъ этого опредѣленія непосредственнаго отчета себѣ не отдаемъ»[1]).

Итакъ, въ живой рѣчи есть звуковой строй, лучшій и худшій по подбору звуковъ и ихъ сочетаній, по расположенію остановокъ и интонаціи, по темпу составляющихъ рѣчь частей. Этотъ звуковой строй и называется *ритмъ рѣчи*. Если ритмъ стиха является всегда точно опредѣленнымъ, то ритмъ разговорнаго языка, а также и книжнаго прозаическаго, совершенно свободенъ и почти не вкладывается въ опредѣленную рамку. Здѣсь не допускается лишь правильный размѣръ и риѳма.

Вполнѣ опредѣленное и ограниченное значеніе термину «ритмъ рѣчи» (прозаической) придаетъ профессоръ Томсонъ, по ученію котораго наша рѣчь раздѣляется на звуки, слоги и такты, которые (т. е. такты) опредѣляются изъ ритмическаго строенія рѣчи. Вотъ какъ онъ самъ излагаетъ это свое ученіе:

«Съ одной *фонетической* (т. е. безъ отношенія къ значеніямъ) точки зрѣнія предложеніе (какъ часть звукового ряда, отдѣленная паузами) есть ритмически расчлененный звуковой рядъ, распадающійся на бо́льшія единицы — *такты*, которые въ свою очередь распадаются на меньшія единицы — *слоги*, а слоги на *звуки*. Въ ритмическомъ расчлененіи рѣчи на такты не трудно убѣдиться, слѣдя за естественной рѣчью. Напр.: Бы́лъ ли | о̀нъ вче- | -ра̀ въ те- | -а́трѣ? — Въ виду̀ не- | сомнѣ́нныхъ | заслу̀гъ | его̀. — Онъ прише́лъ | и сказа́лъ. (ʹ обозначаетъ болѣе сильное, ˋ болѣе слабое удареніе)». (Общее языковѣдѣніе, Одесса, 1910 г., стр. 228).

Мы думаемъ, что въ этомъ ученіи рѣдкое исключеніе принято за правило, а настоящее правило, обнимающее необъятную массу случаевъ, совершенно упущено изъ виду. Конечно, въ нашей разговорной рѣчи ритмъ (стихотворный размѣръ) иногда

---

1) Ритмика художественной рѣчи и ея психологическія основанія (Вѣстникъ Психологіи, 1906, вып. II, стр. 121).

встрѣчается. Мы говоримъ: *сестра пришла домой одна, ваша гостья насъ не знаетъ* и т. п., даже и не замѣчая тутъ настоящихъ ямбовъ и хореевъ, но сдѣлать изъ такихъ примѣровъ обобщеніе, что *вся наша рѣчь* построена какъ стихи, никакъ невозможно. Стоитъ взять любую прозаическую книгу, открыть въ ней первую попавшуюся страницу, чтобы убѣдиться, что того ритма въ прозѣ, о которомъ говоритъ профессоръ Томсонъ, надо искать днемъ съ огнемъ. Не только на данной страницѣ, а, пожалуй, и во всей книгѣ ритмованныхъ предложеній можетъ совсѣмъ не оказаться!... Ученіе о правильномъ ритмѣ и правильномъ дѣленіи нашей разговорной (и прозаической) рѣчи на такты, во всякомъ случаѣ, необходимо отвергнуть.

§ 80. Вопросъ о фонетическомъ дѣленіи рѣчи — трудный и малоразработанный. Къ тому, что сказано объ этомъ на стр. 61—62 мы можемъ присоединить еще лишь нѣсколько замѣчаній, основанныхъ на нашихъ собственныхъ наблюденіяхъ надъ русской рѣчью[1]).

I) *Слогъ, находящійся между двумя удареніями, въ произношеніи часто почти не отдѣляется ни отъ перваго, ни отъ второго*, такъ что въ данномъ случаѣ не всегда имѣется раздѣленіе словъ.

Поэтому такія, напримѣръ, сочетанія, какъ: *просилишить, возьмитесак* произносятся иногда одинаково при разныхъ значеніяхъ: 1) просить о лишеніи, 2) просить о шитьѣ и 1) взять сакъ, 2) взять тесакъ; точно также нераздѣлимы и потому двусмысленны въ произношеніи сочетанія: *водоюмыл, гороюшол, стобоюплыл*, которыя всѣ можно при слушаніи и записываніи смѣшать съ сочетаніями: *водой умыл, горой ушол, стобой уплыл.* Даже сочетаніе: *играю клюшкою* легко воспринимается, какъ: *играй уклюшкою*, несмотря на недостатокъ смысла въ этомъ случаѣ.

---

1) В. Чернышевъ. Замѣтки о дѣленіи словъ въ русскомъ произношеніи (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. XVI (1911 г.), кн. 2-я, стр. 64—70).

Если мы будемъ читать вслухъ извѣстные стихи Пушкина, въ которыхъ риѳмуются сочетанія *порою прямъ* и *порою упрямъ*, то не всѣ слушатели разберутъ, въ которомъ стихѣ говорится о прямотѣ и въ которомъ объ упрямствѣ.

. . . .
Когда порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.

(«Евгеній Онѣгинъ», глава VIII, варіантъ строфы 1-ой).

Наблюденіе это подтверждается еще и тѣмъ, что въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: *синимъ моремъ*, *выросъ скоро*, *Тарасъ жилъ тамъ*, *морозъ жестокій*, мы слышимъ въ своемъ обыкновенномъ, не замедленномъ произношеніи вмѣсто *М*+*М*, *С*+*С*, *С*+*Ж* долгія *М*, *С*, *Ж*, чего не могло бы быть, если бы въ нашемъ произношеніи существовало раздѣленіе данныхъ словъ. Мы должны сдѣлать нѣкоторое усиліе надъ собой, чтобы произнести раздѣльно: *синим морем*, *вырос скоро*, *Тарас жил там*, *морос жестокій*.

При этомъ въ сочетаніяхъ съ ороографическимъ *С*+*З*, *С*+*Ж* и *З*+*Ж* мы наблюдаемъ у себя при обыкновенномъ, т. е. скоромъ, безыскусственномъ произношеніи, полное сліяніе конца предыдущаго слова съ началомъ послѣдующаго съ продолженнымъ *З*, *Ж* и очень малымъ раздѣленіемъ, которое чувствуется послѣ перваго ударяемаго гласнаго: *выро* | *з̄уб*, *Тара* | *ж̄ил там*, *моро* | *ж̄естокій*.

Когда первое изъ двухъ сосѣднихъ удареній ослабляется, то раздѣльное произношеніе словъ становится довольно затруднительнымъ. Вотъ почему въ школахъ такъ нерѣдко стихи Кольцова:

На столахъ куръ, гусей
Много жареныхъ...
. . . .
Вспомни время свое:
Какъ катилось оно —
читаются: На столахъ *кургусей*
Много жареныхъ...
Вспомни время свое:
Каккатилось оно —

съ полнымъ сліяніемъ словъ *куръ* и *какъ* со слѣдующими.

II) *Слогъ, стоящій за удареніемъ, въ концѣ слова, нерѣдко присоединяется въ произношеніи къ слѣдующему ударяемому слогу.* Такое произношеніе однако нельзя считать общимъ и тѣмъ болѣе «образцовымъ»[1]).

Примѣры: Воро́ | нѣгдѣ-то Богъ послалъ... У тё | тинѣтъ этого. Каку́ | юпо́льзу получилъ ты отъ этого? Капита́нска | ядо́чка. — Это слово му́жеска | варо́да.

Въ чистомъ московскомъ говорѣ нѣтъ ослабленнаго (редуцированнаго) *а* передъ удареніемъ; поэтому и въ концѣ словъ: «мужескава» или «прасила» слышится совсѣмъ не тотъ гласный звукъ, который есть въ началѣ словъ: «варота» или «лавить». Поэтому переразложеніе фразъ: «мужескава рода», «прасила вить» на «мужеска варода», «праси лавить» для этого говора невозможно. Въ болѣе точной транскрипціи, означающей ослабленное (редуцированное) *а* знакомъ ъ, звуковая разница данныхъ и подобныхъ имъ фразъ, не допускающая ихъ смѣшенія, представляется весьма наглядно: «прасилъ вить» и «праси лавить», «мужьскъвъ рода» и «скъвародъчкъ». Въ московскомъ нарѣчіи

1) Авторъ наблюдалъ многочисленные случаи такого произношенія въ рѣчи учащихся изъ разныхъ мѣстностей и затрудняется опредѣлить: является ли данная черта свойствомъ чистой русской рѣчи, хотя бы и провинціальной, или это особенность «школьнаго» произношенія, которое складывается отъ довольно обычной небрежности и поспѣшности говорящихъ дѣтей, отъ усвоенія ими примѣровъ дурной рѣчи и вообще отъ неудовлетворительной постановки изученія живого языка.

совсѣмъ нѣтъ звуковыхъ сочетаній, которыя, по этой транскрипціи, можно бы было представить въ видѣ: «лъвить», «скъвъродъчкъ» и т. п. (Ср. § 25).

Вопросъ о раздѣленіи словъ въ рѣчи пріобрѣтаетъ большое практическое значеніе при чтеніи вслухъ (особенно для публики), при произношеніи на сценѣ или на каѳедрѣ. Въ этомъ случаѣ является необходимость яснаго раздѣленія словъ для точной передачи смысла. Фонетическая сторона въ извѣстныхъ случаяхъ должна уступить свое мѣсто логическому началу рѣчи. Если фразы: «просила вить», «гдѣ же ребенокъ», могутъ произноситься и восприниматься какъ: «проси лавить (ловить)», «гдѣ жеребенокъ», то говорящіе публично должны употреблять извѣстныя усилія, чтобы пріобрѣсти умѣнье и привычку отчетливаго, вполнѣ отвѣчающаго смыслу раздѣленія словъ въ рѣчи.

§ 81. Если фонетическое расчлененіе рѣчи для нашего слуха часто недостаточно ясно, то у насъ возникаетъ вопросъ: дѣлится ли вообще живая рѣчь на части, и если дѣлится, то каковы основанія этого раздѣленія? Мы всѣ хорошо знаемъ изъ простого непосредственнаго наблюденія, что рѣчь всякаго говорящаго не является непрерывнымъ звуковымъ потокомъ отъ начала до конца: она часто прерывается болѣе или менѣе замѣтными остановками, которыя въ грамматикахъ обыкновенно называются *паузами*. Мы также знаемъ, что на письмѣ паузы обозначаются знаками препинанія, а эти знаки ставятся для отдѣленія однѣхъ синтаксическихъ частей и сочетаній отъ другихъ. Значитъ, основы дѣленія нашей живой рѣчи находятся въ ея синтаксисѣ и должны выясняться въ той части русской грамматики, въ которой излагается ученіе о знакахъ препинанія (*пунктуація*, или иногда *интерпункція*).

Однако въ русской пунктуаціи, — какъ и въ нѣмецкой, подъ очень сильнымъ вліяніемъ которой она составилась, — существующія въ произношеніи паузы не всегда обозначаются, а иногда знакъ, указывающій остановку, напримѣръ, запятая, ставится тамъ, гдѣ въ произношеніи нѣтъ никакого перерыва. Вообще

русско-нѣмецкая пунктуація частію отдалилась отъ живого произношенія и является условнымъ обозначеніемъ синтаксическихъ частей и ихъ отношеній. Ближе къ живой рѣчи ставятся знаки препинанія у французовъ, итальянцевъ и англичанъ, но мы имъ теперь въ этомъ отношеніи не подражаемъ.

§ 82. Такъ какъ наша современная, чисто-синтаксическая, пунктуація твердо установилась лишь съ недавняго времени (подъ сильнымъ вліяніемъ книги академика Я. К. Грота «Русское Правописаніе»), а прежде, особенно въ XVIII вѣкѣ, во всей первой половинѣ XIX столѣтія и даже нѣсколько позднѣе, авторы нерѣдко опирались въ пунктуаціи на произношеніе, то въ дальнѣйшемъ изложеніи мы часто будемъ прибѣгать къ подлинной пунктуаціи выдающихся старыхъ писателей, отыскивая въ ней указанія на правильное дѣленіе нашей живой рѣчи свойственными ей паузами [1]).

Говоря далѣе о дѣленіи живой рѣчи ясными остановками (паузами), мы ограничимся лишь указаніемъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ нѣтъ соотвѣтствія между нашимъ произношеніемъ и употребляемыми въ письмѣ знаками препинанія. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы, очевидно, можемъ безъ ошибки опредѣлять паузы и читать «по знакамъ препинанія».

§ 83. Такъ какъ въ нашемъ письмѣ предложенія всегда отдѣляются одно отъ другого знаками препинанія, а въ нашемъ

---

1) Практическая цѣль нашей книги — служить пособіемъ при обученіи чтенію — болѣе или менѣе оправдываетъ такой способъ изложенія, при которомъ отправнымъ пунктомъ являются употребляемыя въ письмѣ знаки препинанія. Но, изучая живую рѣчь, вообще нужно исходить изъ наблюденій надъ ней самою, а не надъ ея письменнымъ отраженіемъ. Пунктуація во многихъ случаяхъ не помогаетъ, а мѣшаетъ пониманію настоящихъ свойствъ живой рѣчи. Кто обладаетъ извѣстной подготовкой, чуткимъ слухомъ и часто слышитъ около себя хорошую литературную рѣчь, тотъ пристальнымъ наблюденіемъ живого произношенія уяснитъ себѣ вопросы дѣленія русской рѣчи гораздо подробнѣе, систематичнѣе и точнѣе, чѣмъ это можно сдѣлать, опираясь на теорію пунктуаціи. Впрочемъ, тому, кто изучаетъ литературные тексты для чтенія, необходимо умѣло разбираться въ «авторской» пунктуаціи (а не позднѣйшей «корректорской», «современной», «исправленной», обыкновенно грубо нарушающей важныя указанія авторовъ на дѣленіе и тонъ рѣчи).

произношеніи между предложеніями всегда есть пауза, то, очевидно, пунктуація и живая рѣчь въ данномъ случаѣ согласны одна съ другою; поэтому мы и не будемъ говорить о паузахъ между предложеніями.

Оговоримъ только слѣдующіе случаи:

Передъ союзомъ *и*, соединяющимъ нераспространенныя предложенія, которыя безъ этого союза мы раздѣлили бы запятою, запятая иногда не ставится: Громъ грянулъ | и лягушки заквакали. — Зазеленѣла травка, заблестѣло сóлнышко | и ласточки прилетѣли. — Отраденъ видъ густаго лѣса въ знойный полдень, освѣжителенъ его чистый воздухъ, успокоительна его внутренняя тишина | и пріятенъ шелестъ листьевъ, когда вѣтеръ порой пробѣгаетъ по его вершинамъ! Аксаковъ, Записки ружейнаго охотника, изд. 1852 г., стр. 333—4.

Пауза передъ союзомъ здѣсь безусловно есть.

§ 84. Два полныя придаточныя связанныя союзомъ *и* тоже часто не раздѣляются запятою, но остановка (пауза, которую мы здѣсь и дальше, какъ и раньше, на стр. 68 и др. будемъ обозначать знакомъ |) между ними обязательна: Я знаю, что онъ придетъ поздно | и что работа у него не готова. — Скажи, сколько ты получилъ | и сколько тебѣ не додали.

§ 85. Придаточное предложеніе, примыкающее къ одному слову, можетъ, повидимому, не отдѣляться отъ него паузой, хотя на письмѣ теперь всегда отдѣляется запятою.

Сравните слѣдующую пунктуацію, вѣроятно, основанную на произношеніи: Недавно... вздумалось мнѣ осмотрѣть здѣшнія книжныя лавки. Увидя что онѣ завалены книгами, я удивлялся просвѣщенію нынѣшняго вѣка. Почта Духовъ, изд. 1789 г., ч. II, стр. 56.—...и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу. Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 209.— Калинычъ... почти каждый день ходилъ съ бариномъ на охоту, носилъ его сумку, иногда и ружье, замѣчалъ гдѣ садится птица, доставалъ воды... Тургеневъ, Хорь и Калинычъ, изд. 1852 г., стр. 12. — Мы, то-есть я съ Маврикіемъ Николаевичемъ, видя что отъ насъ не таятся и говорятъ очень громко, стали прислушиваться; потомъ и насъ пригласили въ совѣтъ. Достоевскій, Бѣсы, изд. 1873 г., I, 178.

§ 86. Запятая послѣ союза *и*, стоящаго впереди придаточнаго предложенія, не указываетъ паузы. Въ произношеніи это *и* всегда примыкаетъ къ предложенію придаточному, почему у старыхъ авторовъ запятая нерѣдко отсутствуетъ.

Примѣры: И, ремесло отцовско ненавидя, Брать дань богатѣе задумали съ морей... И, зная плавать и нырять, Ту подать доправлять Пустились сами. Крыловъ, Водолазы. — И, ставъ худощавый къ лукѣ наклоня, Арабъ горячилъ воронаго коня... И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку, Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку. Лермонтовъ, Три пальмы.

Еще менѣе основаній для замѣтной паузы послѣ союза или предлога, когда запятыя, стоящія послѣ нихъ и передъ связанными съ ними словами, выдѣляютъ не предложеніе, а лишь распространенный членъ его.

Примѣры: Я просмотрѣлъ ее [грамматику] всю въ воскресные дни и, на темныя для меня мѣста, попросилъ объясненія у Григорія Иваныча. Аксаковъ, Семейная хроника и воспоминанія, изд. 1856 г., стр. 275. — ...правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ, выбѣленною какъ снѣгъ, новою церковью... Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 208. Кажется, вся ихъ жизнь на, такъ называемой свободѣ, есть сплошной самообманъ и ложь. Андреевъ, Мои записки, изд. 1909 г., 78. (Обыкновенное знакоположеніе: на, такъ называемой, свободѣ).

Впрочемъ, въ подобныхъ случаяхъ, авторы, ставя запятыя, можетъ быть, обозначаютъ ими не остановки, а интонацію. Дѣйствительно, между запятыми здѣсь стоятъ слова, которыя, какъ оговорки, произносятся съ пониженіемъ тона.

§ 87. Разсмотримъ теперь паузы въ предложеніи простомъ и слитномъ.

Небольшою, но ясною остановкою (паузою) раздѣляются члены распространеннаго предложенія, относящіеся къ подлежащему (логическое подлежащее), отъ членовъ, относящихся къ сказуемому (логическое сказуемое).

Ни одна Суздальская картина | не залѣпляла чистыхъ бревенчатыхъ стѣнъ. — Легкій порывъ вѣтерка | разбудилъ меня. — Пріятно послѣ долгой ходьбы и глубокаго сна | лежать неподвижно на сѣнѣ.

Длительность данной паузы не одинакова: она больше, если предложеніе сложнѣе и каждый членъ его болѣе распространенъ.

Въ предложеніяхъ нераспространенныхъ (отецъ захворалъ, сестра богата, муха насѣкомое) она весьма незначительна. Мы уже замѣтили (см. стр. 67), что между двумя удареніями, стоящими рядомъ или отдѣленными однимъ слогомъ, мы часто не чувствуемъ раздѣленія словъ. На сліяніе подобныхъ предложеній указываетъ намъ и произношеніе звуковъ. Въ сочетаніяхъ: братъ боленъ, зубъ загнилъ, другъ добръ, морозъ жестокъ, лѣсъ зеленъ, мы наблюдаемъ, болѣе или менѣе часто, такія явленія, которыя возможны только при сліяніи словъ. Именно, послѣдній согласный перваго слова произносится какъ звонкій подъ вліяніемъ слѣдующаго звонкаго или сливается съ нимъ въ одинъ долгій звукъ. Многіе произносятъ, очевидно, безъ паузы: брадболин, зубзагнил, другдобр, марожесток, лезелин и т. д. (сравните стр. 40—41 и 68). Произношенія съ глухимъ согласнымъ на концѣ возможны только при паузѣ: брат | болин, зуп | загнил, марос | жесток... Мы слышимъ ихъ, кажется, рѣже.

Въ нераспространенныхъ предложеніяхъ мы въ особенности не ожидали бы паузы при такихъ подлежащихъ, которыя имѣютъ лишь второстепенное удареніе: я, ты, онъ, мы, вы, они, кто, который и др. Едва ли есть паузы между подлежащими и сказуемыми въ такихъ предложеніяхъ, какъ: Я жду; ты пишешь; онъ знаетъ; ты видишь, кто идетъ; я выберу, который лучше.

На отсутствіе здѣсь паузы указываютъ и преподаватели выразительнаго чтенія. В. П. Острогорскій говоритъ, что если подлежащее выражено мѣстоименіемъ, то паузы не дѣлается никогда [1]).

Но мѣстоименія который, кто и др., начинающія придаточное предложеніе, могутъ имѣть послѣ себя паузу, въ особенности, если при нихъ есть другія слова.

Примѣры: Онъ такой человѣкъ, который | никого не обманетъ. Это такой докторъ, которому одному | я не довѣряю. — Я не знаю,

---

1) Выразительное чтеніе, изд. 6-е, М. 1905, стр. 50. Въ этой книгѣ для насъ особенно цѣнны статьи: Паузы (стр. 48—53) и Ударенія логическія (54—63).

какую пользу | ты отъ этого получишь. — Скажите, кто изъ васъ | такъ счастливо охотился. Сравните пунктуацію Гоголя: Положеніе ихъ въ первую минуту было похоже на положеніе школьника, которому сонному, товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть бумажку, наполненную табакомъ. Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 360.

Безъ паузы употребляются нѣкоторыя общепринятыя выраженія, напримѣръ: Богъ вѣсть, Богъ знаетъ и подобныя, которыя замѣняютъ одно слово (не извѣстно). Интересна въ этомъ отношеніи пунктуація Гончарова: Домъ Обломовыхъ былъ когда-то богатъ и знаменитъ въ своей сторонѣ, но потомъ, Богъ-знаетъ отчего, все бѣднѣлъ, мельчалъ... Обломовъ, изд. 1859 г., стр. 15.

Менѣе продолжительна пауза и въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ двухъ главныхъ членовъ предложенія состоитъ изъ одного слова. Напримѣръ: Ермолай | посулилъ ему разныхъ непріятностей. Выстрѣлы | дружно раздавались вслѣдъ за нами. — Наша старая деревянная церковь | сгорѣла, но построенная въ прошломъ году около нея каменная сторожка | осталась.

Если бы мы хотѣли всегда обозначать нашими запятыми остановки, существующія въ нашей живой рѣчи, то намъ было бы необходимо нужно отдѣлять запятою подлежащее отъ сказуемаго. Наше правописаніе однако никакъ не допускаетъ этого, и мы еще въ школѣ узнаемъ и пріучаемся соблюдать правило, что подлежащее отъ сказуемаго на письмѣ не отдѣляется никакимъ знакомъ препинанія. Въ книгахъ такая «фонетическая» запятая, впрочемъ, изрѣдка встрѣчается, какъ невольное вліяніе живой рѣчи, даже и въ наши дни.

Встарину такая пунктуація встрѣчалась нерѣдко. Мы находимъ примѣры ея въ «Уложеніи царя Алексѣя Михайловича» (Которые денежные ма́стеры, у́чнутъ дѣлати во́ровски мѣдныя, или̇ оловяныя или укла́дныя денги — изд. 1-е, 1645 г., стр. 3), въ «Вѣдомостяхъ времени Петра Великаго» (точно переизданныхъ недавно (1903 г.) въ Москвѣ), весьма послѣдовательно у Радищева (Ибо горячность родителя, ускоряла во младшемъ разверженіе ума, а любовь братня, умѣряла успѣхъ въ наукахъ во старшемъ — «Путешествіе», изд. 1905 г. (Сильванскаго и Щеголева), стр. 90. — Мать ваша, равнаго со мною была мнѣнія — тамъ же, стр. 93. — Сколь вкусенъ намъ ка-

зался тогда, хлѣбъ ржаной и квасъ деревенской — 96 и мн. др.), у Крылова (Нетерпѣливость удовольствовать странное желаніе Плутона, принудило (такъ!) меня сдѣлать немалый скачокъ — Почта Духовъ, ч. II, изд. 1789 г., стр. 12. — Всѣ (такъ!) искуство Докторовъ надъ больными такого рода, состоитъ только въ томъ... Тамъ же, 2); у Гоголя (...надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности, какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами... Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 322). Какъ очень рѣдкое явленіе, такую пунктуацію мы можемъ указать даже у Аксакова и въ нынѣшнихъ газетахъ (Скрыпъ отъ полозьевъ по сухому снѣгу, терзалъ мои чувствительныя нервы — Семейная хроника и Воспоминанія, М. 1856, стр. 174. — Малолѣтный сынокъ, то смотрѣлъ, какъ удятъ рыбу сестры,... то игралъ около матери. Тамъ же, стр. 43.—Прибѣжавшіе изъ другихъ мастерскихъ рабочіе, перенесли въ заводскую больницу семь человѣкъ пострадавшихъ — «Свѣтъ», 5 авг. 1911 г. „№ 205, стр. 3. Прыгающіе звуки, полопались, какъ пузыри — «Вечернее Время», № 450 (Юр. Бѣляевъ, Реквіемъ).

§ 88. Въ простомъ предложеніи небольшой паузой могутъ отдѣляться въ произношеніи и второстепенные члены предложенія, если они распространены другими словами. Пауза эта въ современномъ письмѣ не обозначается, но указаніе на нее мы встрѣчаемъ у прежнихъ авторовъ, писавшихъ подъ вліяніемъ живого языка.

Примѣры: Запущенный подъ облака, Бумажный Змѣй, примѣтя съ-высока... Крыловъ, Бумажный Змѣй, изд. 1844 г.—Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденья, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою... Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 335. — Въ другомъ мѣстѣ усматриваю я знатнаго Вельможу, который гордясь передъ всѣми, пышными своими титулами и знатнымъ происхожденіемъ, обращается съ подлыми потаскушками въ сластолюбіи... Почта Духовъ, II, 8—9.— Черезъ минуту потомъ, разсматриваю я состояніе Парнаса... Почта Духовъ, II, 9. — Въ настоящее время, вашъ пріѣздъ въ Петербургъ случился для меня очень кстати. Аксаковъ, Семейная хр. и восп., 386.—Въ самую эту эпоху, сидѣли мы одинъ разъ съ Шушеринымъ... Тамъ же, 398. По возвращеніи въ деревню, бурмистръ повелъ насъ посмотрѣть вѣялку. Тургеневъ, Бурмистръ, изд. 1852 г., стр. 271. Вблизи дороги столбовой | Ночуетъ таборъ кочевой Сынов Украины привольной. Кольцовъ, Ночлегъ чумаковъ. Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города | сидѣлъ бѣдный заключенный. Ушинскій, Пѣсня птички.— И попробывалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, мукою и просто въ кладяхъ... Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 220.—Погодя немного и вся ватага поплелась за нимъ,

вмѣстѣ съ Купрей. Тургеневъ, Контора, изд. 1852 г., стр. 306.— Всѣ они [кладовыя и амбары] были полнымъ полнехоньки, и не мало было въ нихъ порченнаго матеріала, къ которому приступиться нельзя было, ради гнилого запаха. Салтыковъ, Господа Головлевы, изд. 1880 г., стр. 59. — Вслѣдствіе этого, даже выраженіе ея лица, обыкновенно тупое и нескладное, какъ-то осмыслилось и засвѣтилось. Тамъ же, 281. — А потомъ пришелъ къ дядѣ моему, сватать меня за глупѣйшаго изъ глупцевъ. Карамзинъ, Новыя Мармонтелевы повѣсти, М. 1815 г., ч. I, стр. 28.—А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недоумѣніе, рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Гоголь, Мертвыя души, стр. 313. — По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было бы весьма неприличнымъ... Пушкинъ, Дубровскій, изд. 1841 г., стр. 109.

§ 89. Небольшой паузой отдѣляется слово или сочетаніе словъ, когда они ставятся въ началѣ рѣчи, для того чтобы обратить на нихъ особое вниманіе (такъ называемая *инверсія*, перестановка словъ съ риторической цѣлью). Въ современной пунктуаціи эта пауза не обозначается, но у прежнихъ авторовъ иногда встрѣчаемъ на мѣстѣ ея запятую.

Съ такимъ-то прекраснымъ доказательствомъ моей храбрости, явился я къ сему Вельможѣ. Почта Духовъ, II, 21. — Частями, сталъ выказываться господскій домъ... Гоголь, Мертвыя души, 211. — Сквозь волнистые туманы | Пробирается луна. Пушкинъ, Зимняя дорога.— Первый | нарушилъ молчаніе Ермолай. Тургеневъ, Льговъ. — Тоже самое, приблизительно предстоитъ пережить и ему. Салтыковъ, Господа Головлевы, 36.

§ 90. Замѣтная пауза дѣлается еще передъ словами, произносимыми съ усиленіемъ голоса (съ логическимъ удареніемъ), когда мы хотимъ обратить на эти слова особое вниманіе. Это, такъ называемая, *экспрессивная* пауза, которая на письмѣ тоже обыкновенно не обозначается. Употребленіе ея относится не столько къ живой рѣчи, сколько къ рѣчи художественно обработанной, употребляемой ораторами, артистами и чтецами.

Примѣры: Тебѣ все | бурей — мнѣ все кажется | зефиромъ. Крыловъ, Дубъ и Трость.—Хозяинъ | музыку любилъ, И заманилъ къ себѣ сосѣда | пѣвчихъ слушать. Крыловъ, Музыканты. (Здѣсь первая пауза совпадаетъ съ обычной остановкой между главными членами предложенія, вторая—чисто экспрессивная).—А нынѣ, ахъ! ее зовутъ ужъ | на бостонъ! Крыловъ, Разборчивая Невѣста.—

Я пилъ | отраву въ вашемъ взорѣ. Пушкинъ, Е. А. Тимашевой. — Въ немъ | таинственная сила! Онъ тебѣ | любовью данъ. Пушкинъ, Талисманъ.—Они горятъ | огня живѣй. Пушкинъ, Ея глаза.— И сердцу вновь наноситъ хладный свѣтъ | Неотразимыя обиды. Пушкинъ, Воспоминаніе. — Въ началѣ августа жары часто стоятъ | нестерпимые. Тургеневъ, Малиновая вода. (Здѣсь логическое удареніе на послѣднемъ словѣ указывается еще *инверсіей*, перестановкой его на конецъ предложенія). — Проживалъ онъ — лѣтомъ въ клети, позади курятника, а зимой въ предбанникѣ. Тамъ же, стр. 60. (Цитируемъ по 1-му изд., 1852 г., въ которомъ первая пауза обозначена тире, впослѣдствіи уничтоженнымъ). — Чихалъ и кашлялъ | въ руку, не безъ страха... И все это онъ дѣлаетъ | молча, словно изъ-за угла. Тамъ же, 61—62.

§ 91. Въ слитномъ предложеніи нужно обратить вниманіе на разногласіе между запятыми и паузами въ двухъ случаяхъ:

I) Пауза есть не только послѣ каждаго перечисляемаго слова, но и въ концѣ перечисленія (также и въ началѣ его). Пауза эта на письмѣ теперь обыкновенно не обозначается, такъ какъ въ данномъ случаѣ у насъ получила преобладаніе нѣмецкая пунктуація, шедшая черезъ Греча и Грота. Востоковъ, Буслаевъ, Кирпичниковъ рекомендовали употребленіе запятой, согласное съ произношеніемъ; ему слѣдовали и нѣкоторые старые авторы, но въ наше время это правописаніе оставлено.

Примѣры: Однажды Лебедь, Ракъ, да Щука, Везти съ поклажей возъ взялись... Крыловъ, Лебедь, Щука и Ракъ, изд. 1844 г.—Проказница-Мартышка, Оселъ, Козелъ, Да косолапый Мишка, Затѣяли сыграть Квартетъ. Крыловъ, Квартетъ, изд. 1844 г. — И синяго моря обманчивый валъ Въ часы роковой непогоды, И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ | Щадятъ побѣдителя годы. Пушкинъ, Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. — И мѣсяцъ, и звѣзды и тучи | толпой Внимали той пѣсни святой. Лермонтовъ, Ангелъ.— Слабый, мягкій и не совсѣмъ чистый | Тихонъ склонился во прахъ передъ безбоязненнымъ и безкорыстнымъ Пантелѣемъ. Тургеневъ, Чертопхановъ и Недопюскинъ.—Никто изъ жителей не видалъ и не помнитъ | никакихъ страшныхъ небесныхъ знаменій, ни шаровъ огненныхъ, ни внезапной темноты. Гончаровъ, Обломовъ. — Къ сожалѣнію, ни мѣры, изобрѣтенныя Юстиніаномъ, ни предписанія регламента, не принесли въ окончательномъ итогѣ большого толку. Газета «Современное Слово» 1 апр. 1911 г., стр. 3. (Въ современной печати такая пунктуація встрѣчается рѣдко).

Въ большинствѣ случаевъ данная пауза совпадаетъ съ той, о которой мы уже говорили въ § 87 на стр. 73.

Впрочемъ, два нераспространенные члена слитнаго предложенія, связанные союзомъ соединительнымъ, едва ли отдѣляются паузою. Напримѣръ: Братъ и сестра поссорились. — Гость выспался и уѣхалъ. — Сосѣдъ купилъ лошадь и собаку. Сравните: Мой маленькій братъ | и твоя двоюродная сестра | часто ссорятся.— Гость | давно уже выспался | и уѣхалъ домой. — Сосѣдъ | купилъ прекрасную верховую лошадь | и чудную гончую собаку.

Во всякомъ случаѣ, нѣтъ паузы въ такихъ сочетаніяхъ мѣстоименій и нарѣчій, какъ: и тотъ и другой, и то и се, и такъ и сякъ, и тамъ и сямъ, и туда и сюда, ни то ни се, ни тотъ ни другой. Старинное, не соблюдаемое теперь, правило не ставить запятой между данными сочетаніями, повидимому, основывалось не только на ихъ смыслѣ (они составляютъ одно понятіе), но также и на сліяніи этихъ словъ въ произношеніи.

II) Пауза всегда есть и передъ союзами *и*, *да*, *или*, стоящими въ концѣ перечисленія и не отдѣляемыми запятою. У старыхъ авторовъ, впрочемъ, запятая часто ставится (смотрите только что приведенные примѣры изъ Крылова).

Рѣки, рѣчки, ручьи | и озера почти всегда обростаютъ лѣсомъ | или кустами. Аксаковъ, Записки ружейнаго охотника, М. 1852, стр. 330. — Въ густой тѣни лѣсныхъ трущобъ таятся и плодятся совы, сычи | и длинноухіе филины... Тамъ же, 336.

§ 92. Произношеніе словъ повторяемыхъ не всегда хорошо обозначается теперешней пунктуаціей. Въ наше время преобладаетъ, установившаяся издавна, шаблонная разстановка знаковъ: повторяемыя слова и сочетанія числительныхъ «два-три» и под. раздѣляютъ всегда запятыми, не обращая вниманіе на ихъ значеніе и произношеніе. Напримѣръ, слѣдующіе стихи князя Вяземскаго печатаются такъ, что ихъ трудно даже правильно прочитать, если при чтеніи руководствоваться поставленными запятыми:

Ѣдешь, ѣдешь, ѣдешь, ѣдешь,
Дни и версты ни по чемъ! Степь.

Такъ какъ повторяемыя слова и сочетанія «шесть-семь» и под. обыкновенно произносятся слитно, то ихъ слѣдовало бы соединять

черточкой, а не раздѣлять запятою, которая указываетъ на паузу, въ данномъ случаѣ не терпимую. Для приведеннаго двустишія шла бы слѣдующая, согласная съ произношеніемъ пунктуація:

Ѣдешь-ѣдешь, ѣдешь-ѣдешь,
Дни и версты ни по чемъ!

Образцы болѣе принятой пунктуаціи (не соотвѣтствующей произношенію): Отрядомъ книгъ уставилъ полку, Читалъ, читалъ, а все безъ толку. Пушкинъ, Евгеній Онѣгинъ, гл. I, строфа XLIV (изд. 1838 г.) — И тихо, тихо все кругомъ. Пушкинъ, Полтава, пѣснь II (изд. 1838 г., стр. 290).—Потѣлъ, потѣлъ; но наконецъ усталъ... Крыловъ, Ларчикъ (изд. 1844 г.). — ...за мыльницею шесть, семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ... Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 99. — ...ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска... Тамъ же, 321. — Два, три мальчика быстро поднялись съ земли. Тургеневъ, Бѣжинъ лугъ, изд. 1852 г., стр. 180. — Посмотритъ, посмотритъ, почитаетъ, почитаетъ, да и скажетъ только: «оставьте, я послѣ посмотрю»... Гончаровъ, Обломовъ, изд. 1859 г., стр. 51.—Онъ взялъ листъ бумаги, перо, думалъ, думалъ, да и послалъ за писаремъ. Тамъ же, стр. 108.—Вотъ, вотъ, стремленіе осуществится, обратится въ подвигъ... Тамъ же, 113. — Писалъ, писалъ и — написалъ. Полонскій, Неучъ, LXXXVII. — Дома или въ гостяхъ онъ сидитъ, сидитъ, и вдругъ вскочитъ... На улицѣ идетъ, идетъ, и вдругъ остановится. Сологубъ, Мелкій бѣсъ, 219. — Въ чемъ, въ чемъ, но въ незаинтересованности г. Глазунова сомнѣваться не приходится. Газета «Биржевыя Вѣдомости» 26 іюля 1910 г., № 11834.

Примѣры менѣе употребительной пунктуаціи (согласной съ произношеніемъ): Тамъ волоска два-три сѣдые проглянули. Крыловъ, Разборчивая Невѣста, изд. 1844 г. — Чего изволите? едва-слышно прошепталъ Захаръ и чуть-чуть вздрогнулъ, предчувствуя патетическую рѣчь. Гончаровъ, Обломовъ, изд. 1859 г., стр. 154. — Барину видна была только одна необъятная бакенбарда, изъ которой такъ и ждешь, вылетятъ двѣ-три птицы. Тамъ же, 18. —Живетъ-живетъ человѣкъ долго и хорошо — ничего, да вдругъ заговоритъ такое непутное... Тамъ же, стр. 202. — Все бывало нѣтъ-нѣтъ, а у отца и навѣдается, чему крестница обучается, и каково ей наука дается. Мельниковъ, Старые годы, изд. 1882 г., стр. 87. — Что́ уже на протяженіи трехъ-четырехъ верстъ производитъ невыносимую боль въ колѣнкахъ. Салтыковъ, Господа Головлевы, изд. 1880 г., стр. 26. — И стало вдругъ тихо-тихо кругомъ. Тамъ же, 50. — ...но подумаетъ-подумаетъ, да и смолчитъ. Тамъ же, 94. — Бывшій президентъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ Рузевельтъ нѣтъ-нѣтъ да и напомнитъ о себѣ общественному мнѣнію. Газета «Биржевыя Вѣдомости» 15 ноября 1913 г., № 13857.

Наша общепринятая пунктуація вообще не различаетъ тѣхъ случаевъ, когда повторяемое слово отдѣляется отъ другого паузой и когда наоборотъ — соединяется съ нимъ въ произношеніи. Пауза, а съ ней и правильная запятая, умѣстны при намѣренномъ, риторическомъ повтореніи словъ, напримѣръ:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны. Державинъ. — Нѣтъ, нѣтъ! талантъ погибни мой И лира, дружбѣ драгоцѣнна, Когда ты будешь мной забвенна, Москва, отчизны край златой! Батюшковъ.—Куда, куда вы удалились, весны моей златые дни? Пушкинъ. — Добродѣтель, добродѣтель одна почтенна. Востоковъ. — На западъ, на западъ помчался бы я! Лермонтовъ. — Остается только ходить, ходить, ходить безъ конца. Салтыковъ, Господа Головлевы, стр. 64. — Тамъ есть и еще, и еще... тѣни, тѣни, тѣни безъ конца! Идутъ, идутъ... Тамъ же, 111.

Въ большинствѣ же случаевъ повторяемыя слова есть произносимыя слитно издавна сложившіяся выраженія усиленныхъ дѣйствій или качествъ: стучалъ стучалъ (долго стучалъ), говорилъ говорилъ (долго говорилъ), старый старый (очень старый), едва едва и т. п. Они произносятся слитно; и принятое на письмѣ раздѣленіе такихъ словъ запятою противорѣчитъ произношенію. Тѣ же самыя слова мы произносимъ и отдѣльно (съ паузою), когда они являются усиленнымъ отвѣтомъ на вопросы: стучалъ ли? говорилъ ли? старый ли? Мы часто отвѣчаемъ: стучалъ, стучалъ; старый, старый и т. д.

Особенно не умѣстна запятая въ такихъ случаяхъ, какъ: нѣтъ нѣтъ да и зайдетъ (иногда), чего чего не обѣщалъ (многое), гдѣ гдѣ виднѣется избушка (изрѣдка), вотъ вотъ вернется (скоро и неожиданно). Здѣсь гораздо лучше ставить черточку (-).

§ 93. Нѣтъ полнаго согласія между пунктуаціей и паузами при вводныхъ словахъ. Вводныя слова, не имѣющія самостоятельнаго ударенія, хотя обыкновенно имѣютъ при себѣ запятыя, произносятся безъ всякихъ паузъ, какъ части словъ, къ которымъ они примыкаютъ по произношенію или по смыслу. Таковы всѣ односложныя вводныя слова: бишь, вѣдь, знать, молъ. Въ старомъ правописаніи они обыкновенно и не выдѣлялись запятыми. И произношеніе ихъ указываетъ на неударяемость: вить, мыл.

Примѣры: Какъ бишь ее зовутъ? Фонвизинъ, Бригадиръ. — Ей все этотъ старичокъ разсказалъ... какъ бишь его? Лермонтовъ, Княжна Мери. — Какъ, бишь, того звали, что латинскіе вирши писалъ. Гоголь, Тарасъ Бульба, изд. Маркса 1900 г., стр. 32. — Первымъ на эстрадѣ явился флейтистъ чахоточнаго вида и престарательно проплевалъ... то-бишь! просвисталъ пьеску тоже чахоточнаго свойства. Тургеневъ, Клара Миличъ, изд. 1884 г., стр. 294.— Но мраморъ сей вѣдь богъ!.. Пушкинъ, Чернь, изд. 1829 г. — Какъ музыкѣ идти? Вѣдь вы не такъ сидите. Крыловъ, Квартетъ, изд. 1844 г. — Вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ. Лермонтовъ, Бэла, изд. 1873 г., стр. 194. — Гомеръ вѣдь не умѣлъ писать, онъ знать читалъ свои пѣсни наизусть. Буслаевъ, Историческая грамматика, Синтаксисъ, стр. 41 (изд. 1881 г.).—На большой мнѣ, знать, дорогѣ Умереть Господь судилъ. Пушкинъ, Дорожныя жалобы, изд. 1838 г. — Отецъ вамъ будетъ говорить, что вотъ, молъ, какого человѣка Россія теряетъ... Тургеневъ, Отцы и дѣти, изд. 1862 года, стр. 295. — Только въ газетахъ останется нѣсколько строкъ, что, молъ, потери наши незначительны... Гаршинъ, Четыре дня, изд. 1905 г.

Вводныя слова, имѣющія самостоятельное удареніе и выдѣляемыя въ срединѣ рѣчи двумя запятыми, имѣютъ только одну паузу, которою отдѣляются отъ того слова, къ которому не относятся. Это иногда ясно опредѣляется пунктуаціей старыхъ авторовъ, ставившихъ въ этомъ случаѣ запятую по произношенію. Напримѣръ:

И обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющемъ. Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 342—3. — Громче всѣхъ заливался одинъ мальчишка лѣтъ пятнадцати, вѣроятно сынъ аристократа между дворней. Тургеневъ, Контора, изд. 1852 г., стр. 305. — Я также бѣгалъ, шумѣлъ, кричалъ и горячился, разумѣется больше всѣхъ. Аксаковъ, Семейная хроника и Воспоминанія, изд. 1856 г., стр. 249. — Я поднялъ свѣчку, натурально переломившуюся, и поставилъ на другой столъ. Тамъ же, 409.

§ 94. Обращеніе, стоящее въ срединѣ предложенія, у насъ всегда выдѣляется запятыми, но произносится оно обыкновенно безъ паузъ. Говоримъ такъ, какъ будто бы было написано безъ знаковъ: Приходи Ваня поскорѣе. — Простите тетя за безпокойство. — Дайте мнѣ Маша стаканъ чаю. — Велите голубчикъ принести мнѣ подушку. — Спаси Господи отъ этого подарка.

Если въ этихъ же предложеніяхъ мы перенесемъ обращеніе къ началу или концу, то мы ясно услышимъ въ произношеніи небольшую паузу.

§ 95. Слова *какъ то, что ли* и неударяемое *было* въ позднѣйшей и современной пунктуаціи иногда выдѣляются запятыми. Такая разстановка знаковъ искусственна и не имѣетъ связи съ произношеніемъ. Сравните болѣе близкое къ произношенію старое правописаніе, въ которомъ неударяемое *было* соединялось съ своимъ глаголомъ черточкой.

А женщина вооружается притворствомъ. Ей, какъ-то, стыдно самой себя, передъ свѣтомъ высказать эти горькія слѣдствія опыта. Пироговъ, Вопросы жизни (Морской Сборникъ 1856 г., № 9, стр. 596). — Ты рѣшился уморить, что ли, меня? спросилъ опять Обломовъ. Гончаровъ, Обломовъ, изд. 1859 г., стр. 146—7. — Говорили... о томъ, что соль, что̀-ли, прежде лучше была, а только нѣтъ нынче прежняго огурца. Салтыковъ, Господа Головлевы, изд. 1880 г., стр. 158. — Онъ, было, и на утекъ, да въ прихожей, сказываютъ, задержали. Тамъ же, 21—22.—Володя хотѣлъ, было, взять съ собою въ деревню удочку. Сологубъ, Мелкій бѣсъ, изд. 1907 г., 81. — Д-ръ Клемэнсэнъ выслушалъ приговоръ стойко и сталъ, было, готовиться къ казни. Газета «Биржевыя Вѣдомости» 16 апр. 1911 г., № 12273, стр. 6. — Когда я пріѣхалъ, затѣмъ, въ участокъ этого судьи, онъ самъ разсказалъ мнѣ, въ какое, было, затрудненіе поставилъ его я своей бумагою. Тамъ же, № 13644, стр. 2

И я рѣшилась-было затворить навсегда свое окно. Карамзинъ, Новыя Мармонтелевы повѣсти, изд. 1815 г., стр. 17.—Позавтракать-было совсѣмъ ужъ собралась. Крыловъ, Ворона и Лисица, изд. 1844 г. (Соединеніе чертою здѣсь едва ли на мѣстѣ, потому что «было» относится къ «собралась», а не къ «позавтракать»). — Но только онъ уперся-было руками о лежанку... Гончаровъ, Обломовъ, изд. 1859 г., стр. 18.—И, не дожидаясь отвѣта, Захаръ пошелъ-было вонъ. Тамъже, 19. — Роль въ обществѣ удалась-было ему лучше. Тамъ же, 100.

§ 96. Ударяемыя союзы и союзныя сочетанія словъ заключительныя и другія, стоящія въ началѣ предложенія, имѣютъ послѣ себя небольшую паузу, хотя и не всегда отдѣляются запятою.

Примѣры: Съ своей стороны | Иванъ Петровичъ оказывалъ уваженіе къ моимъ лѣтамъ... Пушкинъ, Повѣсти Бѣлкина, изд. 1834 г., стр. X. — Такимъ образомъ | прошлою зимою всѣ окна ея флигеля заклеены были первою частію романа, котораго онъ не кончилъ. Тамъ же, XI. — Однакожъ | имена въ нихъ почти всѣ вымышлены имъ самимъ. Тамъ же, XII. — Наконецъ | мы зарядили еще пистолетъ. Тамъ же, 39. — Въ самомъ дѣлѣ, они прибыли въ началѣ Іюня мѣсяца. Тамъ же, 32. — По крайней мѣрѣ | она берегла все, что могло его напомнить... Тамъ же, 60. — Между тѣмъ | метель не унималась. Тамъ же, 67. — И такъ | Адріанъ... былъ погруженъ въ

печальныя размышленія. Тамъ же, 75.—Въ слѣдствіе сего | смотрители со мною не церемонились. Тамъ же, 94.—Вообще | его любили, хотя и почитали гордымъ. Тамъ же, 120.—Со всѣмъ тѣмъ | почитался человѣкомъ не глупымъ... Тамъ же, 121.—Словомъ, Настя была въ селѣ Прилучинѣ лицемъ гораздо болѣе значительнымъ, нежели любая наперсница во Французской трагедіи. Тамъ же, 125.—Къ тому же | самолюбіе ея было втайнѣ подстрекаемо темной, романическою надеждою увидѣть наконецъ Тугиловскаго помѣщика у ногъ дочери Прилучинскаго кузнеца. Тамъ же, 140.—Съ другой стороны | Лизѣ очень хотѣлось видѣть, какое впечатлѣніе произвело бы на него свиданіе столь неожиданное. Тамъ же, 144.—Съ этимъ словомъ | онъ поцаловалъ ее въ лобъ. Тамъ же, 145.

§ 97. Союзы *но, и*, произносимые съ удареніемъ, имѣютъ послѣ себя замѣтную паузу, которая обыкновенно обозначается въ пунктуаціи, хотя и разными знаками. Это — экспрессивная пауза, пауза передъ значительнымъ словомъ или предложеніемъ; конечно, въ своей рѣчи, а иногда и у писателей, ее нужно отыскивать по смыслу.

Примѣры: Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло, и онъ началъ даже получать форсъ, но... здѣсь къ величайшему прискорбію надобно замѣтить, что люди степенные... тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами. Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., 322.—И въ древности искали людей днемъ съ фонарями; но—все-таки искали. Пироговъ, Вопросы жизни (Морской Сборникъ 1856 г., № 9, стр. 559).—Но—не мечите бисера передъ свиньями, сказано про такихъ, какъ ты. Андреевъ, Мои записки, 67.—Янковскій былъ, правда, первымъ ученикомъ въ нашей гимназіи, но... мы никогда не преклонялись передъ первыми учениками и медалистами. Короленко, Исторія моего современника, изд. 1909 г., I, 422.—Ямщикъ ловко осадилъ лошадей, залился на мѣстѣ колокольчикъ, помощникъ исправника и квартальные кинулись отстегивать фартукъ, но...

Тутъ случилось нѣчто неожиданное и страшное. Фартукъ самъ распахнулся съ другой стороны... Короленко, Ист. совр., 291. (Здѣсь для указанія сильнаго мѣста и значительной паузы, кромѣ многоточія, употребленъ еще и абзацъ).—Деньги мои исходили, и я съ великимъ удовольствіемъ принялся въ домъ къ одному богатому купцу смотрѣть за его садомъ, работниками и—сыномъ. Переводы Карамзина.—Двери отворились и... Голова сталъ блѣденъ, какъ полотно... Гоголь, Майская ночь, изд. 1836 г., стр. 156.—Безакъ растерянно посмотрѣлъ на директора и... приказалъ тотчасъ же отпустить Савицкаго. Короленко, Ист. совр., 295.

§ 98. Междометія *о, ой, эй, ну* и др., поставленныя не самостоятельно, но при именахъ существительныхъ и другихъ частяхъ

рѣчи для ихъ усиленія, въ произношеніи сливаются съ слѣдующимъ словомъ. По старой, болѣе основательной, пунктуаціи запятой въ такихъ случаяхъ не полагалось; теперь она часто ставится.

Примѣры: Да встрѣчу взорами холмы твои и дымъ, О древнее Квиритовъ пепелище! Батюшковъ, Умирающій Тассъ, изд. 1834 г.— И ты, о вѣчный Тибръ, поитель всѣхъ племенъ... Тамъ же. — О братья! о друзья! не плачьте надо мной... Тамъ же. — О Боже мой, кто будетъ нами править? О горе намъ. Пушкинъ, Борисъ Годуновъ, изд. 1831 г., стр. 8. — О праведникъ, о мой отецъ державный! Воззри съ небесъ на слезы вѣрныхъ слугъ... Тамъ же, 10. — Хотя Собакевичъ былъ по прежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: Ой врешь ты!.. Гоголь, Мертвыя души, изд. 1846 г., стр. 279.—Я ужь ему не разъ говорилъ: откупись Хорь, эй откупись!... Тургеневъ, Записки охотника, изд. 1852 г., стр. 12. — Ну что, Михайло Савельичь, началъ я... Тамъ же, 64. — Охъ ужь эти матрески, прости Господи! Онѣ-то его и раззорили. Тамъ же, 67.

§ 99. Что касается до продолжительности паузъ, то она опредѣляется синтаксическимъ отношеніемъ раздѣленныхъ паузами сочетаній (что выражается знаками препинанія) и общимъ темпомъ рѣчи. Въ скорой рѣчи и паузы короче, чѣмъ въ медленной, а при очень быстромъ произношеніи маленькія паузы могутъ совсѣмъ исчезать.

Интонація.

§ 100. Старыя русскія грамматики опредѣляли *удареніе*, какъ «повышеніе» голоса надъ какимъ либо слогомъ слова. Въ современныхъ грамматикахъ утвердилось ученіе, что *удареніе* есть «усиленіе» котораго либо слога. Составители старыхъ грамматикъ не совсѣмъ ошибались. Это «усиленіе» голоса при удареніи обыкновенно сопровождается и «повышеніемъ» тона. Сравнивая, напримѣръ, слова: вы́шла и ушла́, во́ды и воды́, кро́ви и въ крови́, всякій человѣкъ, обладающій музыкальнымъ слухомъ, замѣтитъ, что ударяемыя *а*, *ы*, *и* произносятся не только съ усиленіемъ голоса, но и съ повышеніемъ тона. Если высоту звуковъ въ данныхъ словахъ обозначить нотами, то будетъ вполнѣ ясно, 1) что ударяемые гласные у насъ гораздо выше неударяемыхъ,

2) что усиленіе голоса надъ слогомъ ударяемымъ у насъ обыкновенно соединяется съ повышеніемъ тона въ этомъ слогѣ. Если мы обратимъ вниманіе на произношеніе словъ дома, завтра и подобныхъ, сказанныхъ въ смыслѣ вопроса, особенно удивленнаго вопроса, то можемъ убѣдиться, что наше удареніе иногда не совпадаетъ съ повышеніемъ тона. Удареніе здѣсь приходится на первомъ слогѣ, а повышеніе тона падаетъ на второй.

Такъ какъ въ связной рѣчи ударенія отдѣльныхъ словъ у насъ не одинаковы, а одни выше (и сильнѣе), другія ниже (и слабѣе), въ зависимости отъ смысла и формы нашей рѣчи, то при изученіи живого русскаго языка необходимо обратить вниманіе и на расположеніе въ рѣчи повышеній и пониженій голоса, то, что обыкновенно называется *интонаціей* рѣчи, или ея *мелодіей*, а въ старину обозначалось очень просто и удачно выраженіемъ: «напѣвъ» рѣчи. Употребляется также выраженіе: *тонъ* рѣчи.

Изобразить музыкальный строй нашей рѣчи вполнѣ ясно и точно возможно, конечно, только при помощи тѣхъ нотныхъ знаковъ, которые примѣняются въ музыкѣ. Однако такое, нотное изображеніе рѣчи могутъ сдѣлать только немногіе музыканты, и оно многимъ читателямъ будетъ не доступно; поэтому мы прибѣгнемъ къ другому способу передачи интонацій, болѣе простому и встрѣчающемуся чаще.

Когда мы слѣдимъ за чьей либо рѣчью, мы обыкновенно не замѣчаемъ всѣхъ присущихъ ей тонкихъ музыкальныхъ оттѣнковъ и переходовъ. Нашъ слухъ, такъ сказать, скользитъ по ея поверхности, не уходя въ глубину, и мы замѣчаемъ лишь одно, общее: повышается или понижается рѣчь въ данномъ синтаксическомъ сочетаніи. Это и принято представлять наклонными, поднимающимися или опускающимися надъ строкою линіями, которыя показываютъ общее повышеніе или пониженіе интонаціи. При этомъ различаются три главныхъ вида интонаціи: *интонація* относительно *ровная*, *интонація* относительно *повышающаяся*, которая также называется: *восходящая интонація*, *интонація* относительно *понижающаяся*, или *нисходящая*. Итакъ,

оставляя въ сторонѣ тонкія особенности интонаціи, мы будемъ говорить только о главныхъ ея направленіяхъ, которыя можно назвать линіями повышенія и пониженія.

Такъ какъ конецъ повѣствовательной рѣчи, абсолютный и временный, обозначаемый точкою, всегда сопровождается явнымъ пониженіемъ тона, а неокончательныя паузы, которыя показываются другими знаками, имѣютъ передъ собою замѣтныя повышенія тона, то, казалось бы, главнѣйшія интонаціи рѣчи опредѣляются довольно просто. Однако строеніе рѣчи весьма сложно, паузы въ ней иногда трудно уловить, и потому мы будемъ говорить собственно лишь объ интонаціяхъ извѣстныхъ синтаксическихъ сочетаній.

§ 101. Нераспространенное предложеніе, по изслѣдованію проф. В. А. Богородицкаго, имѣетъ нисходящую интонацію.

Братъ не спитъ. Лошадь животное. Волкъ сѣръ.

Но въ предложеніяхъ, составленныхъ изъ словъ многосложныхъ съ удареніями, близкими къ срединѣ, получается восходяще-нисходящая интонація.

Заготовка окончилась. Сочиненіе переработано.

§ 102. Мы уже видѣли, что предложеніе простое, распространенное и слитное, распадается на двѣ синтаксическихъ части, раздѣленныя паузою. (См. §§ 87 и 91). Такъ какъ передъ паузой должно быть повышеніе тона, а въ концѣ необходимо пониженіе его, то интонація такихъ предложеній будетъ сначала восходящая, до паузы, а потомъ нисходящая, до конца.

Первое замѣчательное мѣсто | есть крѣпость Минаретъ.

Чистое небо | усѣялось милліонами звѣздъ.

Кинжалъ и шашка | суть члены ихъ тѣла.

Когда подлежащее нераспространенное, односложное слово, особенно мѣстоименіе, а сказуемое имѣетъ при себѣ много второстепенныхъ членовъ, то предложеніе имѣетъ нисходящую интонацію.

Я бросился на душистое сѣно.

Мы разложили небольшой огонекъ.

Онъ пошелъ посовѣтоваться съ хозяиномъ.

Если мы къ этимъ предложеніямъ присоединимъ концы, вызывающіе передъ собою паузы, то интонація измѣнится и станетъ такая же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ.

Я бросился на душистое сѣно | и крѣпко заснулъ.

Но осложненіе начала предложенія не вызываетъ измѣненія въ интонаціи.

Сравните:

Дорогой мой батюшка | неожиданно вернулся изъ города.

Въ самое это время | дорогой мой батюшка | неожиданно вернулся изъ города.

Въ послѣднемъ случаѣ интонація сохранилась и прибавилось только одно сочетаніе съ восходящею интонаціею передъ паузой.

§ 103. Въ сложныхъ предложеніяхъ мы имѣемъ интонацію, сходную съ интонаціею распространенныхъ предложеній того

типа, о которомъ говорилось въ § 102. Именно, въ первыхъ и во вторыхъ двѣ интонаціи: восходящая, до паузы, и нисходящая, послѣ паузы.

Былъ человѣкъ, который никакого не зналъ ни промысла, ни ремесла.

Я смѣялся отъ чистаго сердца, когда вошелъ ко мнѣ инвалидъ.

Кто посмирнѣй, такъ тотъ и виноватъ.

Что знаешь, о томъ не спрашивай.

Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Какъ возьметъ голодъ, такъ появится и голосъ.

Мы видимъ, что здѣсь интонація не зависитъ отъ того, какое предложеніе стоитъ впереди: главное или придаточное. Осложненіе конца новымъ предложеніемъ вызоветъ такое же измѣненіе, какое указано въ § 102: этотъ конецъ приметъ нисходящую интонацію, а предшествующее ему предложеніе получитъ восходящую интонацію вмѣсто нисходящей.

Былъ человѣкъ, который никакого не зналъ ни промысла, ни ремесла, но сундуки его полнѣли очевидно.

Всякое прибавленіе предложенія въ началѣ или срединѣ, послѣ паузы, не измѣнитъ интонаціи цѣлаго: прибавится только одинъ новый членъ съ восходящей интонаціей. Напримѣръ:

Крыловъ разсказалъ басню, что былъ человѣкъ и т. д.

Чтобы изобразить скупца, Крыловъ... что былъ человѣкъ и т. д.

Отсюда можно вывести правило, что въ сочетаніи предложеній каждое имѣетъ восходящую интонацію, кромѣ послѣдняго, у котораго всегда нисходящая интонація.

Интонація придаточныхъ сокращенныхъ совершенно такая же.

Забравшись на сосну большую, по вѣточкамъ палицей бьетъ.

Увидя меня и вспомнивъ нашъ разговоръ, она немного смутилась.

Мы разсматривали только такіе случаи, въ которыхъ придаточное предложеніе стоитъ впереди или послѣ главнаго. Но и тогда, когда оно стоитъ между частями главнаго, въ интонаціяхъ много сходства съ предыдущимъ. Раздѣленныя части главнаго предложенія, если онѣ расчленяются паузами, имѣютъ такую же интонацію, какъ и предложенія, входящія въ составъ сложнаго. (Сравните интонацію распространеннаго предложенія, § 102).

Великолѣпные родники, которыхъ было болѣе двадцати, привели меня въ восторгъ.

Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ.

Членъ, не имѣющій послѣ себя паузы, примыкаетъ къ слѣдующему сочетанію, не измѣняя его интонаціи.

Я, какъ ужаленный, отскочилъ отъ своей собесѣдницы.

Такъ какъ члены синтаксическаго соединенія, раздѣленные паузами, принято называть *тактами* рѣчи, то мы можемъ

опредѣлить интонаціи сложныхъ предложеній всякаго рода слѣдующимъ правиломъ: Въ сложныхъ предложеніяхъ каждый тактъ имѣетъ восходящую интонацію, кромѣ послѣдняго, у котораго нисходящая интонація.

§ 104. Въ группѣ сложныхъ синтаксическихъ сочетаній, обыкновенно имѣющихъ восходящія или нисходящія интонаціи, мы нерѣдко явственно слышимъ интонацію ровную, монотонную. Это интонація предложеній вводныхъ.

Мой отецъ, — вы, вѣдь, знаете его вспыльчивость, — страшно на это разсердился.

Покойный дѣдушка, сколько я помню, былъ родъ бабушкина дворецкаго.

Отецъ-то мой, покойникъ (царство ему небесное!) человѣкъ былъ справедливый.

Орловская деревня (говоримъ о восточной части Орловской г.) расположена среди распаханныхъ полей.

Въ данныхъ примѣрахъ мы видимъ восхожденіе тона до вводнаго предложенія, значительное пониженіе, какъ бы паденіе голоса и болѣе или менѣе ровный тонъ отъ начала до конца вводнаго предложенія, затѣмъ возвышеніе голоса при началѣ 2-й части предложенія, слѣдующей за вводнымъ, до того тона, которымъ окончилась 1-я часть предложенія, передъ вводнымъ, и нисходящій тонъ до конца. При этомъ тѣ вводныя предложенія, которыя болѣе обособлены, имѣютъ и болѣе низкій тонъ. На письмѣ мы выражаемъ это, заключая такія предложенія въ скобки.

Интонацію вводнаго предложенія имѣетъ и главное (показывающее, кто говоритъ) при вносномъ (подлинныхъ словахъ кого либо).

«Мой старшій братъ», сказалъ я ему: «никакъ этого не сдѣлаетъ».

«До моей деревни», прибавилъ онъ подумавъ: «ѣхать очень далеко».

Замѣчательно въ этомъ отношеніи старое русское правописаніе, весьма удачно выдѣляющее иногда такія предложенія скобками. Подобную пунктуацію мы имѣемъ, напримѣръ, въ переводахъ Карамзина. Такъ, въ «Новыхъ Мармонтелевыхъ повѣстяхъ» (М. 1815 г., ч. I) находимъ:

Прежде всего прошу васъ о томъ, (начала я говорить съ довольною смѣлостію) чтобы вы запретили служанкѣ своей сказывать обо мнѣ, кому бы то ни было (стр. 61). — Милая сестра! (примолвилъ онъ, подавая мнѣ свою руку) я надѣюсь, что ты не откажешься вмѣсто ее принять мою клятву, можетъ быть въ послѣдній часъ жизни моей (стр. 81). — Боже мой! (тихонько сказала мнѣ Тереза) онъ говоритъ объ тебѣ (стр. 82). Эта пунктуація тѣмъ болѣе замѣчательна, что во французскомъ подлинникѣ ея нѣтъ: Monsieur, lui dis-je, commencez, je vous en supplie... — Ma soeur, ajouta-t-il en me tendant la main, voulez-vous... — O ciel! me dit-elle tout bas, c'est vous qu'il a nommée! (Nouveaux contes moraux, par Mr. Marmontel, a Brunswick, 1800, t. III, p. 226, 246).

Распространенныя вводныя слова, а также разнообразныя сложныя поясненія при тѣхъ или другихъ членахъ предложенія, обыкновенно (у старыхъ авторовъ чаще) выдѣляемыя запятыми, также имѣютъ пониженную, ровную интонацію.

Эта книга, по моему мнѣнію, заслуживаетъ полнаго одобренія.

Послѣ обѣда государь, по русскому обыкновенію, пошелъ отдохнуть.

Чемоданъ съ вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Еще издали, сквозь частую сѣтку дождя, замѣтилъ я избу съ тесовой крышей.

Черезъ улицу, отъ господскаго дома до конторы, лежали доски.

Даже старуха Ожогина, это тупорожденное существо, начинала дичиться меня.

Съ этимъ разносчикомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, ѣхало двое товарищей.

§ 105. Мы привели довольно много синтаксическихъ сочетаній, соединенныхъ съ извѣстными, вполнѣ опредѣленными интонаціями. При другихъ сочетаніяхъ, а также при измѣненіи и осложненіи данныхъ сочетаній, мелодическій рисунокъ рѣчи можетъ измѣняться и осложняться, иногда весьма значительно. Наибольшія измѣненія въ интонацію рѣчи вносятся введеніемъ и напряженіемъ чувства и мысли говорящаго.

Во всѣхъ приведенныхъ выше примѣрахъ мы имѣли въ виду обыкновенную, спокойную повѣствовательную рѣчь, не выражающую какого либо чувства или усиленной мысли говорящаго. Возьмемъ для примѣра предложеніе: Мой отецъ не заплатилъ ему этотъ долгъ. Мы можемъ его сказать просто, спокойно, какъ утвержденіе извѣстнаго факта; можемъ произнести его, какъ усиленное утвержденіе факта, съ восклицаніемъ и увѣренностью; можемъ произнести съ недовѣріемъ, спокойнымъ или гнѣвнымъ; можемъ сказать съ сожалѣніемъ; можемъ выговорить, какъ вопросъ, опять-таки спокойный или осложненный какимъ либо чувствомъ; можемъ выговаривать и съ другими оттѣнками. Все это разнообразіе выраженія сообщается нашей рѣчи въ данномъ случаѣ одной только интонаціей. Не только цѣлыя фразы, но и такія бѣдныя содержаніемъ слова, какъ да, нѣтъ, въ нашемъ разговорѣ имѣютъ столько разнообразныхъ интонацій, что ихъ даже нескоро припомнишь и перечислишь. Мы выражаемъ данными словами, кромѣ извѣстной мысли, и вопросъ, и удивленіе, и неудовольствіе, и радость, и горе... Интонація, наконецъ, можетъ совершенно противорѣчить смыслу нашихъ словъ. Запре-

щеніе или приказаніе часто произносится такимъ тономъ, что слушающему ясны нерѣшительность и несерьезность предъявляемыхъ требованій. Похвалу можно произнести съ такой интонаціей, что она будетъ имѣть смыслъ упрека, а порицаніе иногда можетъ звучать, какъ весьма лестная похвала. Самыя безобидныя слова могутъ оскорбить человѣка только тономъ, которымъ они произнесены. Таково, напримѣръ, произношеніе въ тонѣ котораго слышится раздраженіе, недовѣріе, презрѣніе и т. п. чувства.

Когда есть несоотвѣтствіе между словами съ одной стороны, и чувствами или мыслями съ другой, тогда нерѣдко наблюдается «фальшивая интонація». Тонъ нашей рѣчи обнаруживаетъ тогда, что человѣкъ говоритъ не тó, что онъ думаетъ и чувствуетъ, или не понимаетъ смысла и силы того, что онъ произноситъ. И нужно быть хорошимъ актеромъ или очень опытнымъ обманщикомъ, чтобы и относительно интонаціи облечь ложь въ безукоризненную форму твердаго, искренняго убѣжденія. Неопытные лжецы иногда тѣмъ и подрываютъ довѣріе къ себѣ, что присвоиваютъ своей рѣчи приподнятую, дѣланную интонацію людей, горящихъ съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ, съ несомнѣнною вѣрою въ свою правоту. Дѣланность тона и выдаетъ тогда обманщика.

Когда про актера говорятъ, что онъ «не попалъ въ надлежащій тонъ», то это прежде всего значитъ, что онъ не нашелъ тѣхъ интонацій, съ которыми должна говориться его рѣчь. Если лучшая, вполнѣ соотвѣтствующая содержанію, интонація уясняетъ смыслъ драматическаго произведенія, то неудачная затемняетъ настоящее значеніе словъ и мѣшаетъ пониманію дѣйствующаго на сценѣ лица. Слова актера говорятъ одно, а тонъ его рѣчи — другое. Интонація есть главное средство истолкованія драматическаго и всякаго читаемаго вслухъ литературнаго произведенія. Искусство чтенія тѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе интонація чтеца. Она, такъ сказать, раскрашиваетъ и подчеркиваетъ рѣчь, придавая ей ту жизнь и яркость, которыхъ письменное изображеніе звуковъ уже не имѣетъ. Въ письменномъ видѣ наша рѣчь является главнымъ образомъ выраженіемъ мысли,—въ живомъ обращеніи

рѣчь есть также языкъ чувства и воли. Яркимъ выразителемъ этого второго свойства рѣчи является ея интонація. Поэтому безъ надлежащей интонаціи невозможно удовлетворительно читать вслухъ, т. е. болѣе или менѣе совершенно перелагать письменную рѣчь въ устную.

Интонаціей мы можемъ иногда выражать даже чисто грамматическія отношенія, напримѣръ, подчиненіе предложеній. Возьмемъ слѣдующее синтаксическое сочетаніе: «Съѣздишь въ городъ, узнаешь, что тамъ дѣлается, и обо всемъ напишешь мнѣ». Мы можемъ произнести этотъ примѣръ, 1) какъ слитное предложеніе, съ одной интонаціей; но 2) возможно также словамъ: «съѣздишь въ городъ» измѣненіемъ интонаціи дальнѣйшихъ словъ придать смыслъ условнаго предложенія.

1) Съѣздишь въ городъ, узнаешь, что тамъ дѣлается и обо всемъ напишешь мнѣ.

2) Съѣздишь въ городъ, узнаешь, что тамъ дѣлается.

§ 106. Наиболѣе простой для наблюденія и опредѣленія оказывается интонація восклицательная и вопросительная.

Синтаксически восклицательная интонація опредѣляется восклицательными частицами (ахъ! о! ну!) или другими словами (какъ! какой! куда! и под.).

Восклицательное предложеніе имѣетъ въ началѣ высокій тонъ (надъ восклицательнымъ словомъ или восклицательнымъ сочетаніемъ словъ), затѣмъ тонъ значительно падаетъ и идетъ до конца болѣе или менѣе ровно. Характерное для конца повѣствовательной рѣчи сильное пониженіе тона здѣсь почти отсутствуетъ.

Ахъ, я этого не зналъ!

О, ты много надѣлалъ мнѣ непріятнаго!

Ну, вы знаете, какъ это устроить!

Какъ весело провелъ свою ты младость!

Въ восклицательныхъ предложеніяхъ, въ основѣ которыхъ лежитъ форма повелительнаго наклоненія, при выраженіи приказанія или требованія, имѣемъ высокій, довольно ровный тонъ, съ небольшимъ восхожденіемъ въ концѣ.

Иди поскорѣе домой!

Домой иди поскорѣе!

Поскорѣе домой иди!

§ 107. Вопросительное предложеніе имѣетъ высокую, слегка поднимающуюся интонацію, съ небольшимъ подъемомъ того слова, въ которомъ заключается вопросъ. Мы видимъ противоположность между окончаніемъ повѣствовательнаго предложенія и концомъ вопросительнаго. Первое всегда оканчивается пониженіемъ тона, а второе — повышеніемъ. Но вопросительная интонація и не есть окончательная. За вопросомъ долженъ произноситься отвѣтъ, на которомъ тонъ понижается. Связывая вопросъ съ отвѣтомъ, мы можемъ установить и здѣсь аналогію интонаціи съ предложеніемъ сложнымъ (ср. § 103): сначала повышеніе, потомъ пониженіе.

Кто при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ?

Какихъ былъ лѣтъ царевичъ убіенный?

На завтрашній спектакль имѣете билетъ?

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?

Въ послѣднемъ предложеніи сила вопроса, заключенная въ словѣ «боюсь», совпадаетъ съ высокой интонаціей конца, почему получается болѣе ровное возвышающееся движеніе тона. Послѣдній примѣръ показываетъ намъ также, что вопросительная интонація можетъ объединять и не одно предложеніе.

§ 108. Во всякомъ предложеніи есть слово, которое имѣетъ болѣе сильное удареніе сравнительно съ другими словами этого предложенія, въ зависимости отъ того смысла, который придается рѣчи. Это болѣе высокое и сильное произношеніе одного слова въ предложеніи обыкновенно называется у насъ «логическимъ удареніемъ». Въ научныхъ сочиненіяхъ оно чаще называется удареніемъ психологическимъ, или удареніемъ предложенія. Обозначается оно какъ двойное удареніе слова″. Возьмемъ предложеніе: Отецъ просилъ меня принести эту книгу сейчасъ. Въ немъ каждое слово можетъ имѣть логическое удареніе, смотря по смыслу: Оте̋цъ (а не мать, не братъ) проси̋лъ (а не приказывалъ) меня̋ (а не кого либо другого) принести̋ (а не прислать) э̋ту (а не другую) кни̋гу (а не что либо другое) сейча̋съ (а не послѣ, не завтра). Каждый изъ данныхъ оттѣнковъ будетъ измѣнять интонацію этого предложенія. Синтаксическое строеніе его требуетъ нисходящей интонаціи (см. § 102), но это ровное движеніе тона сверху внизъ будетъ нарушаться тѣмъ, что надъ линіей пониженія будетъ выступать то или другое слово, несущее на себѣ логическое удареніе (ср. § 107). Наибольшее согласіе между двумя скрещивающимися вліяніями будетъ при логическомъ удареніи на «отецъ» (тогда получается послѣдовательное пониженіе интонаціи); наименьшее согласіе, лучше сказать, прямое противорѣчіе возникаетъ при логическомъ удареніи на «сейчасъ», которое по синтаксису требуетъ пониженія тона, а по смыслу — повышенія. Въ живомъ употребленіи мы, вѣроятно, инстинктивно избѣгаемъ этой дисгармоніи тона рѣчи и логическаго

ударенія, передвигая слова къ началу или къ концу, чтобы не слишкомъ нарушать послѣдовательность линіи повышенія или пониженія. Напримѣръ, при словорасположеніи: Отецъ просилъ меня сейча́съ принести эту книгу — получается болѣе благопріятное сочетаніе тона предложенія и его ударенія.

Но вообще логическія ударенія (а они есть въ каждомъ предложеніи нашей рѣчи) значительно выступаютъ надъ линіями повышенія или пониженія тона, и ихъ всегда нужно имѣть въ виду при опредѣленіи интонаціи. Правда, что въ обыкновенной, спокойной рѣчи логическія ударенія не ярки[1]). Но какъ только рѣчь выступаетъ изъ обычнаго спокойнаго теченія подъ вліяніемъ какого либо чувства или подъ вліяніемъ размышленія и желанія говорить лучше, яснѣе, сильнѣе, такъ и логическія ударенія и интонаціи становятся выразительнѣе, какъ бы приподнимаются. Гармонія произношенія у даровитыхъ ораторовъ, чтецовъ и артистовъ радуетъ нашъ слухъ, а несчастливыя сочетанія музыкальныхъ оттѣнковъ живой рѣчи, наоборотъ, производятъ очень досадное впечатлѣніе.

Темпъ рѣчи.

§ 109. Темпъ рѣчи, кромѣ ея содержанія[2]), зависитъ отъ воли говорящаго, отъ его возраста, пола, темперамента, отъ состоянія его чувства и мысли, отъ интонацій рѣчи и ея синтаксическаго строенія, отъ силы произношенія и отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ, о которыхъ мы не имѣемъ въ виду здѣсь распространяться.

---

1) Это не значитъ, что ихъ иногда не бываетъ, какъ думаютъ нѣкоторые учащіеся, даже взрослые. На вопросъ: «Есть ли логическія ударенія въ рѣчи вашей прислуги?» — мнѣ пришлось слышать увѣренный отвѣтъ образованнаго взрослаго человѣка: «Конечно, нѣтъ!» Въ дѣйствительности, логическія ударенія вполнѣ ясно слышатся даже въ рѣчи малолѣтнихъ дѣтей, а не только у людей взрослыхъ.

2) Разсужденіе, художественное описаніе читаются медленнѣе повѣствованія; темпъ комедіи, конечно, быстрѣе темпа драмы или трагедіи; посланіе нельзя читать такъ медленно, какъ оду.

Мы можемъ говорить скорѣе или медленнѣе по нашему желанію: когда насъ просятъ говорить скорѣе, когда у насъ мало времени для произношенія, когда мы спѣшимъ окончить рѣчь и проч.

Дѣти говорятъ скорѣе взрослыхъ; старики говорятъ тѣмъ медленнѣе, чѣмъ они старѣе.

Женщины говорятъ быстрѣе мужчинъ («тараторятъ»). Вотъ какъ опредѣляютъ ихъ рѣчь народныя пословицы: Экъ понесла: ни конному, ни крылатому не догнать! — Лепечетъ, какъ сорока. — Пташкой щебечетъ.

Люди живого темперамента говорятъ много скорѣе людей неподвижныхъ, вялыхъ. О рѣчи послѣднихъ сложены пословицы: Говоритъ, что въ цѣдилку цѣдитъ. — Слово по слову, что на лопатѣ подаетъ. — Говоритъ, какъ клещами на лошадь хомутъ тащитъ.

Чувства имѣютъ сильное вліяніе на темпъ рѣчи: при раздраженіи, удивленіи, страхѣ, горести рѣчь замѣтно замедляется; радость сообщаетъ ей быстрый темпъ.

Рѣчь обдуманная, обработанная, подготовленная медленнѣе неподготовленной, складывающейся тотчасъ же во время разговора, не записанной предварительно. У преподавателей декламаціи даже существуетъ правило, что выразительное чтеніе всегда требуетъ болѣе медленнаго произношенія, чѣмъ обыкновенная рѣчь. Въ дѣйствительности «выразительное чтеніе», какъ и музыка, иногда требуетъ значительнаго ускоренія, а не замедленія темпа рѣчи.

Повышеніе тона рѣчи обыкновенно соединяется съ замедленіемъ ея темпа. Поэтому темпъ вопроса и восклицанія медленнѣе, чѣмъ темпъ повѣствовательной рѣчи. При низкомъ ровномъ тонѣ рѣчи темпъ замѣтно ускоряется. Вотъ почему предложеніямъ вводнымъ и вставленнымъ въ срединѣ чужой рѣчи свойственъ болѣе быстрый темпъ.

Придаточное предложеніе, вставленное въ срединѣ главнаго, тоже произносится съ небольшимъ ускореніемъ темпа. Этимъ

ускореніемъ нѣсколько сближаются разорванныя части главнаго предложенія. Замедленіе или недостаточная скорость придаточнаго предложенія здѣсь во многихъ случаяхъ затрудняли бы самое пониманіе рѣчи. То же нужно сказать и о всякихъ вводныхъ и пояснительныхъ вставкахъ, раздѣляющихъ части какого либо предложенія. Эти вставки произносятся въ болѣе быстромъ темпѣ.

Чѣмъ сильнѣе (громче) мы должны говорить, — напримѣръ, въ зависимости отъ величины помѣщенія, — тѣмъ медленнѣе становится наша рѣчь. Сказать: «читайте громче» значитъ почти то же, что сказать: «читайте медленнѣе». Точно также, кто хочетъ поскорѣе дочитать то, что онъ долженъ, тотъ замѣтно ослабляетъ силу (громкость) произношенія, читаетъ тише.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ синтаксическаго ускоренія темпа, показывая это ускореніе болѣе мелкимъ и болѣе плотнымъ наборомъ. При этомъ уменьшеніе высоты шрифта будетъ напоминать пониженіе тона (движеніе его болѣе точно опредѣлено выше, въ § 104 и 107), а плотность набора указываетъ на ускореніе произношенія.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Подружкѣ шепчетъ: Богъ съ тобой!
И скрылась въ безднѣ голубой.
На барыши спѣшилъ къ базарному онъ дню
(А гдѣ до прибыли коснется,
Не только тамъ гусямъ, и людямъ достается).
Я мужика и не виню...
«Голубчикъ», деревцо сказало молодое,
«Пожалуй, выруби вокругъ меня ты лѣсъ»...

Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее... — Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ съ черною какъ уголь бородою, съ охотою сѣлъ на коренного. — Передъ нами (противу центра) скакала турецкая конница.

Образцы точныхъ записей русскаго произношенія.

(I. Наша упрощенная транскрипція. II. Научная транскрипція профессора Богородицкаго. III. Научная транскрипція академика Корша. IV. Научная транскрипція профессора Финка) [1]).

I. Катёлыгаршо́к.

Гаршо́к скатло́м бальшу́ю дру́жбу сьвёл; хатя́ ипызнатьне́й паро́дью катёл, но вдру́жби што защёт? Катёл гаро́й засва́та; гаршо́к скатло́м зыпынибра́та; другбе́здруга ани́ не^{и}мо́гут быть ника́к; сутра̀даве́чира дру̀гздру́гым ниразлу́чна, иуагня́ им по́рызнь ску́чна; исло́вым вме́сьти фся́кый шак, исыче^{и}га́, иныачя́к. Водвзду́мылыс катлу́ пасьве́ту прыкати́тца, идру́га он ссабо́й завёт; гаршо́кнаш аткатла́ ника́к ипатстаёт, ивме́сьти ныадну́ те^{и}ле́гу сьпим сади́тца. Пусьти́лиса друзья́ патря́скый мыставо́й, талка́ютца фте^{и}ле́ги мешсабо́й. Ћдего́рки, ры́тьвины, уха́бы — катлу́ бе^{и}зьде́лица; гаршки́ нату́рый сла́бы: атка́ждыва талчка́ гаршку́ бальшо́й накла́т; адна́кыш он не^{и}ду́мыит иаза́т, игли́ниный гаршо́к таму̀лишра́т, штоо́н скатло́м чюгу́нным тагздружы́лса. Какстра́ньсьтьвия пћбы́ли дыле^{и}ки́, не^{и}зна́ю; ноато́м ято́чна изьве^{и}сьти́лса, штоцэ́л дамо́й катёл здаро́ги вырати́лса, аадгаршка́ адни́ аста́лис чире^{и}пьки́.

---

1) Знакомство съ этими транскрипціями необходимо для того, чтобы составить себѣ отчетливое представленіе о звукахъ русскаго языка въ ихъ сочетаніяхъ при живомъ произношеніи. Фонетическая транскрипція даетъ болѣе или менѣе точную картину живой рѣчи, чего никакъ нельзя сказать про обыкновенное, ороографическое письмо. Это письмо, усвоенное до степени прочной привычки, приводитъ насъ нерѣдко къ ложнымъ понятіямъ о звуковой сторонѣ языка. У лицъ, филологически необразованныхъ, создается даже расположеніе и привычка подчинять произношеніе правописанію. Говорятъ: что, у нея и т. п. Изученіе фонетическихъ транскрипцій и особенно нѣкоторыя упражненія въ нихъ могутъ всего лучше привести къ ясному пониманію свойствъ живого языка.

II [1]) д’в’æбóчк’ъ

д’в’ǽ бóчк’і jǽхъл’ь åднá с’в’інóм другájă пустájă во̀тп’ǽрвъjă с’єб’ǽ б’æшшу́мў шашкóмпл’ет’óтцă другájа фскáчн’ес’óтцă̆ åтп’éj пъмъстåвój jìстўкåт’н’á jìгрóм jìпы́л’ стăлбóм прåхóжъjкстърåн’ǽ скåр’éj åтстрáху жм’óтцă jєjó-заслы́шъфшъ jìздъл’æкá нò кáк та бóчка п’ігрåмкá апóл’за вн’éj п’æтáк какф’п’ǽрвъj в’ьл’ікá

III [2]).

Zi′^{1}mn^{i}ъjъ darógъ.

Skvos^{i} vałní^{1}sty^{1}jъ tumány
Prъbi^{1}rái^{2}ccъ łuná;
Nъp^{i}e^{1}čál^{i}nyjъ pal^{i}ány
L^{i}jòt p^{i}e^{1}čál^{i}nъ s^{i}v^{i}è^{2}t aná.

Pъdaróg^{i}e zi′^{1}mn^{i}e^{1}i̯, skúčnъi̯
Tróikъ bórzъjъ b^{i}e^{1}žýt,
Kъłakól^{i}či^{2}k — ъdnazvúčnъi̯
Utami′^{1}t$_{i}$e^{1}l$_{i}$nъ gr^{i}e^{1}mi′t.

---

1) В. А. Богородицкій. Общій курсъ русской грамматики. Казань, 1913, стр. 81. Здѣсь ae обозначаетъ *e* широкое, є — *e* узкое; å — звукъ среднiй между *а* и *о*, который слышится у лицъ несильно акающихъ; ă, ў означаютъ слабое произношеніе этихъ гласныхъ. О значеніи знаковъ j; д’, к’, л’ и т. п.; ъ, ь — говорилось въ §§ 3, 7, 25, 28.

2) Транскрипція, данная покойнымъ академикомъ Ѳ. Е. Коршемъ въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Акад. Наукъ», 1902 г., т. VII, кн. 1-я, стр. 74—75, 85, передаетъ исключительно московскій выговоръ, сообразуясь однако съ требованіями риѳмы (почему является «скучный» вмѣсто московскаго «скушный», такъ какъ слово это риѳмуется съ «однозвучный»). Въ основу ея положена латинская азбука съ тѣми приспособленіями къ изображенію славянскихъ звуковъ, которыя приняты у поляковъ и у чеховъ. Здѣсь e^{1} обозначаетъ e закрытое, смягчающее предыдущую согласную, e^{2} = e открытое, тоже смягчающее, ł = л твердому, h = x, c = ц, č = ч, ž = ж, š = ш. Мягкость *č* и другихъ согласныхъ передъ *i* не обозначается; въ другихъ случаяхъ мягкость выражается буквой *i*, стоящей вверху согласной. *O* означаетъ звукъ всегда открытый; буквы *u* и *y* означаютъ первая то же что русское *у*, а вторая — то же, что *ы*, при чемъ оба звука въ произношеніи являются всегда закрытыми.

Štótъ slýšyccъ radnójъ
Vdółgi^{1}h p^{i}é^{1}s^{i}n^{i}ah je^{1}mš^{i}š^{i}i^{1}ká:
Tò razgúl^{i}jъ udałójъ,
Tò s^{i}e^{1}rd^{i}e^{1}čnъjъ taská.

Ni^1 agn^{i}á, ni^i čórnъį háty.
Głúš-y-s^{i}n^{i}é^{2}k. Nafstr^{i}é^{1}ču mn^{i}é^2
Tól^{i}kъ v^{i}órsty pъłasáty
Pъpadájuccъ ad^{i}n^{i}é^2.

IV 1).

ᒥ ᒧ · *t́r'im'id́* : *v'ēd́e* V * : *skāskə* V *** - *adnă* · *d́ēvətškəu* *šłăiz* · *dōm^{ŭ}u* : *vlēs* V ** - *vli* · *sŭanăzabłu* : *d́īłəśi* *stāłəis*

---

1) Phonetische Studien (Beiblatt zu der Zeitschrift «Die neuren Sprachen» III B.) Bd. IX, 1895—96, S. 1—12, «*F. N. Finck* in Marburg. Zwei russische Märchen in fonetischer Schreibung». Въ замѣчательной по точности записи проф. Финка, передающей акающее произношеніе (= чтеніе) образованной русской уроженки г. Вольска, русскіе звуки передаются буквами латинской и отчасти греческой азбуки; въ гласныхъ обозначается полудолгота (*ā*, *ē* и т. д.) и краткость (*ă*, *ĕ* и т. д.), въ согласныхъ, кромѣ мягкости (*t'*, *r'* и т. п.), указывается лабіализація, т. е. губное ихъ произношеніе, когда губы приближаются къ положенію, которое онѣ имѣютъ при выговорѣ звука *у* (*m^{ŭ}*, *k^{ŭ}* и т. д.). Кромѣ того, обозначается высокій (ᒥ), средній (ᒥ ᒧ) и низкій (ᒧ) тонъ; показывается сильное выдыханіе (пробѣлъ и ·), среднее выдыханіе (пробѣлъ и :), слабое выдыханіе (пробѣлъ), очень слабое выдыханіе (пробѣлъ и -); обозначается движеніе тона ровное (—), восходящее (/), нисходящее (\ ), нисходяще-восходящее (V), восходяще-нисходящее (Λ); указываются остановки: краткая (*), средняя (**) и долгая (***). Ослабленный звукъ *а* передается знакомъ *ə*: *skāskə* (скаска=скаскъ); e, i означаютъ звуки открытые, *e*, *i* — закрытые. Вотъ соотвѣтствующій орѳографическій текстъ:

«Три медвѣдя. (Сказка). Одна дѣвочка у | шла изъ дому въ лѣсъ. Въ лѣсу она заблудилась и стала пс | кать дорогу домой, да не нашла, а пришла | въ лѣсъ къ домику. Дверь была отворена; о | на посмотрѣла въ дверь, видитъ въ домикѣ никого нѣтъ, и во | шла. Въ домикѣ этомъ жили три медвѣдя. Одинъ мед | вѣдь былъ отецъ, звали его Михаилъ Ивановичъ. Онъ | былъ большой и лохматый. Другой была медвѣдица. | Она была поменьше и звали ее Настасья Петровна. | Третій былъ маленькій медвѣженокъ и звали его Мишутка. | Медвѣдей не было дома, — они ушли гулять по лѣсу». («Новая азбука» Л. Н. Толстого, изд. 26-ое, М. 1905, стр. 79).

Другіе образцы фонетической транскрипціи даны: Н. Н. Дурново и Д. Н. Ушаковымъ въ ихъ книгѣ: «Хрестоматія по великорусской діалектологіи»,

·kāťda ·rōgʺuda :mʺoi ⋁ * *-dă ńĕna :šłă* / * *-ăprᶦi šłă ·vlēs :γdōmᶦikʺu* ⋁¯ *** *·ďvᶦērᶦbʺyłăat :vʺōrᶦinə* ⋁¯ ** *-a năpasma ·ťrᶦēłə :vďvᶦēŕ* / * *·vᶦīďit ·vdōmᶦikińika :vʺŏ :ńētyva :šłă* ╲ ** *·vdōmᶦikietəm žȳli ·trᶦimᶦid’ :vᶦēďe* ⋁ ** *-a :ďīńmᶦiď vᶦēďbʺyła :ťets* ⋁ * *:zvāliγivʺŏmᶦiχa :īły :vānuiťš’* ⋁¯ * *-on bʺylbal :šoiiłaχ :mātəi* ⋁ ** *-dru :gʺoibʺyłămᶦiď :vᶦēďitsə* ⋁¯ * *-a năbʺyłăpa :mᶦēńšəi ·zvāliγiγŏna :stāśγepᶦi :trōvnə* ⋁ ** *:ťrᶦēťibʺył :māliŕkəi mᶦeďvᶦi :žōnəky zvāliγivʺŏmᶦi :šūtkə* ⋁ ** *-mᶦiďvᶦi ·ďei ·ńebʺylə ·dōme* * *-a ńĭu šlĭgʺu ·lēť :pʺŏlisu* ⋁╲ [1]).

М. 1910, стр. 202—4; Д. Н. Ушаковымъ въ книгахъ: «Русское правописаніе», М. 1911, стр. 93 и «Краткое введеніе въ науку о языкѣ», М. 1913, стр. 44; академикомъ А. А. Шахматовымъ въ приложеніи къ сочиненію: «О. Брокъ. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи» (Энциклопедія славянской филологіи, выпускъ 5,2). С.-Пб. 1910, стр. 257—8; Л. В. Щербой въ брошюрѣ: «Court exposé de la prononciation russe», напечатанной въ 1911 г., въ Лейпцигѣ. Замѣчательные примѣры фонетической транскрипціи русскихъ текстовъ даетъ также проф. Лундель въ своемъ учебникѣ русскаго языка для шведовъ (J. A. Lundell. Lärobok i ryska språket. I. Uttalslära och läsestycken. Stockholm. 1911). Изученіе языка при посредствѣ подобныхъ транскрипцій есть лучшій педагогическій методъ книжнаго знакомства съ чужою живою рѣчью. Было бы очень желательно, чтобы и у насъ нашлись люди, которые сумѣли бы успѣшно подражать этому прекрасному начинанію. Помимо педагогическаго значенія, транскрипціи проф. Лунделя, дающіе въ весьма точной передачѣ очень много разнообразныхъ по содержанію русскихъ текстовъ, важны и для теоретическаго изученія русскаго языка.

1) Различія въ приведенныхъ транскрипціяхъ касаются: 1) самого языка, 2) способа изображенія звуковъ рѣчи.

1) Незначительныя различія въ транскрипціи происходятъ оттого, что каждая изъ нихъ точно передаетъ говоръ одного какого либо лица, а не является выраженіемъ общихъ правилъ, въ которыхъ исключены мелкія, противорѣчивыя черты. При этомъ въ фонетической транскрипціи могутъ отразиться не только такія черты, но особенности нарѣчія не московскаго. Такъ, въ записи проф. Финка находимъ форму «заблудúлась», которая, очевидно, принадлежитъ уроженкѣ г. Вольска или зависитъ отъ ея привычки подчиняться въ говорѣ (или, по крайней мѣрѣ, въ чтеніи) книжнымъ формамъ словъ (по-московски: «заблудúласъ», *с* твердое); на строкѣ 6-ой въ ней же: «адинь» вм. «адин», вѣроятно, опечатка. 2) Способы изображенія звуковъ, конечно, тѣмъ сложнѣе, чѣмъ полнѣе и точнѣе изображается языкъ. См. приведенные и указанные образцы.

Литература предмета.

Ломоносовъ. Россійская грамматика. Издана Академіею Наукъ въ его «Сочиненіяхъ», т. IV. Первое изданіе 1755—1757 гг.

Гречъ, Н. Практическая русская грамматика. Спб. 1827.

Онъ же. Пространная русская грамматика. Спб. 1827.

Борнъ, И. (и *Востоковъ*). Краткое руководство къ россійской словесности. Спб. 1808.

Востоковъ, А. Опытъ о русскомъ стихосложеніи. Изд. 2-ое, значительно пополненное и исправленное. Спб. 1817.

Онъ же. Русская грамматика, по начертанію сокращенной грамматики полнѣе изложенная. 1-е изд. 1831 г., 9-е изд. Спб. 1856.

Катковъ. Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка. М. 1845.

Павскій. Филологическія наблюденія надъ составомъ русскаго языка. 2-е изд. въ 4 тт. 1850 г.

Даль, В. О нарѣчіяхъ великорусскаго языка («Вѣстникъ И. Р. Географ. Общества» 1852, кн. 6. Перепечатана въ 1-мъ и 2-мъ изданіи «Словаря» Даля).

Гротъ, Я. К. Филологическія разысканія. 1-е изд. Спб. 1874, послѣднее въ «Трудахъ», т. II.

Онъ же. Русское правописаніе. 1-е изд. Спб. 1885 г.

Бётлингъ. Грамматическія изслѣдованія о русскомъ языкѣ (Ученыя Записки И. А. Н. по 1-му и 3-му отдѣленіямъ, т. I, 1852).

Буслаевъ, Ѳ. Историческая грамматика. 1-е изданіе 1858 года (озаглавлено: «Опытъ» И. Г.).

Потебня. Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка. Воронежъ. 1866. («О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій»).

Бодуэнъ-де-Куртенэ. Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка. Вып. I. Воронежъ. 1882.

Онъ же. Критическій отзывъ о 1-мъ изданіи настоящей книги («Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ». 1907 г., кн. 2-я).

Онъ же. Объясненія о звукахъ русскаго языка, введенныя подъ соотвѣтствующими буквами въ 3-ье изданіе «Толковаго словаря живого великорусскаго языка Владиміра Даля». 4 тома. Спб. 1903—1909.

Онъ же. Об отношеніи русскаго письма к русскому языку. Спб. 1912.

Th. Korsch. Weitere Beobachtungen über die Aussprache des Russischen Archiv für slavische Philologie, B. III).

Онъ же. О русскомъ правописаніи («Извѣстія», 1902 г., кн. 1).

Н. Крушевскій. Очеркъ науки о языкѣ. Казань. 1883.

Н. Крушевскій. Очерки по языковѣдѣнію. II. Антропофоника. Варшава. 1893. (Оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника»).

Богородицкій, В. А. Гласные безъ ударенія въ общерусскомъ языкѣ. Казань. 1884.

Онъ же. Курсъ грамматики русскаго языка. Фонетика. Варшава. 1887.

Онъ же. Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку. Казань. 1901 (См. особенно главы: V, VIII, X).

Онъ же. Общій курсъ русской грамматики. Казань. 1913 (4-ое изд.).

Онъ же. Опытъ физіологіи общерусскаго произношенія въ связи съ экспериментально-фонетическими данными. Казань. 1909.

Онъ же. Лекціи по общему языковѣдѣнію. Казань. 1913.

Миклошичъ, Ф. Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Вып. III. Языки малорусскій и русскій. Переводъ подъ редакціею проф. Брандта. М. 1886.

Будиловичъ, А. О русскомъ произношеніи (Рецензія на книгу: «J. A. Lundell. Etudes sur la prononciation Russe», «Русскій Филологич. Вѣстн.». 1891, № 1. Книга проф. Лунделя «О русскомъ произношеніи» недавно переведена на русскій языкъ. См. «Филологическія Записки» 1911 г., вып. II—V, 1912 г., вып. I—III, V, VI, 1913 г., вып. I).

Брандтъ, Р. Лекціи по исторической грамматикѣ русскаго языка. Выпускъ I. Фонетика. М. 1892.

Соболевскій, А. И. Лекціи по исторіи русскаго языка. М. 1907 (4-е изд.).

Онъ же. Опытъ русской діалектологіи. Спб. 1897 (Рецензія акад. *А. Шахматова* въ «Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. А. Н.» 1897 г., кн. 4-ая).

И. Городенскій. Объ основныхъ тоновыхъ модуляціяхъ рѣчи примѣнительно къ выразительному чтенію. Тифлисъ. 1899. («Циркуляры по Кавказскому Учебному Округу». 1899. IX. Приложеніе).

Шахматовъ, А. Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варшава. 1893.

Шахматовъ, А. Русскій языкъ (Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVII).

Шахматовъ, А. А. Очеркъ современнаго русскаго литературнаго языка. Курсъ, читанный въ СПБургскомъ Университетѣ въ 1911—12 уч. году (Литографированное изданіе).

Фортунатовъ, Ф. Ѳ. Сравнительное языковѣдѣніе (Общій курсъ). Лекціи, читанныя въ 1901—1902 году (Литографированное изданіе, на правахъ рукописи). М. 1901.

Буличъ, С. Рядъ статей о звукахъ и формахъ русскаго языка въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона. Особенно статьи: Заимствованія, Звуковые законы, Чередованія звуковъ, Удареніе, Фонетика.

Онъ же. Церковно-славянскіе элементы въ современномъ литературномъ и народномъ русскомъ языкѣ. Спб. 1893.

Будде, Е. Ѳ. Русскій языкъ. Курсъ, читанный въ 1911—12 году на Педагогическихъ Курсахъ при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа («Русскій Филологическій Вѣстникъ» 1913 г., №№ 1, 2 и 3. Есть и отдѣльное изданіе).

Предварительное сообщеніе орѳографической подкомиссіи. Спб. 1904.

Поржезинскій, В. Элементы языковѣдѣнія и исторіи русскаго языка. М. 1910.

Онъ же. Введеніе въ языковѣдѣніе. М. 1913 (3-ье изд.).

Брокъ, О. Очеркъ физіологіи славянской рѣчи (Энциклопедія славянской филологіи, вып. 5,2). Спб. 1910.

Томсонъ, А. И. Общее языковѣдѣніе. Одесса. 1910 (2-е изд.).

Ушаковъ, Д. Н. Русское правописаніе. Очеркъ его происхожденія, отношенія его къ языку и вопроса о его реформѣ. М. 1911.

Онъ же. Краткое введеніе въ науку о языкѣ. М. 1913.

Щерба, Л. В. Русскіе гласные въ качественномъ и количественномъ отношеніи. Спб. 1912.

Рихтеръ, Э. Какъ мы говоримъ. Переводъ съ нѣмецкаго г-жи *Е. В.* подъ редакціей и съ дополненіями для русскихъ читателей *Л. В. Щерба.* Спб. 1913.

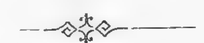
Кудрявскій, Д. Н. Введеніе въ языкознаніе. Юрьевъ. 1913 (2-ое изд.).

Пѣшковскій, А. М. Русскій синтаксисъ въ научномъ освѣщеніи. М. 1914.

Н. К. Грунскій. Изъ лекцій по русскому языку. Вып. I. («Ученыя Записки Импер. Юрьевскаго Университета» 1914 г., №№ 8 и 9. Есть и отдѣльное изданіе).

Авторитетная оцѣнка многихъ указанныхъ здѣсь научныхъ сочиненій дана въ книгѣ: *И. В. Ягичъ.* Исторія славянской филологіи (Энциклопедія славянской филологіи, вып. 1).

Нѣкоторыя указанія на произношеніе, особенно на тонъ и темпъ рѣчи, можно найти въ книгахъ по выразительному чтенію. Обзоръ такихъ книгъ мы дали въ брошюрѣ: «Въ защиту живого слова», и здѣсь не повторяемъ. Болѣе подробная библіографія этого рода имѣется при книгѣ Ю. Э. Озаровскаго: Музыка живого слова. Спб. 1914.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Того же автора:

К. Петровъ. Словарь къ сочиненіямъ и переводамъ Д. И. Фонъ-Визина. (Рецензія). Ц. 5 к.

Можно ли приписать Петру Великому сочиненіе пѣсни: «Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ»? Ц. 5 к.

Письма о старой и новой орѳографіи. I—IV. Ц. 20 к.

Педагогическіе взгляды А. Н. Радищева. Ц. 10 к.

О программѣ будущей народной школы. Ц. 10 к.

Педагогическая дѣятельность Н. И. Пирогова. Ц. 40 к.

Гоненія на христіанъ въ Римской имперіи. Общедоступные историческіе разсказы. Ц. 50 к.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (См. «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905 г., декабрь).

Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній рекомендована для чтенія кадетъ 3, 4 и 5 классовъ. (См. «Педагогическій Сборникъ» 1906 г., мартъ).

Школьникъ. Русская учебная хрестоматія. Для 3-го и 4-го года обученія. Ц. 60 к.

Сборникъ статей для изложенія. Книга для чтенія, разсказа, заучиванія наизусть и другихъ упражненій при изученіи русскаго языка. Изданіе 2-е, переработанное примѣнительно къ классному употребленію. Для 3-го и 4-го года обученія въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ и младшихъ классахъ среднихъ. Ц. 60 к.

2-ое изданіе Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ качествѣ учебнаго пособія для приготовительныхъ и первыхъ двухъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и для городскихъ училищъ. (См. «Журналъ Мин. Нар. Пр.» 1910 г., май).

Допущена въ качествѣ учебнаго пособія для приготовительнаго и седьмого классовъ женскихъ институтовъ и гимназій Вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

Въ защиту живого слова. Статьи о значеніи и преподаваніи живого языка. Ц. 50 к.

Правильность и чистота русской рѣчи. Изданіе 3-е, сокращенное. Ц. 1 р. 50 к.

Упрощеніе русскаго правописанія. I. Современное состояніе русскаго правописанія. II. Историческій очеркъ вопроса объ его упрощеніи. Изданіе 2-е, дополненное. Ц. 50 к.

Азбука выразительнаго чтенія. Первые указанія и совѣты учащимся. Пособіе для учениковъ городскихъ училищъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Изданіе 3-е, пересмотрѣнное. Ц. 20 к.

Ученымъ Комит. Мин. Нар. Пр. признана заслуживающею вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. («Журналъ Мин. Нар. Пр.» 1910 г., май).

Допущена въ ротныя библіотеки среднихъ и старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ. (Циркуляръ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній 18 мая 1910 г., № 14).

Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущена въ библіотеки церковно-приходскихъ школъ. («Церковныя Вѣдомости» 1910 г., № 19—20).

Русское правописаніе. Учебная и справочная книжка для учениковъ городскихъ училищъ и первыхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 30 к.

Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ допущена къ употребленію въ церковно-учительскихъ и второклассныхъ школахъ въ качествѣ учебнаго пособія. («Церковныя Вѣдомости» 1910 г., № 50).

Циркуляромъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній, отъ 22 янв. 1911 г., за № 4, допущена въ качествѣ учебнаго пособія для первыхъ классовъ кадетскихъ корпусовъ.

Допущена въ низшіе классы среднихъ учебныхъ заведеній и низшія учебныя заведенія Вѣдомства учрежденій ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ.

Продаются въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда:

Башмаковыхъ, Вольфа, Думнова, Карбасникова, Оглоблина, Панафидиной, Суворина, Тузова, Цукермана и др.

Главный складъ у автора:

Петроградъ, Васильевскій Островъ, 6 линія, д. 29, кв. 38.

Выписывающіе изъ склада на сумму не менѣе 1 рубля за пересылку не платятъ.

